

Тбилисский государственный университет имени Ивана
Джавахишвили
Факультет гуманитарных наук

Роланд Топчишвили

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство „Универсал“
Тбилиси 2011

Кавказ, история живущих здесь народов, их этническая культура давно привлекают внимание ученых. Этот интерес велик и сегодня. Наверное, так будет и в будущем. Автору настоящей книги принадлежит изданный в 2007 году университетский учебник «Этнография народов Кавказа». А в «Кавказоведческих исследованиях» представлены написанные и опубликованные автором в разное время труды по этнической истории и этнической культуре Кавказа.

Научные редакторы: **Зураб Папаскири**
Георгий Жужунашвили

© **Р. Топчишвили**

Издательство **“УНИВЕРСАЛ”**, 2011

Тбилиси, 0179, пр. И. Чавчавадзе №19, ☎: 2 22 36 09, 5(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge

ISBN 978-9941-17-350-9

ОТ РЕДАКТОРОВ

Книга известного грузинского историка-этнографа, доктора исторических наук, профессора Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили **Роланда Топчишвили** – «*Кавказоведческие исследования*» представляет собой сборник трудов, написанных и опубликованных учёным в разное время.

Эти труды касаются самих злободневных, актуальных проблем истории и этнографии не только Грузии, но и всего Кавказа. В них рассмотрены **вопросы как глобальные** – обозначение географического ареала Кавказа, о т.н. «кавказской цивилизации», этническая обстановка на историческом и современном Кавказе и др., **так и более локальные** – о причинах этнической пестроты и многоязычия в Дагестане, история миграции осетин в Грузию, об этнической принадлежности двалов, об осетинской мифологеме истории, ареал первоначального расселения предков осетин-аланов, об этногенезе осетин, об этнографической группе цова-тушин и об этнической группе лайджей в Грузии.

Значение затрагиваемых в издании тем и их авторское решение, особенно политически ангажированных вопросов, выходит далеко за рамки академической науки и, безусловно, приобретает определённое общественное звучание.

В этом плане, прежде всего, хотим обратить внимание на следующие моменты:

В прошлом и в настоящем южная граница Кавказа определялась не географическим, а политическим мотивом. Указанное деление Кавказа в основном отвечало геополитическим интересам. Подобная регионализация Кавказа, естественно, в новую эпоху стала предметом внимания определенной части ученых. Предлагают совершенно инновационную структурализацию Кавказа. Вместо двух больших единиц – Северного Кавказа и Южного Кавказа предлагают три единицы: 1. Северный Кавказ; 2. Центральный Кавказ и 3. Южный Кавказ. В данной структурализации территория государств Грузии, Армении и Азербайджана, т. е. Южный Кавказ, именуется Центральным Кавказом, а кавказская часть территорий Турции и Ирана, или географический Антикавказ – Южным Кавказом. Р.Топчишвили уточняет предложенную структуру. По его мнению отнесение всего Иранского Азербайджана к Кавказскому региону не совсем оправдано. С

географической точки зрения в Кавказ входит только та часть Иранского Азербайджана, которая охватывает бассейн Аракса (ущелья правых притоков реки Аракс Котур/Готур и Карасу (Агчай); Карадагский хребет, простирающийся между этими реками; иранская сторона Тальшских гор; иранская часть Муганской равнины). Неотъемлемой частью Кавказа является отрезок Причерноморья от Сарпи до Трапезунда, т. е. историческая Лазети в месте с Понтийским хребтом.

В последнее время часто говорят о «кавказской цивилизации» и широко афишируется эта теория. Однако, по утверждению автора, она не имеет под собой научной основы. На базе анализа обширного материала и подходов «цивилизационистов» учёный, на наш взгляд достаточно аргументированно обосновывает, что «общекавказской цивилизации» не существовало и не существует. Кавказцы (южные и северные) не имели общих комплексов: **культурных феноменов, социально-экономических и общественно-политических структур, религиозной общности.** Созданию общекавказского культурного и цивилизационного единства мешало природно-географическое и климатическое многообразие региона. Южная и северная часть Кавказа прошли разные пути развития. «Кавказская цивилизация» – это только слова, придуманные учёными (порой подхваченные и политиками), не знакомыми с теориями цивилизации, историей и этнологией. Несмотря на вышесказанное, проф. Р. Топчишвили вовсе не склонен считать, что народы Кавказа вели замкнутую жизнь, что они не общались между собой, не заимствовали друг у друга элементы культуры.

Подход автора к этногенезу и этнической истории осетин заключается в следующем: надо четко разграничить этногенез аланов-осетин и этническую историю осетин, те этнические процессы, которые на протяжении веков сопутствовали развитию осетинского этноса. Поскольку исследователи сходятся в том, что осетины – потомки аланов, то заранее следует подчеркнуть, что этногенез аланов-осетин, так же как и всех других ираноязычных народов, произошел не на Кавказе. На Кавказе протекал процесс слияния, этнической ассимиляции представителей местных этносов с ираноязычной массой, сформировавшейся в Средней Азии и на ее сопредельных территориях, а уже потом укоренившейся в указанном регионе. Совершенно бесспорным является вывод автора предлагаемой книги о том, что осетин и их предков аланов на

территории Грузии до позднего средневековья не было, а тем более не было их в VII веке до н. э. и они не приходили сюда в лице скифов, как это утверждают фальсификаторы истории.

Р. Топчишвили внёс большой вклад в исследовании этнической принадлежности двалов. В книге научно обоснованы и аргументированы материалы о происхождении двалов и их принадлежности к грузинскому этносу и этот вопрос остаётся бесспорным. По утверждению автора тоже можно сказать о цова-тушинах.

Последняя статья посвящается этнической группе лайджей, автором которой является Г. Автандилашвили, который под руководством проф. Р. Топчишвили изучал эту группу. **Лайджы и в переписях населения, и в официальных юридических документах обозначались (числились) как азербайджанцы.** Следует обратить внимание на то, что народ под таким этнонимом нигде не засвидетельствован. Лайджы проживают **в Гаре Кахети (Восточная Грузия), в селе Гомбори Сагареджойского района.** Хотя лайджей записывали как азербайджанцев, сами они себя таковыми не считали. Проживание в селе Гомбори бок о бок нескольких этносов обусловило формирование здесь своеобразных культурных отношений.

И, наконец, в предисловии книги, автор, со свойственной ему скромностью, заявляет, что он сочтёт свою миссию выполненной, если данное издание как-то активизирует дальнейшее углублённое исследование поднятых в ней ключевых проблем исторического кавказоведения. Со своей стороны, редакторы, считая уже сам выход в свет *«Кавказоведческих исследований»* проф. Р. Топчишвили, важным событием, значительным вкладом в кавказоведение, полностью присоединяются к этому призыву учёного и не сомневаются, что предлагаемая книга с достоинством выполнит эту почётную миссию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кавказ исторически был одним из значительных регионов мира. Так это и сейчас. Кавказ обращал и обращает на себя внимание своим уникальным географическим местоположением, он разграничивает Европу и Азию. Оригинальность Кавказа состоит и в его природно-географическом многообразии. А самое главное то, что данный регион издревле отличался языковым, этническим, религиозным и культурным многообразием. Все это оказало важное влияние на общественное развитие кавказских народов: если одни как бы следовали за социальным и культурным развитием передовых этносов мира, то у других существовали лишь зачатки социальной дифференциации. Несмотря на это, народы Кавказа, наряду с этническим сознанием, имели и имеют также своего рода кавказское сознание.

Исходя из вышесказанного, Кавказ и кавказцы постоянно привлекали внимание. О Кавказе и кавказцах уже написано много трудов, будет написано и в будущем. Это обуславливается языковой и культурной мозаичностью Кавказа, а также текущими событиями.

И в прошлом, и сейчас грузины всегда испытывали большой интерес к этническому, языковому и культурному многообразию соседей. Достаточно вспомнить концепцию грузинского летописца, Леонтия Мровели, который говорил об общем происхождении целого ряда кавказских этносов. Естественно, кто не интересуется соседями, тот не сможет полноценно познать и себя. Общеизвестно, что данные об истории кавказских народов в основном собраны в грузинских источниках. Исходя из этого, можно утверждать, что в Грузии всегда были актуальны кавказоведческие исследования. Этот интерес не затухает в грузинской науке и сегодня. Общеизвестны исследования грузинских лингвистов-кавказоведов, у нас изучали и изучают проблемы истории, этнологии, археологии, а также физической антропологии Кавказа, этнические связи кавказцев.

В «Кавказоведческие исследования» вошли научные труды этнологического и исторического характера о Кавказе и кавказцах написанные автором в разное время. В отличие от некоторых исследователей, автор не имеет претензии ни на звание кавказоведа, ни на категоричность. В гуманитарных науках ведь факти-

чески нет труда, содержащего абсолютную истину. Главное, чтобы ученый не искажал источники и не вторгался в область исследования других наук. А подобные труды не так уж редки. Автор сочтет свою скромную миссию выполненной, если настоящая книга активизирует исследования в области кавказоведения.

В конце книги в качестве приложения приводится труд ученика автора, *Геorgia Автандилашвили*, касающийся этнической группы *лайджей*, живущей в Грузии с первых десятилетий XX века, о существовании которой знал лишь небольшой круг востоковедов.

КАКУЮ ТЕРРИТОРИЮ ОХВАТЫВАЕТ КАВКАЗ?

Не так давно в научной литературе, справочниках и энциклопедиях Кавказом именовался только географический регион, относящийся к Советскому Союзу. На сегодняшний день ситуация такова: Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации, а на Южном Кавказе расположены три независимых государства – Грузия, Армения и Азербайджан. Границы Кавказа и прежде и сейчас определялись и определяются в соответствии с различными параметрами. Общеизвестно, что для установления границ того или иного географического региона в основном используются природно-географические критерии. В отношении Кавказа эти критерии нарушены, и, наряду с ними, здесь всегда фигурировал политический момент. Для Кавказа характерна еще одна особенность: он расположен на двух континентах. Считают, что Главный Кавказский хребет является водоразделом, т. е. Северный Кавказ относится к Европе, а Южный Кавказ – к Азии.

На востоке и западе Кавказ граничит с морями: на западе он омывается водами Черного и Азовского морей, на востоке – Каспийским морем. Северной границей Кавказа признана Кумо-Маньчская впадина и низовье Дона. Неопределенность имеет место только в отношении южных границ Кавказа. Здесь всегда присутствовал политический фактор: прежде рубежом считалась граница Советского Союза с Турцией и Ираном, а ныне – граница Грузии, Армении и Азербайджана с теми же государствами. Одним словом, для обозначения границ большой географической единицы применялся и применяется политический фактор. Для иллюстрации сказанного приведем отрывки из книги «География Кавказа»: «На севере граница Кавказа приблизительно совпадает с так называемой Кумо-Маньчской впадиной... Она проходит здесь по рекам Ее, Среднему Егорлыку, Зап. и Вост. Маньчам, по озеру Маньчу, по р. Гейдук, впадающей в р. Куму, и по низовьям этой последней». «Западную границу Кавказа составляет восточный берег Азовского и Черного морей от г. Ейска до мыса Копмуш (южнее г. Батума), восточной границей является западный берег Каспийского моря от места впадения в последнее р. Кумы до впадения реки Астары». «Южная граница Кавказа, идущая от мыса Копмуш, вдающегося в Черное море, по восточным отрогам Понтийского горного хребта и по западной подошве Саганлугских

гор, от г. Кесадаг направляется вдоль Агридагского хребта до Большого Арарата. Далее она идет по р. Араксу, по условной прямой линии, пересекающей Муганскую степь и идущей от поста Карадулинского на р. Араксе до Белясувара на р. Булгару-чай, и, проходя далее по хребту Талышинских гор и речке Астаре, заканчивается на берегу Каспийского моря у г. Астары» (*Ляйстер, Чурсин 1924: 2-3*).

Из цитированной книги очевидно, что южная граница Кавказа совпадала с рубежами советского государства: она проходила вдоль хребтов, по горам, степям, ущельям, рекам и речушкам. Более того, крайние юго-западный и юго-восточный населенные пункты были разделены надвое: одна часть села Сарпи, расположенного на Черном море, принадлежала Советскому Союзу, а другая – Турции; аналогично обстояло дело на Каспийском море с городом Астара, также поделенным между государствами. Таким образом, одна часть Сарпи и Астары входила и входит в Кавказ, а другая часть – нет. Парадоксально, что левобережье Аракса относилось к Кавказу, а правобережье находилось за его пределами. Местами и левый берег Аракса оставался вне пределов Кавказа...

В досоветский период, во времена царизма, южная граница Кавказа очерчивалась иначе, но и тогда она простиралась вдоль рубежей Российской империи. Тогда в пределы последней входили и воспринимались как Кавказ территории исторической Грузии и Западной Армении (согласно тогдашнему административному делению, Артвинский округ, Карсская область). Из территорий исторической Грузии это были: историко-этнографические края Шавшети и Кларджети, Кола, Артаани, Эрүшети и город-крепость Олтиси в области Тао. Это южная часть географической единицы, известной под названием Малого Кавказа. В географической научной литературе замечено: «Малый Кавказ (и весь Антикавказ) продолжается на западе – в Турции (в виде Понтийского и североармянского Таврийского хребтов) и на востоке – в Иране (в виде Карадага, соединяющего Малый Кавказ с нагорьем Талыш-Богровдаг-Эльбурс)» (*Маруашвили 1981: 19*). Указанные территории сегодня находятся за пределами независимых государств – Грузии и Армении. Естественно, поскольку государственная граница Кавказа и во времена царизма, и в годы советской власти определялась политическим фактором, она варьировала. Так

обстоит дело и сегодня. Игнорируется географический фактор. Что делать с тем обстоятельством, что Малый Кавказ, кроме территорий трех независимых государств Южного Кавказа, простирается в глубь территорий Турции и Ирана? Если оставить в стороне реальный географический фактор, большой ареал, расположенный южнее Грузии, Армении и Азербайджана, как с исторической, так и с культурной точки зрения является неотъемлемой частью Кавказа. В Кавказский ареал полностью входят бассейн реки Чорохи, исток и верховье Куры, бассейн Аракса. Авторы вышеупомянутой книги «География Кавказа», изданной в 1924 году, чувствуя некоторую неловкость в этом отношении, отмечают: «...Поэтому южную границу Кавказского перешейка удобнее всего проводить по линии, разделявшей до 1914 года территории, принадлежавшие России, Турции и Персии» (*Ляйстер, Чурсин* 1924: 2). Хотя и в данном случае на передний план выдвигается политический фактор. И во времена царизма географический Кавказ оставался за пределами политической границы. Ни для царистской, ни для советской науки не существовало ни географического, ни исторического и ни этнографического фактора. Можно сказать, что в отношении Грузии, Армении и Азербайджана подобное деление действительно несправедливо. Во второй половине XIX века в состав Российской империи входила значительная часть исторических областей Юго-Западной Грузии. В пределах Османской империи также оставалась значительная часть грузинских земель – из провинции Тао только Олтиси входил в Российскую империю. Получается, что Олтиси был Кавказом, а Тортуми и Пархали – нет. Схожую ситуацию имеем в отношении Лазети. При царизме граница проходила у г. Ризе. До революции прибрежная полоса Лазети, включая Ризе, являлась Кавказом, а после создания Советского Союза – уже нет? Вообще, с природно-географической точки зрения Лазети вместе с Понтийским хребтом, начиная от Трапезунда, является неотъемлемой частью Кавказа.

О том, что этнические грузины, живущие в исторической Юго-Западной Грузии, находящейся ныне на территории Турции, идентифицировали себя с кавказцами, свидетельствует название традиционного праздника – «*Кавкасор*», ежегодно устраиваемого в летний период в Чорохском ущелье на горе Триала близ города Артвин. Праздник продолжался два дня: в первый день в борьбе состязались юноши, а во второй день проводились единоборства

волов (*Ивелашвили* 2001). Хотя с 1981 года турецкое руководство придало этому празднику официальный характер, но, по информации пожилого, 81-летнего местного жителя – этнического грузина, название праздника «Кавкасор» идет со стародавних времен. Кстати, и в современной турецкой науке все края исторической Юго-Западной Грузии, Лазети, Аракское ущелье рассматриваются как Кавказ. Данное обстоятельство подтверждается и тем фактом, что университет Карса турки назвали «Кавказским университетом».

Таким образом, Кавказский регион в действительности охватывает гораздо более обширную площадь, нежели та, которой он сегодня измеряется. В географическом плане Кавказ включает и сопредельные районы соседних с Грузией, Арменией и Азербайджаном государств – Турции и Ирана. Если говорить конкретнее, это Лазети, бассейн Чорохи, исток и верхнее течение Куры и бассейн Аракса. Бассейны Аракса и Чорохи географически потому относятся к Кавказу, что первая из этих рек (Аракс) сливается с Каспийским морем с запада (западное побережье Каспийского моря представляет собой естественную восточную границу Кавказа), а вторая река (Чорохи) впадает в Черное море с востока (восточное побережье Черного моря является западной границей Кавказа).

В природно-географическом отношении Кавказ неоднороден. Его природно-географические (порой даже сопредельные) зоны резко отличаются друг от друга. Кавказ неоднороден также с этническо-языковой и культурной точек зрения. Более того, Кавказ не является географической единицей, для которой характерна общность цивилизации. По природно-географическим параметрам Кавказ делили на две главные части: Северный и Южный, который в советский период называли Закавказьем. Иногда отдельно рассматривали и Главный Кавказский хребет, относительно которого Северный Кавказ называли Предкавказьем. Северная часть Главного (водораздельного) Кавказского хребта, естественно, входит в Северный Кавказ, а южная часть – в Южный Кавказ.

Принято также делить Кавказ на восточный и западный участки, а территорию от Эльбруса до ледниковой вершины Казбек именуют Центральным Кавказом. Некоторые ученые подразумевают под Центральным Кавказом несколько иной отрезок: Северо-Западный Кавказ (бассейн р. Кубань), Северо-Восточный Кавказ (бассейн р. Терек) и простирающийся между ними

Центральный Кавказ (справедливее было бы его называть Северо-Центральным Кавказом). Нередко Центральный Кавказ представляют в более обширных границах, в частности, от реки Большая Лаба на западе до реки Аргун на востоке (*Кузнецов 1997*).

Указанное деление Кавказа в основном было разработано русской наукой и, по сути, отвечало геополитическим интересам, особенно относительно его южных границ.

Подобная регионализация Кавказа, естественно, в новую эпоху стала предметом внимания определенной части ученых. Полагаем, следует разделить соображение о том, что указанная модель деления Кавказа опирается «на неверное понимание исторически сформировавшихся социально-экономических, социокультурных и этнических параметров Кавказа» (*Исмаилов, Папава 2007: 37*). На наш взгляд, правомерен новый подход к данному вопросу, а именно: введение в пределы Кавказского региона северо-западных провинций Турции (вилайетов – Карс, Ардаган, Артвин, Игдир и др.) и северо-западных областей Ирана (останов – Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан) (*Исмаилов, Папава 2007: 37-38*). Хотя, со своей стороны заметим, что предложенная структурализация требует некоторого уточнения. В частности, отнесение всего Иранского Азербайджана к Кавказскому региону несколько неоправдано. Иранский Азербайджан занимает гораздо более обширную территорию, чем кавказский Азербайджан, – площадь двух останов, расположенных вокруг озера Урмия (Резайе), 108 507 кв. километров (а площадь государства Азербайджан – 86,6 кв. км) (*Начкебия 1972: 11*). Только малая часть территории останов Западный Азербайджан и Восточный Азербайджан (ущелья рек Котур/Готур и Карасу) входит в Аракский бассейн, а большая часть указанных останов находится за его пределами. В данном случае действительно следует исключить этнический фактор (этнические азербайджанцы живут не только на Кавказе. Аналогично, историческая Армения включала не только Кавказ; центральный район Западной Армении, окрестности озера Ван находятся за пределами Кавказа). С географической точки зрения, в Кавказ входит только та часть Ирана (Иранского Азербайджана), которая охватывает бассейн Аракса (ущелья правых притоков реки Аракс Котур/Готур и Карасу (Агчай); Карадагский хребет, простирающийся между этими реками; иранская сторона Талышских гор; иранская часть Муганской равнины).

Как уже отмечалось выше, неотделимой частью Кавказа является отрезок Причерноморья от Сарпи до Трапезунда, т. е. историческая Лазети с Понтийским хребтом.

Предлагается также совершенно инновационная структурализация Кавказа. Вместо двух больших единиц – Северного Кавказа и Южного Кавказа – авторы предлагают три единицы: 1. Северный Кавказ; 2. Центральный Кавказ и 3. Южный Кавказ (Исмаилов, Папава 2007: 38). В данной структурализации неизменным остается Северный Кавказ. Территория государств Грузии, Армении и Азербайджана, т. е. Южный Кавказ (Закавказье), именуется Центральным Кавказом, а кавказская часть территорий Турции и Ирана, или географический Антикавказ (Малый Кавказ и Талышские горы), – Южным Кавказом. Авторы новой концепции в этой третьей единице в свою очередь выделяют две поединицы: сопредельные с Грузией и Арменией турецкие вилайеты рассматриваются как Юго-Западный Кавказ, а граничащие с Азербайджаном северо-западные останы Ирана – как Юго-Восточный Кавказ.

По нашему мнению, подобное деление оправдано только в том случае, если под Кавказом непременно подразумеваются соответствующие края Турции и Ирана. Разграничение географического региона по политическому, равно как и по этническому, принципу должно быть искоренено. В размежевании «Центрального Кавказа» и «Южного Кавказа» по-прежнему доминирует политический фактор, поскольку оно производится в соответствии с существующей межгосударственной границей. Южный Кавказ – целостная географическая единица. Так принято в международной научной и политической номенклатуре. Присвоение крайнему южному региону «Южного Кавказа» другого названия, а обозначение «Южного Кавказа» термином «Центральный Кавказ» на сегодняшний день нам представляется невозможным. Препятствие возникает в силу того обстоятельства, что прочно укоренено обозначение на Северном Кавказе пространства с запада на восток (от Эльбруса до ледниковой вершины, или от р. Большая Лаба до р. Аргун) термином «Центральный Кавказ». Новая, прямо скажем, радикальная структурализация Кавказа, на наш взгляд, окажется неприемлемой ни для широких кругов ученых, не для политиков и политологов. Вообще, чтобы структурализация Кавказа оказалась приемлемой для всех, необходимы согласо-

ванность и последовательность географов, историков, этнологов и других специалистов при подходе к данной проблеме. Решающее слово все же должно принадлежать географам. Бесспорно одно: абсолютно неправомерно выделение турецкого и иранского участков Малого Кавказа из Кавказского региона и их восприятие в отрыве от последнего.

С природно-географической точки зрения Северный Кавказ делят и в соответствии с вертикальной спецификой: 1) горный Кавказ; 2) предгорная низменность и 3) степное Предкавказье. Какова в этом плане ситуация на Южном Кавказе? Здесь также выделяются горный, предгорный и равнинный подрегионы. Если на Северном Кавказе горная система простирается только вдоль центрального водораздела, то на Южном Кавказе, кроме водораздельного хребта, имеется и другая горная система, расположенная на его южном отрезке, известном под названием Антикавказ (Малый Кавказ и нагорье Талыш), и, что главное, Малый Кавказ непосредственно соединяется с горным массивом водораздельного хребта низкой горной грядой, известной под названием Сурамского (Лихского) хребта. Хребет, соединяющий Большой и Малый Кавказ, является естественным водоразделом бассейнов Куры и Риони. Этим хребтом не только Грузия делится на западную и восточную части, но и в целом Южный Кавказ.

Следует обратить внимание на еще одно немаловажное обстоятельство. Как уже говорилось, водораздел Северного и Южного Кавказа проходит по Главному Кавказскому хребту, простирающемуся от Таманского полуострова (несколько южнее Анапы) до Апшеронского полуострова. С географической точки зрения в Южный Кавказ входит причерноморская полоса Российской Федерации с городами Сочи, Туапсе, Геленджик, Новороссийск. Территории Грузии и Азербайджана также включают не только Южный Кавказ. Историко-этнографические края Грузии – Тушети, Хеви, Пирикити Хевсурети – находятся на северных отрогах Главного Кавказского хребта. Здесь же, на северных склонах хребта, расположен исконный историко-географический край Грузии Двалети, отторгнутый от Грузии (от Горийского уезда Тифлисской губернии) в 1858 году. Значительная часть Азербайджана также расположена по северную сторону Главного Кавказского хребта. Таким образом, политическая граница между Россией и Грузией и между Россией и Азер-

байджаном не везде пролегает вдоль Главного Кавказского хребта. Географически Грузия и Азербайджан относятся не только к Азии, но и к Европе.

Таким образом, в регион Южного Кавказа, кроме трех независимых государств – Грузии, Армении и Азербайджана, входят сопредельные территории Турции и Ирана. Участки Южного Кавказа, включающие территории Турции и Ирана, фактически представляют собой его юго-западный и юго-восточный подрегионы, которые так и должны именоваться – Юго-Запад и Юго-Восток (Южного) Кавказа.

Литература

Брокгауз и Ефрон – Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Том. XIII.

Ивелашвили 2001 – Ивелашвили Т. Празднество *Кавкасор* и его исторические корни. – Ахалцихе-Карс, 2001. – С. 101-109. - Груз.

Исмаилов 2002 – Исмаилов Э. О геополитических предпосылках экономической интеграции Центрального Кавказа // Известия АН Грузии, серия экономическая. Т. 10, № 3-4. - С. 123-148.

Исмаилов, Папава 2007 – Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: очерки геополитической экономики. – Тб., 2007. – Груз.

Кавказ // Грузинская Советская Энциклопедия. Т. 5. – Тб., 1980. – Груз.

Кузнецов 1997 – Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона. 1997. <http://www.archeologia.ru/Library/book/c4fea0f78d9f>

Ляйстер, Чурсин 1924 – **Ляйстер А. Ф., Чурсин Г. Ф.** География Кавказа: природа и население. - Тифлис, 1924.

Маруашвили 1981 – Маруашвили Л. Физическая география Кавказа. Ч. 2. – Тб., 1981. – Груз.

Начкебия 1972 – **Начкебия Н.** Иран: экономико-географический очерк. – Тб., 1972. – Груз.

Ismailov, Qengerli 2003 – **Ismailov E. and Zia Qengerli.** The Caucasus in the Globalizing World. A New Integration Model // Central Azia and Caucasus, No 2, pp. 135-144.

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА КАВКАЗЕ: В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Находящийся на рубеже Европы и Азии, Кавказ всегда привлекал к себе внимание больших империй. Неоднократные нашествия на этот регион многих завоевателей – гуннов, монголов, арабов, турок, иранцев и др. – оказали значительное влияние на его этническую и демографическую ситуацию: исчез целый ряд местных этносов; на их место пришли другие, со временем превратившиеся в кавказцев. Этническая ситуация на Кавказе особенно изменилась за последние двести лет, когда регионом завладели русские. Отрицательные последствия для этнодемографической обстановки данного региона имел также внезапный распад советской империи.

Волею судьбы быть кавказцами довелось многим большим и малым народам. Наряду с автохтонными этносами, на Кавказе с давних пор жили и живут неместные, мигрировавшие этносы, с течением времени превратившиеся в коренных кавказцев. Таким образом, Кавказ является одним из самых полиэтнических регионов мира. На малых территориальных единицах здесь друг с другом соседствуют этносы разного происхождения – большинство из них являются древнейшими коренными жителями Кавказа, некоторые же пришли сюда в разные периоды истории. Многоэтничность Кавказа обуславливалась и обуславливается его географическим положением, природно-климатическими условиями и желанием разных империй захватить этот регион. Если взглянуть на современную этническую карту Кавказа, можно наглядно увидеть, что на этом важнейшем мировом перекрестке бок о бок живут этносы местного кавказского происхождения и тюркского, иранского, славянского происхождений. Несмотря на то, что существует немало трудов по этнической истории Кавказа, бесспорно, данная проблема по-прежнему актуальна и требует дальнейших исследований, тем более, что крушение советской империи и прочие политические процессы, происходящие в мире, обусловили новое миграционное движение этносов на Кавказе. Кавказский регион неоднороден и с религиозно-конфессиональной точки зрения. Завоевательские амбиции империй в отношении этого региона выражались и в их стремлении распространить здесь свою религию. В подтверждение этого можно вспомнить

насаждение на Кавказе иранцами зороастризма. Некое исключение в этом плане представляли собой лишь монголы, не стремившиеся к идеологическому обеспечению своих завоеваний. Крах монголов и их смешение с различными народами, вероятно, в определенной степени были обусловлены именно этим обстоятельством. На сей раз нашей целью не является рассмотрение религиозно-конфессиональной картины Кавказа. Настоящая статья касается исключительно обзора этнической мозаики Кавказа как в историческом, так и современном аспекте.

Надо заметить, что в последнее время наиболее участились случаи искажения истории и этнологии Кавказа, создаются разного рода мифологемы по этому поводу. В этом плане особенно активизировались представители тех этносов, которые сравнительно поздно стали кавказцами. Имеют место факты присвоения пришлыми этносами чужого культурного наследия, истории и достижений некогда живших на Кавказе и исчезнувших коренных этносов.

На Кавказе сегодня живут до пятидесяти народов, каждый из которых имеет свою оригинальную культуру и язык. Этот регион, связывающий Европу и Азию, еще в античную эпоху был населен большим количеством этносов. В подтверждение сказанного можно привести сведение древнегреческого географа Страбона (64/63 гг. до н. э. – 23/24 гг. н. э.) о том, что в Причерноморье, в Диоскурию (современный Сухуми) съезжались торговцы со всех горных регионов Кавказа, бывшие представителями около семидесяти проживавших здесь народов (*Латышев 1947: 209-210*). Забегая вперед, подчеркнем большое значение сведения этого же автора о том, что жившие на побережье Черного моря джики до прихода сюда обитали в долинах Сарматии (*Латышев 1947: 209-210*). Следует заметить, что с этим сведением полностью совпадает сведение грузинского летописца Джуаншера: «...Пачаникети граничила в ту пору с Овсетией, по ту сторону реки Овсетской, и Джикети была там же. Спустя много времени, турки притеснили пачаников и джиков. Пачаники ушли на запад, а джики осели у пределов Абхазии» (Картлис цховреба 2008: 82) Между прочим, и согласно сведению арабского автора X века ал-Масуди, родственные джикам (убыхам) абхазы и черкесы пришли на Кавказ из других земель. На основе сочинения ал-Масуди А. Алемань резюмирует, что «различные народы, проживающие в горах

Кавказа, прибыли из Ару и являются потомками Амура б. Тубила б. Йафета б. Нуха (библейская генеалогия): лесги, аланы, хазары, абхазы, аварцы и черкесы» (*Алемань 2003: 351*). Нелишне будет также вспомнить слова арабского географа Ибн ал-Факих ал-Хамадани, относящиеся к середине IX века и свидетельствующие о том, что в горах Кавказа живут 72 народа, говорящих на совершенно различных языках (*Караулов 1902: 15, 17*). Арабские авторы называли Кавказ «горой языков». Подобная этническая пестрота характерна и для нынешнего Кавказа, хотя это вовсе не значит, что на протяжении веков указанный регион не претерпел определенных изменений. Миграционные и иные процессы и катаклизмы, имевшие место во всем мире и особенно на евразийском пространстве и Ближнем Востоке, оказывали значительное влияние на процессы, протекавшие на Кавказе. Смещение народов вело к возникновению новых этносов; многие древние этносы канули в Лету, став лишь достоянием истории, – достаточно вспомнить, к примеру, исчезнувший народ кавказских албанов.

Прежде чем коснемся исторически протекавших этнических изменений, рассмотрим в целом этническую ситуацию на современном Северном и Южном Кавказе. К семье кавказских языков, именуемой раньше иберийско-кавказской семьей языков, относятся: адыги, черкесы, кабардинцы, абазы и абхазы, чеченцы и ингуши; дагестанские этносы: аварцы, ахвахцы, андийцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндинцы, чамалинцы, дидойцы, капучинцы, хваршинцы, гинухцы, гунзибцы, арчинцы, даргинцы, кайтаги, кубачинцы, лакцы, лезгины, агулы, рутульцы, табасаранцы, цахуры, живущие в Шахдагских горах Азербайджана хиналугцы, крызы, бжедухи, живущие в Азербайджане и Грузии удины и, что главное, единственный народ кавказского происхождения – грузины, имеющие оригинальную письменность. Из ираноязычных народов Кавказа следует назвать осетин, предки которых – аланы – поселились на Кавказе в исторически обозримом прошлом. Что касается ираноязычных народов тат и талышей, они являются одними из древнейших коренных жителей Кавказа. Тюркоязычные народы поселились на Северном и Южном Кавказе в разные периоды истории. Азербайджанцы если являются коренными жителями Южного Кавказа, то кумыки, ногайцы, балкары и карачаи – жителями Северного Кавказа. Индоевропейцами по происхождению являются армяне. С испокон

веков на Кавказе также проживают как горские так и грузинские евреи. Родиной всех вышеперечисленных этносов является Кавказ (*Волкова 1973; Волкова 1974; Топчшвиди 2007*).

На Кавказе живут также народы, не являющиеся по происхождению кавказцами, в частности: русские, украинцы, курды, ассирийцы, греки, татары, евреи и др. Как ни странно, самым многочисленным этносом на современном Кавказе являются русские – их здесь насчитывается свыше 12 миллионов. Преимущественно они проживают на Северном Кавказе, где к 1989 году их численность достигала 11 233 700 человек (*Белозеров 2005: 13*), что составляло две трети всего населения Северного Кавказа. Вышеприведенная этнодемографическая картина сложилась на Кавказе на протяжении последних двух столетий.

Выше мы уже говорили об адыгском этносе – джиках, переселившихся на рубеже старого и нового летоисчисления из «долин Сарматии» на Кавказ, а точнее, в Причерноморье. В этот период, как видно, на Северном Кавказе миграционные процессы коснулись и других этносов. Их перемещение и тогда, и позже в основном было обусловлено интенсивным движением на всем евразийском пространстве ираноязычных племен – скифов, сарматов и аланов, кочевавших с места на место и вторгавшихся на чужие территории.

На этническую и демографическую ситуацию Кавказа значительное влияние оказали нашествия тюркоязычных гуннов в 70-х годах IV века. Двинувшиеся с территории современной Монголии эти тюркоязычные племена, образовавшие новый конгломерат в результате слияния с другими этносами, перемещались через всю Евразию в западном направлении. В Приволжье и Приазовье они столкнулись с большим сопротивлением со стороны ираноязычных аланов. Тем не менее, гуннам удалось пресечь кочевание аланов в евразийской плоскости. Часть аланов, оттесненных гуннами в предгорье Кавказа, перешли к оседлому образу жизни. Так предки осетин – аланы – впервые стали кавказцами. Со своей стороны, аланы стали притеснять коренные племена, населявшие предгорные равнины Кавказа: обитавшие здесь нахско-дагестанские этнические группы вынуждены были переместиться в горы. Многие кавказцы в этот период были ассимилированы аланским этносом. С указанного времени на Кавказе, наряду с аланами, находят пристанище и тюркоязычные

племена гуннов – савиры, поселившиеся в горах Кавказа, на территории современной Балкарии. Тогда же на равнине Дагестана сформировался этнос кумыков. Хазары также считаются потомками поселившихся в предгорьях Восточного Кавказа гуннов. Хазарское царство, как известно, охватывало обширную территорию: его северная граница пролегла по северному побережью Каспийского моря, а на западе оно простиралось вплоть до Крымского полуострова, включая его восточную часть. На протяжении всего раннего средневековья в долинах Северного Кавказа доминировали именно племена вышеназванных аланов и хазар. Подобно тюркоязычным племенам, ираноязычные аланы тоже пришли с востока – из Средней Азии и с территории нынешнего Казахстана (*Топчишвили 2008; Топчишвили 2009*). Хазарское государство, граничившее с аланами с севера, сравнительно скоро прекратило существование: в 60-х годах X века оно было уничтожено Киевской Русью. Однако это не означает, что в долинах Северного Кавказа прекратил существование и тюркский этнос. Следует подчеркнуть, что распад хазарского государства способствовал началу миграции различных племен, и особенно племен тюркского происхождения, с востока на запад. До того, в течение определенного времени хазары, фактически, перекрывали коридор, ведущий из Азии в Европу. Таким образом, как справедливо замечено, для летописцев XI века хазары, равно как и гунны, были народом из далекого прошлого (*Гадло 1979: 20*)

Гунны, а затем и хазары оставили свой след и на Южном Кавказе. В 392-396 годах большие массы гуннов вторглись в Южный Кавказ и Переднюю Азию. Некоторые ученые связывают появление на территории нынешнего Азербайджана тюркоязычного населения именно с этим периодом. Однако с убедительностью можно сказать, что как оставшиеся на территории Кавказской Албании малочисленные гунны, так и пришедшие сравнительно поздно, в VII веке, хазары вряд ли изменили бы здесь этническую ситуацию, поскольку и те, и другие вскоре были ассимилированы.

Аланы продолжали обитать в долинах Северного Кавказа в своем государственном образовании, по словам Л. Н. Гумилева: «Обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном» (*Гумилев 2003: 263*), с которым в XI-XII веках имело интенсивные отношения соседнее грузинское государство. Из «Истории» Джунаншера явствует, что во времена царя Вахтанга

Горгасали (V век) главной политической силой на Кавказе являлись аланы-осетины, которые создавали проблемы не только грузинам на Южном Кавказе, но и различным этносам, жившим в горах Северного Кавказа. Грузинский летописец называет тогдашними союзниками осетин и хазар, в которых, бесспорно, следует подразумевать не хазар, а одно из племенных объединений гуннов на Северном Кавказе. Как аланы, так и гунны и хазары контролировали равнины Северного Кавказа. В поле зрения летописцев они попадают уже в раннее средневековье, в отличие от горских этносов, редко упоминающихся в тогдашних исторических источниках. Вместе с тем надо заметить, что часто под этнонимом «аланы» в те времена подразумевались и местные племена, обитавшие в горах и предгорьях Кавказа. Коренными этносами, жившими в горах Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья, считаются нынешние нахско-дагестанские и абхазско-адыгские народы, которые нередко смешивались друг с другом. В указанном регионе, несомненно, жили и другие, не известные нам этносы, которые были ассимилированы расселившимися здесь сравнительно позже аланами-осетинами и тюркоязычными кипчаками (половцами). Согласно сведению автора VI века Прокопия Кесарийского, савиры обитали вблизи Кавказских гор (*Прокопий 1960: 11, 22-27*). Однако, как выясняется, они жили и в горах, в частности, на территории нынешней Балкарии и Западной Осетии (Дигории), что подтверждается полевыми этнографическими материалами. Во-первых, горцы Западной Грузии – сваны – называют балкар (а иногда и осетин) «савиарами», а во-вторых, в топонимике Дигории очевидны следы савиров: Дигорское ущелье осетины называют «Сафари-ком» (*Цагаева 1971: 148, 188*), что означает «ущелье савиров». Тот же Прокопий Кесарийский во второй половине VI века между абасгами и аланами выделяет «брухов» (*Прокопий 1960: 6, 12; 4, 1-5*). Кто такие эти брухи? Трудно конкретно ответить на этот вопрос, хотя надо заметить, что русский ученый А. Генко идентифицирует брухов с убыхами, т. е. с теми же джиками грузинских источников, поскольку, по его данным, «пиох» («биох») является эндоэтнонимом убыхов. Если суждение А. Генко соответствует истине, тогда однозначно можно заключить, что после VI века ареал расселения убыхов (джиков) сменился: согласно греческому историку, они живут в горах, между абасгами и аланами. Поздние же убыхи являются жителями

Причерноморья. То, что на протяжении всего средневековья на Северном Кавказе часто происходила не только смена этносов, но и смена ареала их расселения (происходило как расширение, так и сужение этого ареала), хорошо видно из сочинения того же Прокопия Кесарийского. По его свидетельству, в VI веке Дарьяльские ворота не входили в область политического (и тем более этнического) контроля аланов. Такая же политическая и этническая ситуация сохранялась в X веке. *Согласно сведению арабского автора X века Ибн Русе, от Дарьяля до границ владений аланов было по меньшей мере десять дней пешего пути (Алемань 2003: 347).* По свидетельству другого арабского автора того же века ал-Масуди, Дарьяльская крепость находилась под юрисдикцией грузинского, а не аланского правителя (*Алемань 2003: 347*). Согласно сирийской хронике второй половины VI века, равнину Северного Кавказа населяли тринадцать разных народов, которые жили в палатках и питались преимущественно мясом домашнего скота, диких зверей, добываемых на охоте, и рыбой. Среди этих тринадцати народов указанный источник называет и аланов (*Гадло 1979: 100-101*). На Кавказе, в период аланского государственного образования, на территории Дагестана существовало и Серирское царство, основным коренным населением которого являлись аварцы, хотя в его состав входили и другие дагестанские этносы.

Новый этап в этнической истории кавказских народов начинается с нашествия монголов. Под натиском монгольских завоевателей пришли в движение различные тюркоязычные и ираноязычные этносы, обитавшие на евразийском пространстве. Монголы уничтожили политические объединения аланов-осетин и кипчаков (*Анчабадзе, Волкова 1993*). В результате осетины-«степняки» окончательно переселились в горы Центрального Кавказа, став горцами, а часть кипчаков укрылась в горах Западного Кавказа. Вследствие слияния кипчаков с местным населением сформировались современные народы – балкары и карачаи. После завершения монгольского господства западную часть территории расселения аланов заняли кабардинцы, которые фактически контролировали ситуацию на Кавказе до прихода сюда русских. Владетелями северных областей политического объединения аланов стали тюркоязычные ногойцы, которые антропологически произошли путем смешения представителей европеоидной и

монголоидной рас. Превращение аланов-осетин в горцев в значительной мере отразилось на этнической картине Южного Кавказа в целом и, в частности, – Грузии. Осетины, значительно увеличившиеся в численности вследствие высокой рождаемости, желали вернуться в долины Северного Кавказа, на земли своих предков, но поселившиеся на их месте кабардинцы не давали им такой возможности. Поэтому они «нашли выход», поселившись в исконных историко-географических областях Грузии – Двалети и Шида Картли. На основе многочисленных исторических источников, которыми мы располагаем, доподлинно установлено, что *миграция осетин в Двалети произошла в XVI веке, а в нагорье Шида Картли – не ранее середины XVII века (Топчишвили 1979).*

Нашествие монголов повлияло и на этническую ситуацию Южного Кавказа. Хотя, надо сказать, в этом регионе подобные перемены происходили и раньше. Особенно изменилась ситуация в восточной части Южного Кавказа – на территории современного азербайджанского государства, т. е. исторической Кавказской Албании. Исчез христианский албанский этнос эпохи раннего средневековья, имевший собственную письменность. Единственными этническими преемниками кавказских албанов считаются удины. В физическом смысле албаны не переродились: со временем трансформировалось их этническое самосознание и они превратились в тюркоязычный народ – современных азербайджанцев. Тюркоязычные этносы, в частности хазары численностью 12 тысяч человек, пришли в Албанию в VII-VIII веках. В 1025 году на территории исторической Албании расселились 40 тысяч семей огузов. Тюрки-сельджуки поселились здесь и в 1070 году, во время нашествия Алп-Арслана. Вообще, по заключению ученых, среди современных азербайджанцев в численном отношении преобладают физические потомки древних албанов, нежели тюркоязычных племен. На территории Албании процесс этнической трансформации протекал и в более ранний период. Так, в раннее средневековье имело место арменизация албанов, что, однако, было обусловлено не миграцией армян, а тем, что албанская церковь оказалась под идейным влиянием армянской церкви. В начале VIII века албанская церковь утратила автокефалию и вошла в состав армянской церкви (формально албанский католикосат, резиденция которого находилась в Нагорном Карабахе – в Гандзасаре, просуществовал до середины XIX века). Процесс этнической трансформации на тер-

ритории Албании претерпели не только собственно албаны, но и другие населявшие её этносы – народы дагестанского и иранского происхождения.

С этнической точки зрения большие изменения произошли на Кавказе с приходом русских. Как уже отмечалось выше, согласно последней переписи населения советской эпохи, численность русских на Кавказе была равна 12 миллионам человек. В то время, как всего каких-то два столетия тому назад представителей этого этноса на Кавказе вообще не было. Продолжительная борьба Российской империи за покорение Кавказа не прошла бесследно. Значительная часть побежденных и вытесненных русскими кавказских горцев покинула родину и переселилась в Османскую империю. Наиболее многочисленные на Кавказе до прихода русских народы адыгского происхождения (700-750 тысяч человек) оказались в меньшинстве. Исторический ареал расселения покинули и другие северокавказские этносы. Среди мухаджиров было немало абхазов и грузин с мусульманским вероисповеданием (из историко-этнографического края Грузии – Аджарии – в Османскую империю переселилось 8 тысяч человек. Массовое переселение грузин-мусульман имело место также из Самцхе-Джавахети). Этнический ареал расселения расширили осетины и армяне, лояльные и благорасположенные по отношению к русским. Осетинам предоставилась возможность поселиться на равнине Северного Кавказа – на одном маленьком отрезке земли. В XIX – начале XX века армяне широко расселились на всей территории Северного и Южного Кавказа. Российское царское правительство способствовало переселению армян с территории Османской империи, или исторической Западной Армении, находящейся на территории современной Турции, не только в Восточную Армению, но и в Грузию и Азербайджан. Кроме армян, усилиями русского царизма в Грузии были поселены и другие этносы; в частности, из Османской империи в одну из историко-этнографических областей Грузии – Триалети – были переселены греки. Обосновавшиеся в Триалети греки называли себя «курум», их родным языком являлся турецкий, а исповедывали они христианство. Российская империя стремилась целенаправленно, исходя из собственных интересов, изменить этническую ситуацию во всех регионах Кавказа. Спасшиеся и оставшиеся в горах Северного Кавказа народы адыгского происхождения русское правительство

переселило на равнину, создав вокруг каждого из их селений многочисленные русские населенные пункты. Эта имперская политика успешно была продолжена российским руководством и в советский период. Свидетельством тому может служить, к примеру, переселение северокавказских горцев – чеченцев, ингушей, балкар, карачаев – с земель их предков в далекую Среднюю Азию и Казахстан. Аналогичная участь постигла грузинских мусульман, известных сегодня в мире под этнонимом «турок-мехетинцев», хемшилов (армян-мусульман), живших в окрестностях Батуми, и другие народы. В то же время Российская империя всячески способствовала заселению Северного Кавказа различными этносами некавказского происхождения и, в первую очередь, русскими. Примечательно, что в советский период абсолютное большинство населения автономных образований Северного Кавказа составляли некоренные жители русского происхождения. Так, например, если в 1867 году численность чеченцев в Чечне составляла 31,7% населения, превосходя русских на 1,6%, то в 1874 году данное соотношение изменилось в пользу русских (соответственно, показатели были 29,9% и 28,8%) (Белозеров 2005: 23). Одним словом, приход русских на Кавказ радикально изменил этническую карту Северного Кавказа (впрочем, как и Южного Кавказа), где заселение славян и российских подданных, фактически, протекало беспрепятственно. Кроме того, поощрялись эмигранты армяне, немцы, греки и другие. Колонизация Северного Кавказа оказала влияние и на географию расселения кочевых народов – ногайцев, туркмен, калмыков. Объектом особого внимания российских властей всегда являлось Причерноморье, а именно, Абхазия, в которой первейшей целью России было добиться этнической пестроты, прежде всего, за счет массового заселения в этот регион русских. В осуществлении поставленной задачи царизму мешал климатический фактор. На фоне массовости переселения высока была и смертность мигрантов. Так, например, в 1809-1811 годах в причерноморском регионе Северного Кавказа умерло 7 315 человек, а в 1818 году, вследствие эпидемии, численность мигрантов сократилась почти наполовину. Поэтому в 1870-1890 годах на Черноморском побережье Кавказа – в районах Туапсе, Сочи, Адлера, Анапы, Новороссийска, Майкопа – российские власти способствовали

именно массовому поселению армян. Большое число армян мигрировало в вышеуказанные районы и в 1915-1916 годах.

Мы ничего не сказали о роли больших государств, расположенных южнее Кавказа, в динамике этнической ситуации в указанном регионе. С этой точки зрения значительно было влияние, особенно на Восточный Кавказ (Дагестан, Албания), арабских завоевателей. Распространение ислама ускорило здесь процессы этнотрансформации. Османская империя изменила этническую ситуацию в Юго-Западной Грузии. В составленном в 1595 году документе переписи населения Гурджистанского вилайета, в котором описаны историко-этнографические края Грузии: Самцхе, Джавахети, Кола, Артаани, Эрүшети и таойский Олтиси (сюда не внесены Шавшети, Кларджети и большая часть Тао) – указаны несколько сот селищ. Только в Джавахети было 102 селища. Османы полностью разорили Тори (нынешний Боржомский район). Насажение ислама повлекло за собой деэтнизацию, туркизацию грузин (*Топчишвили 2000*). Этническая обстановка изменилась и в Восточной Армении: образованное на ее территории Ереванское ханство входило в состав Ирана. В 80-х годах XIX века численность армян в Ереванской губернии составляла 56% населения (*Свод... 1893*).

Отрицательно сказалась на Грузии позднего средневековья роль Ирана. Иранские власти целенаправленно стремились изменить в Грузии этническую ситуацию, разумеется, в свою пользу. Они вынуждали коренное грузинское население покидать свои земли, а на их месте заселяли туркменские племена. С этой точки зрения чрезвычайное положение сложилось в ряде краев Восточной Грузии. Почти обезлюдела Восточная Кахети (нынешняя область Саингило), Гагма Мхари (левобережье реки Алазани) и Шида (Внутренняя) Кахети, Эрцо-Тианети. На грани демографической катастрофы оказались и Картли, и Триалети. Живущие в провинции Ферейдан (на территории современного Ирана) грузины являются потомками угнанных из Грузии шахом-Аббасом I-м в XVII веке грузин. Что касается живущих в Кахети и Квемо Картли туркменских племен, они мигрировали сюда в основном во времена того же шаха-Аббаса и в более поздний период. В значительной степени на этническую ситуацию Грузии влияли частые набеги северокавказских горцев, известные в Восточной Грузии под

названием «лекианоба» (засилье лезгин, лезгинские походы, погромы) и «тквис скидва» (торговля пленниками и невольниками).

Большое влияние на этническую и демографическую ситуацию на Кавказе оказал также распад советской империи. Разгоревшиеся здесь при подстрекательстве и содействии России так называемые этнические конфликты принесли много несчастий и жертв и повлекли за собой миграционные процессы населения. Достаточно вспомнить последствия войны в Чечне, Нагорном Карабахе, Абхазии, Шида Картли (Цхинвальский регион). Велико число переселившихся из зон конфликта чеченцев, армян (из Азербайджана), азербайджанцев (из Армении), грузин. Грузины и азербайджанцы на своей родине превратились в беженцев. К сожалению, покинули Грузию и часть осетин. В политических и государственных кругах России высказывается сожаление по поводу того, что на Кавказе сокращается численность этнических русских. Много русских (и не только русских) покинуло государства Южного Кавказа. Из Цалкского района Грузии фактически ушли этнические греки. Более того: Грузию покидает и значительная часть коренного грузинского народа, особенно молодежь. Миграция грузин в страны Запада обусловлена экономическими трудностями республики. Что касается Северного Кавказа, здесь с 1917 года по 1959 год удельный вес русского населения неуклонно возрастал (если в 1917 году русские составляли 44,3% населения Северного Кавказа, то в 1926 году они составляли 46,9%, в 1939 году – 52,5%, в 1959 году – 54,7%); затем пошел спад, и к 1989 году численность русских здесь сократилась до 50,8%. После распада Советского Союза тенденция сокращения численности русского этноса на Северном Кавказе по-прежнему сохраняется.

Таким образом, с древнейших времен поныне с этнодемографической точки зрения Кавказ постоянно претерпевает изменения. Все события, происходившие на евразийском пространстве и в Передней Азии, непременно отражались на этнической динамике указанного региона. На протяжении многовековой истории Кавказа здесь и исчезло, и поселилось много этносов. Российскому государству дорого стоило покорение Кавказа, оно пролило немало крови коренных кавказских этносов, многие из которых были вынуждены покинуть земли своих предков, Россия добилась этнической пестроты в данном регионе, тем не менее, на

завоеванной ею территории Кавказа на определенное время наконец-то воцарился мир. Так, например, относительное спокойствие и благоприятные условия настали для этнического развития грузин в XIX-XX веках (после прекращения разорительных набегов северокавказских горцев), но в этот же период сузился ареал расселения грузинского этноса; места исторического расселения грузин заняли другие этносы. Главная ошибка российской политики на Кавказе состояла именно в том, что Россия имела здесь свою опору в лице «привилегированных народов», на которые она рассчитывала и которые определенным образом помогали осуществлению её имперских целей.

Литература

- Алемань 2003* – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Менеджер, 2003.
- Анчабадзе, Волкова 1993* – Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа 16-19 вв. – М. 1993.
- Белозеров 2005* – Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005.
- Волкова 1973* – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
- Волкова 1974* – Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в 18 – начале 20 века. – М., 1974.
- Гадло 1979* – Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л., 1979.
- Гумилев 2003* – Гумилев Л.Н, Открытие Хазарии. – М.: Айрис-пресс, 2003.
- КЦ 2008* – «Картлис цховреба» (История Грузии). Главный редактор Р. Метревели. – Тб.: Артануджи, 2008. – Рус.
- Караулов 1902* – Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджана. – СМОМПК (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа), 1902, вып. XXXI.
- Латышев 1947* – Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – Вестник древней истории. – М., 1947, №4.
- Прокопий 1960* – Прокопий (из Кесарии). Война с готами. Пер. С.П. Кондратьева. – М., 1960, VIII (IV).

Свод... 1893 – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893.

Топчишвили 2007 – Топчишвили Р. Этнография народов Кавказа: этническая история, этническая культура. – Т., 2007. – Груз.

Топчишвили 2008 – Топчишвили Р. Ареал первоначального расселения предков осетин – аланов. – Тб.: Изд-во ТГУ, 2008. – Груз. Резюме на рус. и англ.;

Топчишвили 2009 – Топчишвили Р. Осетины в Грузии. – Тб.: Универсал, 2009. – Рус.

Топчишвили 1997 – Топчишвили Р. Вопросы переселения в Грузию осетин и этноистория Шида Картли. – Тб., 1997; – Груз.

Топчишвили 2000 – Топчишвили Р. Куда делось грузинское население Джавахети. – Тб., 2000. – Груз.

Цагаева 1971 – Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1971. – Ч. 1.

О ПРИЧИНАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕСТРОТЫ И МНОГОЯЗЫЧИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Население Кавказа выделяется своей этнолингвистической пестротой. Здесь живут до пятидесяти народов с таким же количеством независимых языков, которые говорят на кавказских, индоевропейских и алтайских (тюркских) языках. Эту этническую и лингвистическую пестроту Кавказа в основном обуславливает население Дагестана. Еще с древнейших времен Дагестан был известен как «страна гор» и «гора языков» (*НД 1955:6*). Ученые насчитывают в Дагестане до тридцати языков и семидесяти диалектов, представители некоторых из них с трудом понимают друг друга. Примечательно, что в дагестанских языках как правило этноним и топоним выражаются одним и тем же словом. С.М. Хаидаков приводит пример из лакского языка. У лаков название каждого аула обозначает как сам населенный пункт – аул, так и общность живущих в нем народов. Название лакского аула является одновременно этнонимическим и географическим (*Хаидаков 1960: 469*).

Прежде чем перейти к основному вопросу, перечислим все основные языки, которые входят в дагестанскую подгруппу: аварский язык, андийский (бесписьменный язык, на котором говорит приблизительно 8 тысяч человек), дидойский или цезский (бесписьменный язык, на котором говорит 7 тысяч человек), даргинский язык (с ахушским, цудахарским, кубачским и хайдакским диалектами). Некоторые ученые считают кубачский и хайдакский отдельными языками. Кроме того на кубачском говорит население всего одного села. В 1886 году на кубачском говорило 507 семей (2232 души). На хайдакском (кайдагском) – 2827 дворов (14220 душ). Затем можно назвать лакский язык, который имеет несколько диалектов, которые отличаются друг от друга в меньшей степени, чем диалекты других групп. На лакском в 1886 году говорило 6383 семей, 29215 душ; в лезгинской подгруппе объединено два языка: лезгинский (киурийский) и табасаранский (в 1886 году на лезгинском или киурийском говорило 10168 семей, 55233 души, на табасаранском 2209 семей 13270 душ). Из других языков можно назвать арчибский язык (арчибский язык распространен только в одной деревне, в 1886 году на этом языке говорило 203 двора, 804 души); агульский язык

(этот язык был распространен в шести маленьких деревнях и по данным 1886 года на этом языке говорило 1266 семей, 6840 душ. По сегодняшним данным на этом языке говорит до семисот человек); ахвахский язык (язык хундзской группы в западном Дагестане). На этом языке в трех деревнях говорит до 3800 человек. По данным 1886 года 838 семей, 3585 человек; багвалалский или кванадский язык (на нем говорит до 3300 человек, всего в черырех деревнях западного Дагестана). В 1886 году на багвалалском языке говорило 398 семей, 1474 души, ботлихский или годоберийский (в двух деревнях западного Дагестана говорит приблизительно 3500 человек. В 1886 году – 203 семьи, 887 душ); будухский язык (на будухском в горах Шахдага в Азербайджане говорит 2000 человек); капучский или бежитский (на этих языках хундзской группы говорит 2500 человек в трех деревнях западного Дагестана. В 1886 году 44 двора, 2330 душ); каратинский язык (на нем говорят в двух деревнях. В 1886 году 1897 дворов, 7217 душ); крицкий (в горах Шахдага в Азербайджане говорит 500 человек); рутулский язык (на этом языке родственном с лезгинским говорит население двух деревень. В 1886 году этот показатель был довольно высок – 2259 семей 11985 душ); цахурский язык (этим языком владеет до 800 человек. В 1886 году 912 дворов 5165 человек); хиналугский язык (1000 человек). Выделяют также тиндийский язык (в 1886 году 774 двора 3262 человека), чамалалский (8 деревень, в 1886 году 1024 семьи 3889 душ), хваршинский (5 деревень, в 1886 году 338 дворов 1406 человек), хидур-андалалский, карахулский, анцухский языки и диалекты (*Чикобава 1952: 369-371; Вопросы 1972: 312-314; НК 1960: 22*).

По историческим данным выясняется, что в свое время и другие уголки Кавказа были многоязычными и многоэтническими, например, писатели античности указывают на многие языки с северо-западного Кавказа которые характеризовались такой же этнолингвистической пестротой, как Дагестан. Полиэтнической была также и Албания. «Отец истории» Геродот (V век до н.э.) писал, что «на Кавказе множество различных племен». Через 500 лет то же самое писал Страбон, который был удивлен полиэтничностью Кавказа. По его словам только в городе Диоскурия (сегодняшний Сухуми) собирались для торговли представители до 70 племен западного Кавказа (*Каухчишвили 1957: 123*). Что каса-

ется Албании, по Страбону здесь жило 26 различных племен и народов, которые имели свои языки и как отмечает Страбон, «потому не смешиваются друг с другом» (*Каухчишвили 1957: 136*). Ученые предполагают, что территория исторической Албании в основном была заселена племенами говорящими на дагестанских языках и определенная часть Дагестана входила в состав Албании. Албанцы были ассимилированы другими этносами. Что касается северо-западного Кавказа, тут в результате слияния многих этносов (языков) мы получили 2-3 адыгейских языка. вспомним путь развития этносов (и соответственно языков). Первоначально язык образовавшийся в определенном регионе распался на диалекты. В результате длительной изоляции диалекты превратились в отдельные языки и затем в процессе исторического развития вновь произошло «укрупнение» языков. В результате ассимилятивных процессов многие родственные и неродственные языки (этносы) смешались друг с другом, одни языки поглощали другие и мы получили крупные языки. В качестве примера вспомним языки северо-западного Кавказа. Тут в результате смешения языков с течением времени остались победителями 2-3 родственных языка. В Дагестане такие процессы не произошли, мозаичность языков не нарушилась и сохранилась до сегодняшнего дня.

Перед нами стоит вопрос: почему в Дагестане существует много языков и народов? Почему не произошло смешение языков и ассимиляция этносов? Между прочим, этого вопроса касался и Н. Бердзенишвили, который отметил, что по ряду причин, вытекая из принципа родственности этносов (и языков), смешение не происходит. В частности он писал: «В Дагестане смешение друг с другом двух деревень, имеющих родственные языки не происходит и они на протяжении веков продолжают самостоятельную жизнь. В тоже время старое Ингило (такое же Дагестанское) полностью огрузинилось вместе с Эрети. Так причем же момент родственности?» (*Бердзенишвили 1990: 410*).

В науке указывают не на один фактор мешающий смешению и ассимиляции различных народов и их языков. В первую очередь называют природно-географические условия: высокие горы, ущелья, широкие реки, пустыни... мешали этническому и языковому контакту двух или нескольких народов (этносов). Там где не было таких мешающих факторов, исторически в контактной зоне

двух этносов всегда было смешанное население, что часто вызывало ассимиляцию одного этноса другим.

Причиной многочисленности этносов и языков в Дагестане называют форму хозяйства. Имеется ввиду сохранность натурального хозяйства и наличие кочевничества. Естественно вместе с природно-географическим фактором нужно учитывать и этот момент, но не как решающий и ведущий. В сходной природно-географической среде со сходными формами хозяйства происходило укрупнение мелких этносов и языков (опять же можно вспомнить пример северо-западного Кавказа). К тому же надо отметить и то, что в других регионах Кавказа (например, центрального) рельеф еще более сложный, чем в Дагестане.

Этническая пестрота и многоязычие в Дагестане результат комплекса причин, среди которых главным является существующая та особая форма социальных отношений, в первую очередь, обычай брачных отношений.

Известно, что в мире существуют две основные формы брака: экзогамическая и эндогамическая. Во время экзогамического брака запрещено бракосочетание внутри одного рода или общины. Во время эндогамического разрешается брак между членами одной и той же территориальной, социальной общественной группы. Если во время экзогамического брака, брак запрещен внутри родственного круга, то во время эндогамического брака наоборот, брак запрещен за пределами родственного круга. В специальной литературе отмечено, что эндогамический брак имел большое значение не только в образовании этнических единств, но и в формировании *Homo Sapiens*. С биологической точки зрения запрет брака между кровными родственниками привел к усовершенствованию физического типа человека. По мнению большинства антропологов качественно новая стадия в развитии человечества была обусловлена сильным смешением отдельных групп древнего населения, что осуществлялось в результате частых брачных контактов (*Генинг 1970: 35-36*).

Ученые отмечают и то, что этнические единства формируются с возникновением рода (группы кровных родственников). В эпоху позднего палеолита, появление новых средств производства привело к запрету брачных отношений внутри одной хозяйственной ячейки, что вызвало возникновение новой социально-экономической ячейки рода, внутри которого были объединены

коллективы (роды) ближайших кровных родственников, в форме стойкой хозяйственной единицы. Они имели тесные связи не только в социальном и хозяйственном плане, но и с языковой точки зрения. Подобное объединение двух или нескольких родов дает нам племя, которое являлось первой ступенью этнического единства. Каждое же племя имело свой разговорный язык (или диалект). Такие этнические единства (племена) были эндогамическими. Брак осуществляется внутри племени, этнического коллектива. В случае нарушения эндогамичности племени неизбежна была бы его этническая трансформация. Истории известен ни один факт, когда смешение двух этносов, формирование новых этносов происходило именно тогда, когда нарушалась эндогамичность этноса, когда два соседних или встречных этносов входили в брачные отношения друг с другом (*Бромлей 1960*). Хотя на месте встречи двух этносов при ассимилятивных процессах большое значение имел количественный фактор, однако, многочисленный этнос мог и не осуществить ассимиляцию малочисленного этноса, если эти этносы были эндогамичными, если они не смешались бы брачными отношениями, если брак совершался лишь внутри своего этноса. Для сохранения этнических традиций Л.Н. Гумилев считал необходимым эндогамию, т.к. эндогамическая семья различных этносов передает детям свой выработанный традиционный стереотип поведения, который постоянно друг друга заглушает (*Гумилев 1989: 89-90*).

Форме брака приписывают перенос одной археологической культуры в другую. Когда два родственных (или неродственных) племени находились друг с другом в экзогамическом браке, происходил перенос не только языковых элементов из одного племени (этноса) в другой, но и тех или иных элементов культуры. Распространение этим путем схожих культур считается более приемлемым, чем заимствование (*Брюсов 1956*).

Позднее ту или иную форму брака часто обуславливала религия, особенно имеются ввиду большие, монотеистические религии. Подобные монотеистические религии во многом определили сегодняшнее языковое и этническое лицо современного мира. Экзогамичность тюркского (турецкого) этноса способствовала смешению с тюркским языковым и этническим миром многих разных этносов. Для турков решающим был религиозный, а не этнический фактор. Способ брака защитил хорватов от ассимиля-

ции со стороны сербов. Из-за конфессиональной разницы сербы и хорваты не входили в брак друг с другом, соответственно и не смешивались. Эндогамический хорватский этнос состоял из экзогамических родов. Брачные отношения осуществлялись между этими экзогамическими родами (фамилиями). Из исторических источников известно, что в XII веке в Хорватии фамилия была значительной социальной единицей (*Чешко 1989: 141*).

Прибегнем к примеру Югославии. Известно, что малочисленные этнические единицы легко ассимилируются в чужом этническом и языковом окружении. Но это не всегда так. В Югославии есть отдельные группы, которые в течении столетий несмотря на долгое проживание в чужом этническом окружении сохранили свое национальное самосознание и язык. Так например, в 1657 году до пятидесяти семей черногорцев переселилось в Пероа (деревня в Истрии близ города Пули). Переселенные оказались полностью в чужом окружении истрийских славян и частично итальянцев, как с языковой, так и с религиозной и культурной точки зрения. В Италии особенно в период абсолютного самодержавия, неоднократно применялись попытки их ассимилирования. Перуанцы не имели школы на родном языке. Однако они сохранили этническую и языковую самобытность, православную религию, обряды и обычаи только лишь на основе эндогамического брака. Они вступали в брак только в пределах своей этнической группы, к тому же, чтобы не выходить за пределы своей этнической группы брак часто осуществлялся и между родственниками по крови (*Баряктарович 1974: 52*). В случае же принятия католической веры мигранты-черногорцы входили бы в брачные отношения с местным населением и давно были бы ассимилированы на долгое время. Таким образом эндогамию можно рассматривать как фактор сохранения этнической группы и его языка.

Из-за брачных обычаев и обрядов (отношений) сремские албанцы смешались с местным славянским населением и в первую очередь с католиками-хорватами, так как согласно установленным племенем традициям эндогамия внутри племени была запрещена. Обычай экзогамии среды албанцев был закоренелым. Тут был не экзогамический род, а экзогамическое племя. Албанцы не входили в брак в пределах своего племени. Более того, представители самого большого албанского племени митрита не входили в брак с

представителями племен шали и шоши, т. к. по преданию основоположниками этих трех племен были 3 брата.

Таким образом, мощным фактором обуславливающим устойчивость этнической общности была его эндогамичность, то есть установление брачных отношений в пределах одной (в этом случае этнической) общности. Эндогамичность была характерна для различных типов этносов на различных этапах истории. Примечательно, что в древних Афинах во времена Перикла (5 век до н.э.) по закону было запрещено вступать в брак с «варварами», т.е. с другими народами. В современных условиях замечено, что этносы (нации) обычно в крайнем случае эндогамичны на 90%. Если нарушение эндогамичности этноса превышает 10-15%, тогда действовать начинают его дезинтегрирующие факторы и в случае значительного нарушения эндогамичности модификация этноса или его полное исчезновение неизбежно (*Бромлей 1960*). Известно, что вообще, смешанный брак является одним из важных инструментов создания нового этноса на основе синтеза двух или более этнических единств. Роль нарушения эндогамии в формировании нового этнического единства хорошо видна на примере Западной Европы раннего средневековья. В формировании народов Западной Европы было значительным в 7-8 веках упразднение запрета на смешанный брак во всех варварских государствах. Таким образом, нет сомнений, что именно брак представляет собой самый радикальный путь входа чужих элементов в той или иной этнос. Эндогамичность этноса, замкнутость брачного круга гарантирует сохранность однородности этнического и языкового состава.

Вернемся к Дагестану. Мелкие этносы Дагестана были эндогамичными, кроме того в Дагестане в отличие от других народов Кавказа не было рода (фамилии) и соответственно не существовало экзогамичности рода (родственного круга). У всех народов Кавказа существовала такая социальная единица, как фамилия. Под фамилией здесь обычно подразумевалось единство всех потомков одной личности (предка). Вступление в брак между членами одного рода было исключено. Не только род но и деревня на Кавказе была экзогамичной. Нарушитель традиций, кровосмеситель на Кавказе у различных народов жестоко наказывался. В Кабарде фамилия («лэпк») играла значительную роль, члены которой были связаны друг с другом не только общим происхождением, но и хозяйственными, общественными и идеологическими

связями (*Перишц 1951: 177*). Характерным знаком единства членов лэпка была родовая экзогамия, которая представляла собой традиционный обычай, полученный из старой родовой экзогамии. Никто не имел право вступать в брак со своим однофамильцем. По этнографическим данным в Кабарде не подтверждается ни один случай нарушения родовой экзогамии. В случае нарушения этого обычая, неизбежно было выдворение за пределы страны и даже смерть (*Перишц 1951:78; Гаглойти 1974: 178*). Несмотря на то, что в Кабарде и Черкессии ислам давал право на различного рода брачные отношения (многоженство, брак между кровными родственниками и другие), до последнего времени предпочтение отдавалось традиционному. Ислам не смог искоренить здесь род и родовую экзогамию. В Кабарде (resp.Черкессии) важность рода подчеркивает и то, что у каждого рода был свой участок на сельском кладбище. В Кабарде выделяют и фамилии второго порядка, когда из одной фамилии – основы были произведены несколько новых фамилий и в этом случае была соблюдена строгая экзогамия с представителями прежней фамилии.

Существовала фамилия (мыгаг) в Осетии, члены которой считали себя потомками одного предка. Осетины строго соблюдали экзогамию. Брак с однофамильцем, даже если родство было очень далеким, был исключен (*НК 1960: 329; Гаглойти 1974:8-19, 90*).

Такие же брачные отношения существовали в Чечне и Ингушетии. Здесь тоже был исключен брак между однофамильцами. Здесь был запрещен брак не только между кровными родственниками, но и между некровными родственниками (*НК 1960: 360, 384, 385*). Вместе с тем, у народов Кавказа экзогамичным был не только род, но и вся деревня. Представители разных фамилий живущих в одной деревне не имели право вступать в брак между собой. Личность должна была искать брачного партнера в другой фамилии, в другой деревне (территориальной единице). Все это в свою очередь вызвало исчезновение существовавшей здесь этнической и языковой мозаичности. Определенная деревня или ущелье не замыкалось, наоборот, его открытость, членство в другом социуме, в другой территориальной единице, в брачном отношении сняло языковые и этнические барьеры и привело к возникновению крупных этнических и языковых групп, несмотря на существование неблагоприятных условий с природно-географической точки зрения. Тут нужно учитывать и то, что поскольку

язык представляет собой средство взаимоотношения, бесписьменные этносы относительно легко и часто меняют его (Гумилев 1989: 86).

Дагестанские брачные отношения стоят особняком среди общих кавказских обычаев и обрядов. В Дагестане вообще не было рода (фамилии) и соответственно они не знали и экзогамичного брака. Брак в определенной территориальной единице (деревне) был эндогамным. Он осуществлялся внутри родственной группы («тохума»).

Почти среди всех народов Дагестана распространен брак между родственниками. Во всех этнолингвистических единицах Дагестана запрещался брак только между родными братьями и сестрами. Об эндогамности брака всех этносов Дагестана указывалось в соответствующей литературе (НК 1960: 451, 514, 533). Указано, что тохумская эндогамия среди агулов отрицательно повлияла на все жизненные правила, что вызвало изоляцию тохумов, не происходило их уплотнения и отдельные диалекты и наречия агульского языка были законсервированы.

Приведем один пример, который предоставил лингвист А.А. Магомедов, родом из дагестанского села Кубачи. Кубачинцы говорят только на характерном для них кубачском языке. Во времена его детства в 20-ые годы двадцатого столетия в Кубачи имел место один случай. Молодая кубачинка, вышедшая замуж за своего односельчанина и родственника, овдовела. Вдова завела роман с молодым человеком из соседнего села Амузги (село Даргинцев), который вскоре женился на ней. Этот факт вызвал в Кубачи большое волнение. Все кубачинские мужчины вооружившись, верхом на конях направились сразиться с соседним селом, ибо между Кубачи и соседним селом никогда не было ни одного случая брака между собой, никогда женщина из Кубачи не выходила замуж за пределы села. Нарушители традиции должны были быть жестоко наказанными. Старейшины спасли две деревни от столкновения, вернув селу женщину. Между прочим даргинцы различали большой и малый родственный круг – «тохум» и «жинс». Предпочтение отдавалось браку между членами жинса, чем между членами тохума. Здесь и жинс и тохум были эндогамичными. Главное требование к невесте было «чистота крови». Под «чистотой крови» подразумевалось принадлежность пары к одной и той же родственной группе, иначе говоря и невеста и

жених обязательно должны были быть представителями одного жинса или тохума. Поэтому брак между жителями разных деревень был недопустим (Никольская 1952: 25-26).

В дагестанском этнографическом быту эндогамичность брака была нарушена у табасаранцев. Как отмечено в научной литературе табасаранцы не одобряли брак внутри родственной группы и предпочтение отдавали браку с девушками соседних деревень (хотя были случаи брака и среди двоюродных братьев и сестер). Так, многочисленные браки между табасаранцами и лезгинцами значительно повлияли на их языковую ситуацию, мы имеем ввиду распространенность лезгинского языка среди табасаранцев и двуязычие.

Возникает естественный вопрос: не стало ли распространение ислама причиной существования эндогамичного брака среди народов Дагестана и отсутствие экзогамичности? Мы должны ответить на него отрицательно. Во-первых, ислам не смог искоренить традиционную форму брака – экзогамичный брак среди других народов горного Кавказа. Во-вторых, по данным армянского историка Мовсеса Каланкатваца (X век), эндогамия была характерным явлением для албанцев и дагестанцев. Этот автор рассказывает о борьбе христианской церкви в I половине VII века против брака среди родственников в указанных странах (*Каланкатваца 1861: 255, 256, 282; Каланкатваца 1985: 150, 168, 169*). Среди дагестанцев, в частности дидойцев, несуществование так называемого рода среди родственного круга было замечено и Вахушти Багратионом. Он писал: «совершенно не признают бога, ни родственника, ни родство» (*Вахушти 1973: 553*).

Таким образом, многоязычие и этническая пестрота в Дагестане была обусловлена своеобразной формой брака, эндогамичностью и отсутствием фамилии. Несмешанность населения на протяжении веков консервировала существующее положение и содействовало превращению отдельных диалектов в независимые языки. За пределами Дагестана в других странах Кавказа экзогамия вызвала стирание границ между различными мелкими этническими единицами, а эндогамия в Дагестане привела к сохранности мелких этнических единиц и их языков.

Об отмеченной проблеме мы думали на протяжении нескольких лет, но его письменное оформление произошло лишь после того, как совершенно случайно мы ознакомились с двух-

страничной статьей этнографа А.И. Лаврова опубликованной в 1951 году в «Советской этнографии», на которую нигде ни один автор не ссылается. В первую очередь имеем ввиду письмо И.В.Бромлей «Этнос и эндогамия» и опубликованные развернутые обширные материалы дискуссии вокруг этой статьи. Наши выводы аналогичны заключениям Лаврова. Лавров называет эндогамию причиной многоязычия в Дагестане, хотя он ничего не говорит о том, что дагестанская эндогамия была вызвана отсутствием здесь рода (фамилии) и соответственно родовой экзогамии. Кроме того, как видно, он отдал дань времени в котором творил и главным фактором все же признал экономической фактор (*Лавров 1951: 103*). По нашему мнению, причиной этнической пестроты и многоязычия вместе с эндогамией была и природно-географическая среда гор. В равнинных условиях под влиянием экономических факторов наверно эндогамичность территориальной единицы (деревни) не оказалась бы решающей и укрупнение этносов и языков все же произошло бы. В тоже время нужно учитывать и религиозный фактор, как ранний, так и поздний. Тут в свое время распространилось христианство и каким-либо одним церковным языком, а консолидационная роль этой религии общеизвестна.

В заключении, считаем приемлемым высказанное мнение, что эндогамия является одним из обязательных элементов, как малых, так и больших этносов. Эндогамия обеспечивает этническую однородность семьи, так как именно с помощью семьи передается первостепенный признак этноса – язык, этническое самосознание и традиционная культура. Эндогамия создает для этноса генетический барьер. Поэтому научным является мнение, когда эндогамию называют одним из признаков этноса (*Бромлей 1960*).

Литература

Баряктарович 1974 – Баряктарович М. К вопросу об изменении этнического самосознания (на материалах Югославии), СЭ, № 2, 1974.

Бердзенишвили 1990 – Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. – Тб., 1990 – Груз.

Бромлей 1960 – Бромлей Б.В. Этнос и эндогамия. – «Советская этнография», № 6, 1960 г.

- Брюсов 1956** – Брюсов А.Я. Археологические культуры и общности. – «Советская археология», XXVI, 1956.
- Вахушти 1973** – Вахушти. История Грузии. «Картлис Цховреба» (История Грузии). Грузинский текст, т. IV, Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С.Г. Каухчишвили, Тб., 1973. – Груз.
- Вопросы 1972** – Вопросы введения в языкознание. Под редакцией Г. Ахвледиани, Тбилиси, 1972. – Груз.
- Гаглойти 1974** – Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии Осетии. – Тбилиси, 1974.
- Генинг 1970** – Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970 г.
- Гумилев 1989** – Гумилев Л.Н. Хуны в Азии и Европе. – «Вопросы истории», № 6, 1989 г.
- Каухчишвили 1957** – Каухчишвили Т.С. География Страбона. Сведения о Грузии. – Тб., 1957. – Груз.
- Лавров 1951** – Лавров А.И. О причинах многоязычия в Дагестане. СЭ, № 2, 1951.
- Каланкатваци 1951** – Мовсес Каланкатваци. История агван. – СПб., 1861 г.
- Каланкатваци 1985** – Мовсес Каланкатваци. История страны Алунк. Перевод с древнеармянского, предисловие, примечания и указатели Л.С. Давлианидзе – Татишвили. – Тб., 1985. – Груз.
- НД 1955** – Народы Дагестана. Сборник статей. М., 1955.
- НК 1960** – Народы Кавказа. том I, М., 1960 г.
- Никольская 1952** – Никольская З.А. Этнографическое описание Даргинского колхоза. – Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952.
- Першиц 1951** – Першиц А.И. Фамилия – лэпкъ у кабардинцев в XIX веке. СЭ, № 1, 1951.
- Хаидаков 1960** – Хаидаков С.М. Место топонимических названий в лексике лакского языка, их структура и познавательная ценность. – «Известия АН СССР ОЛЯ». М., 1960 г. Вып. 6.
- Чешко 1989** – Чешко Е.В. История болгарского языка и этническое самосознание болгар в XII-XIV вв. «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма», М., 1989.
- Чикобава 1952** – Чикобава А.С. Введение в языкознание. – Тбилиси, 1952. – Груз.

О «КАВКАЗСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

В последнее время часто говорят о «кавказской цивилизации» – под таким названием издаются книги, разного рода труды, проводятся международные научные форумы. Мы сознательно не называем грузинских авторов научных или другого рода публикаций, содержащих подобные названия, хотя следует заметить, что в последнее время в Тбилиси были проведены два международных конгресса под девизом «Кавказская цивилизация: история и современность».

В первую очередь отметим, что Кавказ – довольно большой регион, расположенный на рубеже Европы и Азии, площадь которого по принятому сегодня искусственному определению равен 467 964 квадратным километрам, а реально – больше. Если к данной площади прибавить площадь реального географического Кавказа, находящегося в пределах Турции и Ирана (северо-восточные вилайеты Турции и крайние северные области двух северо-западных останов Ирана), то его площадь превысит 580 000 квадратных километров. По современным научным данным, Северный Кавказ относится к Европе, Южный Кавказ – к Азии. Для Кавказа характерна одна очень важная черта: он на протяжении всей истории был и по сей день остается этнически и культурно весьма пестрым. Кавказ был географическим ареалом скопления, сосуществования различных культур и этносов. Нельзя забывать и о том, что ввиду своего географического местоположения Кавказ входил в сферу интересов разных империй. Так это и сегодня.

Имели ли общую, сходную культуру и были ли составляющими одной цивилизации многочисленные народы, живущие в различных природно-географических и климатических условиях, носители разных идеологий? Иначе говоря, существовала ли «кавказская цивилизация»? Читатель поймет, что заключение в кавычки кавказской цивилизации отражает наше отношение к поставленному вопросу.

В первую очередь о термине «цивилизация». Что подразумевали и подразумевают под этим термином? Для решения проблемы дефиниция этого термина имеет чрезвычайно важное значение. Также, как «культура», «цивилизация» имеет множество определений, то есть в науке не существует общепринятого толкования

данного понятия / термина. Несмотря на это, мнения ученых совпадают по целому ряду постулатов «цивилизации». В основе этого термина лежит латинское слово *civilis*, означающее «гражданский», «государственный». Обычно в философских словарях и энциклопедиях понятие «цивилизация» определяется следующим образом: **Единство материальных и духовных достижений общества.** В философских концепциях цивилизацию рассматривают в контексте анализа мирового исторического процесса. Французские просветители цивилизацией называли такое общество, которое основывалось на разуме и справедливости. Некоторые ученые (*Кант, Шпенглер, Н.Данилевский*) ее противопоставляли понятию «культура». *А.Тойнби* определяет цивилизацию как искусственно изолированный отрезок истории исследования, то есть целостность каждого отрезка обуславливает разграничение одной цивилизации от другой. В современной социологии (*Л.Уайт*) цивилизация рассматривается с точки зрения внутренней организованности, в том смысле, что общество определяется тремя основными компонентами: техникой, социальной организацией и философией, причем считается, что техника определяет остальные компоненты. Так же, как и в других случаях, марксизм (*Ф.Энгельс*) по отношению к цивилизации выступал с позиции классовости и связывал ее действенность с возникновением антагонизма между сословиями и классами, с углублением распределения труда, появлением законов, выражающих сущность классовых отношений (*ФС 1987: 670*).

Таким образом, цивилизация в разных смыслах, это: 1. синоним культуры, 2. ступень развития общества, уровень материальной и духовной культуры, 3. ступень развития общества, которая возникает после варварства (*ФЭС 1989*).

Общеизвестно, что различаются французско-английское и немецкое понимание цивилизации. Предлагаем читателю некоторые взгляды на цивилизацию известного ученого Норберта Элиаса: *«Понятие «цивилизации» соотносится с совершенно различными фактами: состоянием техники, характером манер, развитием научных знаний, религиозными идеями и обычаями. Она может относиться к образу жизни женщины и мужчины, формам правового наказания или приготовлению пищи». «В ней (цивилизации – Р.Т.) суммировано все, в чем последние два или три века западная общественность ставит себя выше более ранних или*

современных «примитивных» обществ. С ее помощью западная общественность пытается охарактеризовать все то, что выражает ее самобытность и чем она гордится: состояние ее техники, характер ее манер, развитие ее научных знаний и мировоззрения и многое другое» (Элиас 2005:62). Французское и английское понятие цивилизации связано с политическими, экономическими, религиозными, моральными и общественными фактами. В данном случае акцент в основном переносится на успехи людей, хотя особое внимание обращается и на их поведение. *«В немецкоязычном словоупотреблении «цивилизация» означает что-то очень нужное, но все же второразрядную ценность, точнее, то, что охватывает внешнюю сторону человека, поверхностный слой человеческого существования» (Элиас 2005: 63).*

Существует также понятие цивилизованного человека. Под цивилизованным человеком подразумевается образованный, нравственный, утонченный, вежливый, имеющий хорошие манеры человек. С начального этапа новой истории европейцы только самих себя считали цивилизованными, оправдывая колонизацию, завоевания тем, что должны были превратить нецивилизованные народы в цивилизованные. Во время завоевания Египта *Наполеон* обращался к солдатам: *«Солдаты, вы осуществляете завоевание, результаты которого будут неимоверны с точки зрения цивилизации».* Между прочим, Российская империя этим же девизом оправдывала расширение империи за счет других (*Гудаков 2007: 502*). И сегодня, в выходящей в России научной литературе бытует мнение, будто нецивилизованные народы Кавказа таким путем приобщали к цивилизации.

Понятие «цивилизации» в определенном смысле противопоставляется понятию «культуры». Если культура этническое / национальное понятие, то этого же нельзя сказать о «цивилизации». Культура возникла намного раньше, сразу при появлении человека: первое каменное орудие уже было элементом культуры. А цивилизация возникла довольно поздно. Считается, что цивилизация свое существование ведет с появления государств и городов. Для цивилизации этнические/национальные различия несущественны, многие народы можно относить к одной и той же цивилизации. *«Культура – это единство материальных и духовных ценностей, которые человек создавал со дня своего появления. А цивилизация*

– это общество, появившееся на одном определенном этапе мирового исторического процесса, или, как ее называют, – социально-политический и культурный организм. Именно поэтому цивилизация является более широким понятием: она охватывает как социально-экономические, так и культурные структуры» (Лордкипанидзе 2002: 25).

Из критериев, определяющих «цивилизацию», и из характеризующих ее признаков наиболее совершенным признается схема, разработанная английским историком и археологом Гордоном Чайлдом. Согласно Г.Чайлду, «цивилизация» характеризуется десятью существенными признаками:

- 1. Государственная форма организации общества;**
- 2. Социально дифференцированное общество; существование классов;**
- 3. Наследственная собственность на землю;**
- 4. Система налогов и централизованное богатство, накопленное сбором регулярных податей;**
- 5. Развитие торговых отношений;**
- 6. Появление профессиональных ремесленников, специалистов;**
- 7. Письменность;**
- 8. Возникновение городов;**
- 9. Монументальные строения;**
- 10. Зачатки науки и искусства (Childe 1950).**

В 1958 году в Чикаго на дискуссии, посвященной вопросам цивилизации, сочли нужным сократить число перечисленных выше признаков. Из перечня Г.Чайлда выделили три основных характеристики цивилизации: **1. возникновение городов; 2. возникновение письменности; 3. появление монументальных строений.** Можно сказать, что на сегодняшний день в науке утвердился данный подход. Например, авторы книги «Древние цивилизации» (редактор Г.Бонград-Левин) останавливаются на пяти признаках: **1. существование городов; 2. государство; 3. право; 4. письменность; 5. социальная стратификация,** которые в сущности входят в перечисленные выше критерии (<http://kultby.in/tag/osnovnye-priznaki-civilizacii>).

Аналогичное отношение к цивилизации имеют также В.Массон, Р.Адамс, К.Ренфрю, К.Фланнери. По формулировке последнего, цивилизация – это комплекс культурных феноменов,

связанная с такой формой социальной организации как государство. Вышеупомянутый В.Массон специфическим свойством первых цивилизаций считал отделение умственного труда от физического и изменения в сфере идеологии, когда формируются новые идеологические законы, которые, как правило, выражаются в религиозных формах (Массон 1989). Еще об одном авторе. Исследователь древней китайской культуры В.Эберхард обязательными элементами цивилизации считает: **1. социально дифференцированное общество и государственную организацию; 2. земледелие, акцентированное на выращивание зерновых культур и использование одомашненных животных; 3. существование городских центров (хотя бы одного) и, соответственно, существование архитектуры городского типа; 4. использование металлов; 5. письменность; 6. государственную учетность** (Лордкипанидзе 2002: 5).

В книге «Теоретическая этнология» мы даем следующее определение цивилизации: «Локальное социокультурное единство людей, которое при своем развитии достигло значительного прогресса материальной и духовной культуры. Признаками цивилизации признаются: государство, города, монета, торговля, письменность и др. В широком смысле цивилизация также охватывает группы людей и обширные географические пространства или целые континенты, и подразумевает существование таких цивилизаций, как европейская, азиатская, арабская и т.д. На современном уровне развития общества ученые делят человечество на несколько цивилизаций (их количество колеблется от четырех до восьми). Например, американский социолог Хантингтон утверждает, что на сегодняшний день в мире существуют такие цивилизации, как западная, православно-христианская, конфуцианская, японская, исламская, индустриальная и африканская, которые опираются на национально-религиозные особенности народов. Русские особо выделяют русскую цивилизацию, иначе ее называют и евразийской цивилизацией, и отмечают, что в ней слиты два начала. Для каждой цивилизации более или менее характерно единство исторических условий, национальных, культурных, психологических признаков, в котором разные этносы объединены в глобальные сообщества» (Топчшвили, Хуцишвили, Гуджеджиани 2010: 447-448).

Соотнесем соображения, высказанные в научной литературе о цивилизации: а) «Одно основное значение цивилизации – ее представление как единства определенного типа, как существование в качестве определенной ступени развития того или иного социального единства»; б) «Второе значение понятия цивилизации связано с определенным этапом социального бытия, периодом после дикости и варварства, который представлен непрерывно до сегодняшнего дня»; в) «Третье значение цивилизации рассматривается как один из этапов развития отдельных культур» (Кодуа 2001: 111-114). «Цивилизация – это самая высокая ступень культурной группировки людей, тот наивысший уровень культурного определения, который вместе с другими признаками отличает человека от других биологических видов. Отличие той или иной цивилизации обуславливается как общим языком, историей, религией, обрядами, обычаями, так и субъективной волей человека определить свое собственное `я`» (Общество 1999: 8).

Выше мы заострили внимание на разных подходах к цивилизации, но основной акцент сделали на историческом подходе. Существуют понятия региональной, стадийной, формационной, локальной цивилизации. Под региональными цивилизациями подразумеваются этнические и межэтнические цивилизации, под стадийными – докапиталистические, капиталистические, постиндустриальные цивилизации, под формационными – рабовладельческие, феодальные, капиталистические цивилизации, под локальными – европейские, азиатские, ближневосточные цивилизации. В литературе часто говорят также о шумерской, критской, античной, китайской, византийской, индийской, исламской и др. цивилизациях. Легко заметить, что некоторые цивилизации тесно связаны с этносами или государствами: японская, русская, немецкая, древнегреческая, римская, шумерская, китайская, египетская, ассиро-вавилонно-финикийская, новосемитская или арабская, мексиканская, перуанская... (Сайко 2003: 16) А.Тойнби выделял 21 цивилизацию. Среди этнических цивилизаций несомненно выделяется и грузинская цивилизация, которая удовлетворяет всем критериям цивилизаций (Лордкипанидзе 2002).

Существовала ли кавказская цивилизация, которая должна рассматриваться как региональная? Среди активных сторонников «кавказской цивилизации» можно упомянуть Я.Хаджиева и В.Давидовича. Для первого признаками цивилизации являются: единый

массив территории, существование на нем одних и тех же племен и народов, общая история, одна раса, психология, одинаковые обычаи и традиции, письменность... (<http://www.ia-maxsimum.ru/press283.htm>). Я.Хадзиев основанием для непризнания кавказской цивилизации не считает фактор существования у кавказских народов разных мировых религий; несмотря на то, что вайнахи – мусульмане, а грузины – православные, у них все же одинаковые обычаи и традиции, одежда и пища, родственные языки, они относятся к одной расе. Что можно ответить этому автору? Из перечисленных им критериев ни один не принадлежит к признакам цивилизации. Признаком цивилизации не является «единый массив территории», то есть проживание по соседству, раса, обычаи и традиции. И кто засвидетельствовал одинаковые обычаи и традиции у грузин и чеченцев и ингушей? Вайнахи, возможно, имели сходные с соседними грузинскими горцами традиции, но что делать с остальной Грузией? Если один расовый тип является признаком цивилизации, тогда все европейцы или монголоиды оказываются представителями европейской или монголоидной цивилизации. Кто подтвердит, что у северокавказцев и грузин была общая история? Интересно, подразумевается под этой общей историей политическая история, социальная, экономическая или этническая? Одним словом, у грузин и вайнахов общими не были ни культура питания, ни одежда. Они имели элементы культуры, отличающиеся в этом отношении даже от соседней грузинской этнографической группы – хевсуров (которые функционировали автономно в единой грузинской государственной системе). Вообще у вайнахов и грузинских горцев только некоторые элементы культуры были общими. А общность элементов культуры не зачисляет разные этносы в одну общую цивилизацию. Как могут быть частью одной цивилизации последователи разных религий, в данном случае ислама и православия? Самое поразительное то, что в качестве общего признака цивилизации упомянутый автор называет и письменность. Ведь на Кавказе письменность была только у грузин и армян. Или грузинская письменность принадлежала также чеченцам и ингушам? В истории не засвидетельствовано ни одного такого факта. Еще один знаменательный критерий кавказской цивилизации – это, оказывается, существование на Кавказе большого количества малочисленных народов (?!)

Об упомянутом выше втором авторе – В.Давидовиче не стоит и говорить, так как он считает этнографическую группу грузин – хевсуров – отдельным этносом, а грузин и тюркоязычных кумыков – разными ветвями одного древа, но поскольку он выделяет шесть признаков т.н. общекавказской цивилизации, ознакомимся и с этими признаками. Автор пишет: «Отмеченные А.Тойнби 36 цивилизаций не включают в себя кавказскую. Думается, что это, мягко говоря, недоработка крупного мыслителя» (*Давидович 2000*)¹. Рассмотрим выделенные им шесть признаков. 1. Характерные для всех народов региона признаки связаны с многолетней жизнью в горном ландшафте, что обусловило особенности хозяйства и быта, единые элементы мифологии, специфику обычаев и традиций. Здесь же подчеркивается своеобразный менталитет горцев, эмоциональность, что, оказывается, характерно также для кумыков и жителей Апшеронского полуострова; 2. Особенности хозяйства, растениеводства и животноводства, ремесел, архитектурных форм и пищи. Историческая память; 3. Родовые и феодальные отношения; 4. Совпадение многих признаков духовной культуры. Это совпадение, оказывается, подтверждает сходство нартского эпоса и строф Шота Руставели;² 5. Идентичные моменты национальной психологии: свободолюбивый дух и вспыльчивость, признание авторитета старейшин и скрупулезное соблюдение норм этикета; 6. В прошлом были характерны стычки и набеги, но

¹ Аналогичное мнение о цивилизации высказывается и в грузинской научной литературе: «Ни один из них (Н.Данилевский и А.Тойнби – Р.Т.) не указывает на кавказскую цивилизацию. Думаем, неплохо было бы исправить этот пробел в науке» (*Квициани Дж.*, Кавказ и кавказцы, Тбилиси, 2010, стр.14, на груз.яз.)

² Д. Квициани, один из активных пропагандистов вопроса о принадлежности грузин к т.н. «кавказской цивилизации», защитил кандидатскую и докторскую (октябрь 1991 г.) диссертации по вопросам истории комсомола и коммунистической партии, поддерживает Давидовича и считает, что «Нартский эпос, родственный грузинскому Амирани» (вообще-то должно быть «Амираниани») (Квициани 2010). Автор этих идей идет еще дальше и пишет: «Исторически природно-географические условия Кавказа сыграли решающую роль в формировании палеокавказской этнокультурной общности. Об этом все чаще пишут сегодня археологи, лингвисты, антропологи и др. Обнаруженные в конце XIX и XX вв. археологические памятники Майкопской, Куро-Аракской, Колхидской, Кобанской и др. культур говорят об этнической однородности древнейшего населения Кавказа, единстве его ментальных и духовных ценностей к концу каменного века». Комментарии излишни.

кавказцы не вели друг с другом длительных полномасштабных войн.

Очевидно, что *В.Давидовичу* совершенно неизвестны характерные признаки цивилизации. Если у некоторых кавказских этносов сходные формы хозяйства, формы хозяйства других сильно отличаются друг от друга; несколько кавказских этносов имеют похожую мифологию (например, нартский эпос), но это не характерно для основных этносов; менталитет северокавказцев если и имеет общие черты, этого нельзя сказать о менталитете северокавказцев и южнокавказцев. Весьма различен даже менталитет южнокавказцев, в частности, грузин и армян, несмотря на многолетнее христианское вероисповедание; родовые отношения и цивилизация – несовместимые явления. Феодалные отношения в классической форме были характерны для южных кавказцев, а большинство северных кавказцев либо вообще не знало феодальной формации, либо имело лишь ее зачатки; и духовная культура у кавказских народов не была единой, диаметрально противоположная духовная культура была у северных и южных кавказцев. Духовная культура грузин и армян была пропитана христианством, духовная культура других этносов – нет. *В.Давидович* упоминает с презрением шедевр грузинской литературы «Вепхисткаосани», когда сравнивает это произведение с нартским эпосом. Он явно не читал ни «Нартов», ни «Вепхисткаосани». Оказывается, свободолюбие – тоже общий признак кавказской цивилизации. Но авторитет старейшин, вождей (в данном случае мы не имеем в виду уважение и почитание старших) характерен был для народов, стоявших на варварской ступени, а не для цивилизованных народов; признаком цивилизации оказывается и то, что не велись ширококомасштабные и длительные войны. А набеги не считаются.

Другой ряд ученых говорит только о северокавказской, то есть горской цивилизации. В связи с этим следует отметить, что рассмотрение вопроса о существовании / несуществовании горской, то есть северокавказской цивилизации не является целью настоящей статьи. Повторяем, что цель статьи – выяснить вопрос о том, существует ли кавказская цивилизация, точнее, общекавказская цивилизация.

Прежде чем представим соответствующие аргументы, необходимо точно разобраться в природно-географическом и климатическом многообразии Кавказа и в его этнической пестроте.

Как было отмечено в начале, Кавказ – довольно обширная географическая единица с общей площадью 580 000 квадратных километров, граница которой проходит не по границе Грузии, Армении и Азербайджана с Турцией и Ираном, а южнее; Кавказ охватывает те края Турции и Ирана, которые расположены в бассейнах рек Чорохи, Кура и Аракс. В первую очередь следует отметить, что Кавказ делится Главным Кавказским хребтом на две части – на северной стороне хребта находится Северный Кавказ, на южной – Южный Кавказ. Кавказский хребет был неприступным на протяжении всей истории в большую часть года. Нелегко было его преодолеть. Несмотря на это, северные и южные кавказцы, особенно жители гор, постоянно общались друг с другом, нередко были и миграционные процессы. Народы Южного Кавказа долгое время имели связи с народами как западной христианской, так и восточной маздеистской / мусульманской цивилизацией и культурой. Географическое местоположение приносило южнокавказским народам не только несчастья, но также существование в ареале различных цивилизаций и их влияние. Ученые справедливо считают, что элементы человеческой культуры возникают не путем самостоятельного обретения, а в результате заимствования извне. Иначе говоря, цивилизации «расползлись» по Земле из определенных очагов. Если для Европы роль такого «учителя культуры» играло Средиземноморье, то для Грузии эту функцию выполняли Ближний Восток и греческий мир. Что касается Северного Кавказа, то он граничил с номадической зоной Евразии, где вторгшиеся с востока различные кочевые этносы (скифы, сарматы, аланы, гунны, авары, печенеги, половцы, монголы...) сменяли друг друга веками (из северных соседей северокавказцев только русские были коренными жителями и народом, имеющим государственность). Как справедливо отмечается, контроль кочевыми племенами огромного коридора Северного Кавказа на протяжении почти 2500 лет постоянно порождал внешнеполитическое давление на местное население (*Панеш 1996: 225*). Это обстоятельство существенно различало народы, жившие на Северном и Южном Кавказе.

Многообразны рельеф и природа Кавказа. На сравнительно небольшом пространстве сосредоточены формы рельефа разного происхождения и структуры – долины, равнины, взгорья, горные хребты, вулканические вершины. На Кавказе выделяют 21 физико-географическую область и район (*Ляйстер А.Ф., Чурсин 1924*).

Северный Кавказ по сравнению с Южным Кавказом характеризуется и ландшафтными особенностями – это резкий переход с равнин на горы. В разных частях Кавказа разный климат – от высокогорного полярного до влажного субтропического климата западнокавказских долин, от сухого континентального климата восточных предкавказских степей до сухого субтропического юго-восточной части. Также многообразен растительный мир Кавказа: субтропические леса и леса умеренного климата здесь перемежаются, с одной стороны, с альпийскими лугами, а с другой – с сухой растительностью полупустынь равнинных пространств Восточного Предкавказья и Южного Кавказа. В Западном Предкавказье встречается флора черноземных степей.

Напомним, что Кавказ – полиэтничный регион. Здесь проживают до 50 народов, все из которых создали оригинальную культуру и имеют собственный особый язык. Ведь Кавказ еще в античный период был заселен многими народами. Несмотря на то, что на Кавказе исчезли некоторые языки и этносы, он и сегодня является многоэтническим краем. К семье кавказских языков относятся: адыгейский, черкесский, кабардинский, абазинский, абхазский, ингушский, чеченский, аварский, андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберийский, каратинский, тиндийский, чамалинский, дидойский, капучский, хваршинский, гинухский, гунизбский, арчибский, даргинский, хайдакский, кубачинский, лакский, лезгинский, агульский, рутульский, табасаранский, цахурский, крызский, будухский, удинский. На Кавказе живут ираноязычные осетины, таты, горские евреи, талыши; тюркоязычные карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, азербайджанцы; армяне (их язык относится к семье индоевропейских языков); грузины... (*Топчишвили 2007*). На Кавказе сегодня проживают также пришедшие в разное время неавтохтонные этносы: русские, украинцы, курды, ассирийцы, греки... Этническую пестроту Кавказа обусловило несколько обстоятельств: местонахождение на рубеже Европы и Азии, движение народов с северных и южных путей; горный характер региона и многообразие местной природы. Некоторые из перечисленных этносов очень малочисленны и ареал их расселения не выходит за пределы одного или двух-трех селений. Кроме грузин, армян, азербайджанцев и еще двух-трех этносов, вышеперечисленные народы в основном были горными жителями. А сегодня их основная масса мигрирована на равнину.

Ниже нам придется охарактеризовать кавказские народы, особенно в отношении цивилизации. Существенный и главный признак цивилизации – государственность. Из народов Южного Кавказа носителями государственности были лишь грузины, армяне и албанцы. Азербайджанцы имели мелкие феодальные государственные образования. Из северокавказских этносов государственное образование было у аваров (Серирское царство); с XIII века оно разделилось на мелкие феодальные единицы и страна претерпела фактическую дефеодализацию. Распались на мелкие единицы также Табасарань, Лакз, Гумик (Кумух). Из северокавказцев государственное образование имели и осетины, но не в горах, где они жили последнее время, в позднем средневековье, а на долинах Северного Кавказа. В XIII веке это государство под влиянием внешнего фактора потерпело крах. Вообще географическое местоположение, а также движение разных кочевых племен и миграционные процессы не способствовали существованию устойчивой этнической ситуации и государств или государственных образований на Северном Кавказе. Государственные образования окончательно уничтожили нашествия монголов, и образовавшаяся в то время этническая и политическая ситуация фактически уже не изменялась до завоевания Кавказа Российской империей. Остальные северокавказцы, точнее, горцы, государственности, можно сказать, не имели. Необходимость создания государственной структуры народы Кавказа почувствовали очень поздно – почти на завершающем этапе экспансии Российской империи. Из адыгов думать об этом в 1850-е годы начал *Мухаммед-Амин*, а формирование государственных структур осуществили после его смерти – в 1860-1864 годы. Но было уже поздно: империя уничтожила одновременно и созданную государственную структуру, и этносферу адыгов (*Гудаков 2007: 542-543*). Так что, данный признак цивилизации (государственность) из кавказцев свойствен лишь грузинам, армянам, азербайджанцам и, на раннем этапе, частично осетинам. Грузинская государственность в Средневековье уже поднялась на такой уровень, что во время царствования царицы Тамар в стране появились даже зачатки парламентаризма. Соседство и близость с номадическим миром не оказывала благотворного влияния на этносы Северного Кавказа в плане государственности. Жизнь в горах не способствовала созданию государственности автохтонными кавказскими народами. А пере-

селиться на равнину им не позволяли кочевые народы то иранского, то тюркского происхождения; они не успевали заполнить образовавшуюся на равнине этническую пустоту.

Следующий признак цивилизации – существование социально дифференцированного общества и классов. Социально дифференцированными были грузинское, армянское, албанское, позднее – азербайджанское государства и государственные единицы (княжества, ханства). Какое положение было в этом отношении на Северном Кавказе? Выше мы упоминали Серирское царство Дагестана. Помимо этого царства, в Дагестане были и другие подобные единицы. Арабские авторы здесь упоминают также «царства» маскутов, табасаранцев, лакзов. Естественно, в царстве должна была быть социальная дифференциация и классы. Вообще в Дагестане больше развивались социально-экономические отношения, но как было отмечено выше, с XIII века здесь произошла феодализация и остались только полуфеодалные отношения. Существовавшее в степях Северного Кавказа осетинское государство было уничтожено в результате нашествий монголов, а укрывшиеся в горах осетины фактически уже не имели не только государства, но и социальной дифференциации или классов. В некоторых осетинских обществах высшее сословие существовало лишь формально. После монгольских нашествий долины Северного Кавказа заняли кабардинцы. Но зачаток кабардинского государственного образования отличался от классических феодальных государств – пост высшего должностного лица Кабарды («уалия») была выборной, его избирал совет князей. Сохранялись архаичные формы народного правления: народное собрание, тайные мужские союзы. В Кабарде патриархальное рабство было сопряжено с сильными пережитками родового строя. В «демократических» обществах западных адыгов образовался социальный слой, называвшийся «уорк». Представителей фамилий сословия уорк на фоне большой массы свободных членов общины было немного. Они сформировались не на базе земельной собственности, а в основном на базе трофеев, добытых в результате военной экспансии. Вообще не существовало социальной дифференциации и классов в Чечне и Ингушетии. Такое же положение было в Карачае и Балкарии. Эти народы не жили в виде единой цельной административно-политической единицы. Основную часть населения составляли свободные члены общины. Таким образом, и

по этому компоненту Северный и Южный Кавказ существенно отличались друг от друга, данный признак цивилизации был присущ только Южному Кавказу.

Третий признак цивилизации – передача земли по наследству. В своей классической форме и этот признак был характерен только для народов Южного Кавказа. Каково было положение на Северном Кавказе? Дагестан частично удовлетворял этому требованию. В других местах в основном существовала общинная собственность на землю. Там, где на пахотные земли была частная собственность, хозяин не мог их передавать посторонним; дочь не имела права на наследство, а в том случае, если в семье не было сына, земля переходила в собственность рода, общины. Как видим, и по этому компоненту у жителей Северного и Южного Кавказа ничего не было общего. Еще об одном обстоятельстве: из южнокавказцев к земле были прикреплены грузины и армяне. Они жили оседлой жизнью. Такой же образ жизни был у большинства азербайджанцев. Какое положение было в кабардинском государственном образовании? Будучи фактически полукочевниками, кабардинцы и адыги часто меняли место жительства. Известно, что кабардинское поселение («кабак») часто переходило с места на место. У них земля принадлежала общине. Перераспределение земли в пределах одного населенного пункта происходило ежегодно.

Г.Чайлд в качестве одного из признаков цивилизации называет систему налогов и централизованное богатство, накопленное сбором регулярных податей; несмотря на то, что этот признак не упоминается другими исследователями, все же следует отметить, что феодальная система налогов существовала только в странах Южного Кавказа. Если на Северном Кавказе кто-то облагался податями, то они оседали не в центральном аппарате, а в карманах отдельных лиц. Такие подати кабардинцам выплачивали ингуши, чеченцы, балкарцы, карачаевцы и абазины. В горах система налогов и не могла быть классической. Что мог заплатить горец, когда выращенного на протяжении всего года урожая ему самому не хватало даже на пропитание семьи? Отдельные лица добывали определенное богатство или имущество только набегами.

Одним из признаков цивилизации считают развитие торговых отношений. В Грузии, Армении и Албании, начиная с зарождения – государственности, широко были развиты торговые

отношения - имеем в виду торговые отношения как внутри страны, так и внешнюю торговлю. Археологический материал подтверждает обширные торговые связи именно Южного Кавказа с восточным и римским, позже – с византийским миром. Неоднородные и чрезвычайно несхожие данные содержатся в нумизматическом материале, обнаруженном на Кавказе античного периода. *«Колхида – один из древнейших очагов монетарной цивилизации. Здесь, наверное, с конца VI века до н.э. (по крайней мере с начала V века до н.э.) изготавливают т.н. колхский тетра, который является самой распространенной монетой в V-IV вв. до н.э. как во внутренних регионах Западной Грузии, так и в прибрежной полосе»* (Дундуа Г., Дундуа Т. 2009: 3). В данный период в Колхиде, Иберии, Армении и Албании иностранные монеты были в широком обращении, а на Северном Кавказе сложилась диаметрально противоположная ситуация: *«В античную эпоху с точки зрения монетного обращения Северный Кавказ стоит на гораздо более низкой ступени, чем регион Закавказья. Помимо этого, найденные здесь монеты не всегда выполняли роль денежных единиц»* (Дундуа Г., Дундуа Т. 2009: 31). Чеканились и были в широком обращении грузинские монеты и в период феодализма. Северокавказцы монет не имели, и это понятно, так как монеты штамповали и пускали в обращение государства. На Северный Кавказ иностранные монеты, правда, попадали, но их использовали не в торговле, а в качестве женских украшений (*История 1988: 282*). У народов Северного Кавказа существовали лишь товарообменные отношения. Более того, даже в Средневековье черкесы / адыги вели только натуральный обмен и с иностранцами (генуэзцами, крымчанами, турками). Торговой деятельностью на Северном Кавказе занимались в основном армяне. В Адыгее они селились среди темиргоевцев, хатукаевцев, бжедугов, шапсугов и др. и были объединены в отдельную группу, называемую «черкезогай». Что могли продать или обменять северокавказцы из продуктов или предметов ремесла? Почти ничего (здесь не подразумеваются некоторые народы Дагестана). Главным предметом торговли были рабы, которых раздобывали в результате набегов. Между прочим, зачатки социальной дифференциации у адыгов появились именно в результате набегов. Здесь произошло формирование сословия «уорков» – не на базе земельной собственности, а в основном на базе трофеев, добытых в результате военной экспа-

нсии, т.е. в условиях «военной демократии» («чифдома»). Между территориальными единицами / историко-этнографическими областями всех трех основных этносов Южного Кавказа были не только торговые взаимоотношения, но и тесные хозяйственно-экономические связи. Подобные торговые, хозяйственные и экономические отношения между этнографическими областями народов Северного Кавказа не наблюдаются.

Гордон Чайлд одним из основных признаков цивилизации считает появление профессиональных ремесленников и специалистов. И в этом отношении на Кавказе была неоднородная ситуация. Ремесло, конечно, было распространено на Северном Кавказе, но у большей части народов оно не отделялось от земледелия и животноводства. Они так или иначе удовлетворяли свои потребности ремесленными изделиями. Иное положение было в Дагестане и на Южном Кавказе – в сёлах Дагестана и в городах Южного Кавказа слои специалистов-ремесленников существовали с раннего Средневековья. В XV-XVIII веках продукция здешних ремесленников и высококачественные ювелирные изделия вывозились на экспорт. Следовательно, и по этому компоненту ситуация была неоднородной и она не уместается в границы цивилизации.

Один из самых основных признаков цивилизации – письменность. По этому компоненту среди ученых царит полное единогласие. Три этноса на Южном Кавказе – грузины, армяне и албанцы в начале V века уже имели письменность. Как утверждают ученые, грузинская письменность существовала намного раньше V века. У всех трех южнокавказских народов имелась оригинальная письменность. Вместе с тем, у грузинского народа с того времени зародилась и художественная литература, которая непрерывно существует по сей день; перу грузинских писателей принадлежат и шедевры. Грузины создали также собственную историческую литературу. На высоком уровне стоит и армянская историческая литература. Ввиду исчезновения албанцев образцы албанской литературы, к сожалению, до нас не дошли. Провоцирующим фактором развития собственной письменности и литературы было и распространение мировой монотеистической религии – христианства. Ведь христианство – письменная религия.

Какое положение было в этом отношении на Северном Кавказе? Ни один из живущих здесь этносов собственной письменности не создал. Письменность и литературу создавали этносы,

имеющие государство. Хотя, как известно, не все христианские народы первоначально имели собственную письменность; некоторые народы использовали письменность других, слушали церковное богослужение на чужом языке. В конце XIII века и в XIV веке в Адыгее богослужебные книги были на греческом языке. В Аварии обнаружены двуязычные грузинско-арабские надписи, выполненные грузинскими буквами в XIV веке. В Дагестане в XIII-XIX веках функционировали медресе, в которых обучали, естественно, на арабском языке. Отсутствие письменности у народов, живших на Северном Кавказе, фактически затормозило их как языковое, так и этническое развитие. Несмотря на это, в научной литературе отмечается, что этносы Северного Кавказа в своих внешних связях использовали чужой язык и письменность. Например, адыги, абазины, ногайцы, балкарцы и карачаевцы с XVII века пользовались в дипломатических отношениях русской письменностью (с помощью местных русских переводчиков и писцов). В горной Чечне, Ингушетии и Западном Дагестане употребляли грузинскую письменность. С XVI века в краях соседнего с Грузией Дагестана грузинскую письменность сменила арабская, что было обусловлено с завершением здесь процесса распространения ислама (*История 1988: 253, 492*). Отдельные случаи использования чужой письменности – все же капля в море. Подобные случаи, зафиксированные учеными, в основном были связаны с распространением христианства византийцами и грузинами, а ислама – арабами. В силу разных причин христианство окончательно не укоренилось на Северном Кавказе. И если его где-то и приняли, то только поверхностно. Одной из причин было и то, что северокавказские народы не могли читать христианские книги на собственном языке. В качестве еще одной причины можно назвать низкий уровень социально-экономического развития горского населения. В конечном счете на Северном Кавказе победил ислам, кое-где довольно рано (в Дагестане), кое-где – поздно (в Чечне и Ингушетии в XVIII веке).

Выше мы фактически коснулись еще одного признака цивилизации – религии. *Самым существенным признаком цивилизаций религию считал А. Тойнби (Тойнби 1991)*. Он видел реальную основу возвышения цивилизаций в религии, которую считает также их движущей и определяющей силой. Того же мнения придерживается *С. Хантингтон (Общество 1999: 21)*. Так что, роль

религий в формировании культур и цивилизаций народов неизмерима; особенно это касается монотеистических религий. Хотя и до появления монотеистических религий существовали цивилизации, и они во многом определялись религиозными системами. Основой сегодняшней западноевропейской цивилизации является католицизм. А православие было положено в основу греко-византийской, грузинской, русской цивилизации. Арабская цивилизация опирается на ислам, индийская – на индуизм, китайская – на будизм и т.д. Какое положение было в этом отношении на Кавказе? – Неоднородное и переменчивое. Начнем с истории. До распространения монотеистических религий каждый из народов Кавказа имел свои особенные этнические верования и представления (хотя некоторые ученые, по-видимому, исходя из идеи общекавказской цивилизации, говорят о каких-то общекавказских языческих культовых предметах). Из грузинских источников известна хронология распространения чужих религий в Грузии. При первом государственном объединении грузин, в конце IV века до н.э. царь Парнаваз учредил общий предмет поклонения – Армази. Нации нужна была объединяющая религия, и чтобы какая-либо этнографическая единица грузин не почувствовала себя ущемленной, предметом поклонения было выбрано чужое божество. Затем в течение долгого времени страна попала в ареал политического и культурного влияния Ирана. Естественно, что Иран пытался внедрить в Грузии свою религию – маздеизм. Как выясняется, он этого достигал с большим или меньшим успехом.

Аналогичное положение было в Албании и Армении. В конце концов, с начала IV века в Грузии и Армении победило христианство, а в Албании через четыре-пять веков, после укоренения турецкого этноса восторжествовал ислам, что повлекло за собой ассимиляцию и исчезновение албанского этноса. Попытки сперва Византии, а затем Грузии распространить христианство на Северном Кавказе завершились неудачей. О причинах было сказано выше: горские общества с их уровнем развития не были к этому готовы. Христианство распространилось лишь поверхностно. Сравнительно прочнее вошло оно в обиход алан-осов. Тогда они еще не проживали в горах, не были горцами и имели государственное образование в степях Северного Кавказа. Хотя источники и здесь указывают на поверхностное развитие христианства. В качестве иллюстрации нам придется привести обширную выдер-

жку: «...следует иметь в виду, что в христианство или в ислам (на Северном Кавказе) было обращено меньшинство населения. В Дагестане в X-XII вв. территория Аварии оставалась в основном языческой. В середине XII в. жители Зирихгерана хоронили своих покойников по зороастрийскому обычаю (Ал-Гарнати). Влияние христианства на население Чечено-Ингушетии также было в целом поверхностным. Многие из адыгских племен в X в. придерживались языческих верований. В частности, Ал-Масуди писал о кашаках: «Этот народ исповедует религию магов», а Ибн-Русте сообщал об аланах, что «царь алан – сам христианин, а большая часть его жителей – кафиры и поклоняются идолам». Дохристианские языческие верования оставались популярными у алан, а некоторые районы Алании (особенно восточные) были почти полностью языческими. В первой половине XIII в., со слов епископа Федора, «аланы – христиане только по имени». Венгерский миссионер Юлиан (XIII в.) рассказывал, что зихский князь имел 100 жен, хотя сам был христианином, а жители Алании "представляют смесь язычников и христиан» (История 1988:178). Основательному распространению христианства мешало отсутствие прочной социальной базы. Нашествия монголов и переселение в горы вынудило алан-осов отказаться от христианства. Что касается ислама, то он прочнее вошел в обиход сперва народов Дагестана, а затем через них – и других этносов Кавказа. Окончательно победительницей здесь оказалась такая форма магометанства, как «мистический ислам» / «суфизм», в которой главную роль играло братство. А сегодня на Северном Кавказе укореняется реакционное направление ислама – ваххабизм, которое заставляет местные народы отказаться даже от собственной этнической культуры. С мусульманской религией связан обычай обрезания. Между прочим, у андийцев обрезанию подвергали даже женщин. А ведь христианскому миру обычай обрезания был чужд.

Так что, Кавказ мозаичен не только по природно-географической среде и с этнической точки зрения, но и в религиозном отношении, с вытекающими отсюда обычаями, нравами, мировоззрением, стереотипами поведения. Нигде народы, исповедующие разные религии и последователи разных конфессий, не являются представителями одной, общей цивилизации. Поэтому и не принадлежат к одной, кавказской цивилизации и кавказцы. Могут ли быть, с одной стороны, исповедующие христианство грузины и

армяне, а с другой – последователи ислама азербайджанцы и разные этносы Северного Кавказа, составляющей частью общей «кавказской цивилизации»? Конечно, нет.

Все ученые, касающиеся проблем цивилизации, одним из первых ее признаков считают существование городов. Общеизвестно, что города появились на той ступени исторического развития, когда произошло общественное распределение труда и социальная дифференциация общества. Вследствие этого, от основной части связанного с сельскохозяйственными работами населения отделились другие социальные группы (ремесленники, торговцы), концентрация которых в определенных населенных пунктах вызвала появление поселений городского типа. Образование городов оказало большое влияние на развитие общества. Они стали организационными центрами развития государственной власти и культуры, в частности, центрами развития строительного дела и архитектуры, способствовали развитию ремесленничества и торговли. В городах зародился торговый и ростовщический капитал. С городским ремесленничеством был связан прогресс техники. В Грузии, Армении и Албании города засвидетельствованы еще в античную эпоху. Мы ограничимся перечислением грузинских городов, которые создавались в разные периоды истории. Городами Грузии античной эпохи были: Саркинэ, Уплисцихэ, Урбниси, Мцхета, Вани, Цунда, Фасиси, Диоскурия, Бичвинта, Гиенос, Самшвилдэ, Хунани, Шорапани, Димна, Тухариси и др. К концу античного периода выдвинулись новые города: Уджарма, Жалети, Тбилиси, Рустави, Хорнабуджи. По ним проходили международные торгово-транзитные дороги. С раннего Средневековья выдвинулись Тбилиси, Уджарма, Череди, Артануджи, что в основном было обусловлено политическими и стратегическими факторами. Города в Грузии создавались и в последующие эпохи; например, IX–XI века были в истории Грузии периодом создания «новых городов». В позднее Средневековье, ввиду внешних факторов, в Грузии появилось много городищ, но городская жизнь никогда не прекращалась.

В древней Армении городская жизнь была чрезвычайно развита. В эллинистический период градостроительство приняло интенсивный характер, что было связано с подъемом торговли и ремесленничества. Городами того времени были: Арташат, Армавир, Ервандашат, Тигранакерт, Вагаршапат. В Армении большие

города существовали и в Средние века – Двин, Ани, Ерзинк, Карин, Карс, Ван, Арцни, Хлат, Маназкерт. В эпоху раннего Средневековья были города и в Албании. Птолемей упоминает здесь 29 городов и крупных населенных пунктов.

Какое положение сложилось на Северном Кавказе? Ко времени прихода русских здесь не существовало ни одного города. Равнины тогда в основном занимали кабардинцы и ногайцы. Ни в Большой Кабарде, ни в Малой Кабарде ни одного, даже маленького города не было. Ногайцы вели кочевую жизнь, а ведь номады вообще не имели постоянных населенных пунктов. В горах не существовало ни одного города. Хотя, по историческим свидетельствам, до нашествий монголов в степной зоне Северного Кавказа было несколько городов. Археологами изучено городище алан Нижний Архыз в ущелье Большого Зеленчука (территория современной Кабардино-Балкарии). Это был административный и религиозный центр, форпост византийского влияния в X-XII веках. В XII веке в Нижнем Архызе жизнь вымерла. Как указывают, в конце XI и начале XII века в Алании происходил быстрый процесс дезурбанизации образовавшихся ранее городских центров, номадизация хозяйства и всех сфер быта основной части населения. Одним из важных городов на Северном Кавказе был и Маджар (современный город Буденовка в Ставропольском крае), который во второй половине XIII века образовался на берегах реки Кума. Его население составляли в основном аланы и половцы. Здесь же жили многие торговцы из Европы и Азии. На Центральном Кавказе существуют также большие городища - Нижний Джулат (близ Майкопа в современной Кабардино-Балкарии) и Верхний Джулат (близ села Элхотово в Северной Осетии). Вот и все. После поселения в горах осетины городов уже не строили. Археологами раскопано еще не одно городище в долинах Северного Кавказа, но площадь большинства из них не превышает 6-7 гектаров, реже – 10 гектаров. В горах, где был основной ареал расселения современных северокавказских этносов, города нигде не засвидетельствованы ни историческими источниками, ни археологическими данными. Уровень общественно-экономического развития горцев этого не требовал.

Казалось бы, городскую жизнь должны были оживить и развить колонии венецианцев и генуэзцев, которых было немало в северокавказской прибрежной полосе Черного моря. Согласно

итальянским картам, на рубеже XII-XIV веков здесь было более 30 колоний, где с 1260 года окончательно укрепились генуэзцы. Однако итальянцы поощряли такой вид торговли, который не только не способствовал развитию общества, а напротив, тормозил его: это – работорговля. Она происходила не с привлечением денежных знаков, а посредством натурального обмена. Такая торговля не была взаимовыгодной. Местные кавказцы меняли рабов на ткани, венецианские зеркала, мыло, мирру, соль, рис, горчицу и некоторые другие пряности... Известно, что и самим генуэзцам не чуждо было похищение рабов. Позже аналогичные действия на Кавказе продолжили крымчане и турки. Таким образом, и в отношении городов на Южном и Северном Кавказе было радикально противоположное положение. Следовательно, и по этому компоненту излишне говорить о существовании общекавказской цивилизации.

Одним из признаков цивилизации *Г.Чайлд* считает также существование монументальных строений, хотя целый ряд ученых этого критерия не признает. По-видимому, внесение этого признака в определение цивилизации было обусловлено существованием в некоторых древних цивилизациях монументальных строений; можно назвать, например, египетскую, древнегреческую, римскую цивилизации... Мы считаем, что вместо монументальных строений целесообразно было бы считать таким критерием городскую и церковную архитектуру. На Южном Кавказе монументальные строения несомненно существовали. Достаточно назвать множество православных памятников. Всем требованиям, предъявляемым к таким памятникам, удовлетворяют Бана, Ошки, Ишхани, Пархали, Отхта, Тбети в Гао-Кларджети. Своей масштабностью выделяются также крепости Юго-Западной Грузии, например, Тортуми и Артануджи. В остальной Грузии тоже было много таких комплексов: Светицховели, храм Баграта, Гелати, Алаверди, Уплисцихе, Вардзиа, Давид Гареджа, крепости: Гонио, Гори, Нарикала, Хорнабуджи, Нокалакеви, Хертвиси, сванская башенная культура, арочные каменные мосты, строительство которых в Грузии приписывается царице Тамар... Еще на рубеже нашей эры архитектура городского типа засвидетельствована Страбоном во Мцхета. Богата монументальными памятниками духовной культуры и Армения: Звартноц, Эчмиадзин, церковь в Мармарашене, монастырь Гегарт... Албанские памятники до нас не дошли. В источниках сообщается,

что в VII веке, в период окончательного восстановления независимости Албании, выдающийся представитель династии Михранидов Джеваншир в родном Гардмане возвел величественный купольный храм, который был украшен замечательными фресками.

Существуют ли подобные строения севернее Кавказского хребта? На Северном Кавказе ничего аналогичного не было, если не считать несколько грузинских христианских храмов и оборонных строений в Дагестане, Ингушетии и Чечне. Народы адыгского происхождения не имели даже башенной культуры. Им вообще неизвестны каменные строения. Как отмечается в научной литературе, в адыгской этносфере был разработан своеобразный тип поселения. Ему характерны «легкость» и «подвижность». Как западные, так и восточные адыги отдавали предпочтение строениям легкого типа, так как из-за набегов степняков они были вынуждены часто менять место жительства (Гудаков 2007: 195). Сохранившиеся на Северо-Западном Кавказе несколько монументальных архитектурных памятников – Зеленчукский храм, Шоанинская церковь, Сентинский храм, которые существовали с X-XI веков, были памятниками византийской и грузинской культуры. Памятником грузинской культуры был также возведенный в IX веке в Ассинском ущелье Ингушетии храм Тхоба-Ерды. То же можно сказать о храмах Таргим и Алби-Ерды, о Датунской базилике в Дагестане. Следовательно, и в отношении городов на Южном и Северном Кавказе ситуация была радикально противоположной; этот компонент тоже не позволяет предположить существование общекавказской цивилизации.

Г.Чайлд называет признаком цивилизации также зачатки науки и искусства. К десятому признаку следует добавить литературу. Этот признак цивилизации был характерен для грузинского и армянского народов уже с раннего Средневековья. У армян с V века существует оригинальная и переводная литература. У них имеются ценные историографические книги, прозаические и поэтические произведения. Правда, первая армянская книга была напечатана за пределами Армении, но это произошло очень рано – в XVI веке. Многовековую историю насчитывает и армянская музыка, хотя народные песни были только одноголосыми. В VIII-IX веках армяне создали доныне нерасшифрованную оригинальную систему нотной записи. Зачатки армянского театра известны с древнейших времен. Театральные труппы существовали при армян-

ском царском дворе, где ставились переведенные с греческого языка и оригинальные пьесы.

В Грузии в XI-XII веках существовали научные и просветительские центры (Гелатская и Икалтойская академии). Древнейшее грузинское художественное произведение датируется V веком. На протяжении всей истории в Грузии не прекращалось создание художественных произведений. В XII веке был создан шедевр грузинской литературы – «Вепхисткаосани» *Шота Руставели*. Произведение X века «Житие Григола Хандзтели» является не только художественным произведением, но и историческим сочинением. Дата издания первой грузинской печатной книги – 1629 год. Богата и грузинская историческая литература. В Грузии должным образом развивалась также философская наука (*Ефрем Мцире, Иоаннэ Петрици*). Выше мы уже говорили об архитектурных памятниках Грузии. Богатством отличается и грузинское изобразительное искусство. На высоком уровне находилось чеканное искусство. Грузины создавали также замечательные миниатюры и рельефные скульптуры. Всемирно известна грузинская мозаика и фресковая живопись. Великолепными фресками украшены оригинальные и многочисленные базилики в горных районах Грузии (Сванети). Особенно примечательна грузинская музыкальная культура. Много шедевров создано грузинским народом в области песенного искусства (двух-, трех- и четырехголосные хоровые песни). Многовековая традиция у многообразной грузинской народной хореографии. В процессе ее развития были созданы и театрализованные грузинские танцы. В сфере науки, искусства и литературы народами Северного Кавказа нет ничего такого, что было бы сравнимо с созданным грузинами и армянами. Таким образом, и по этому признаку не подтверждается существование кавказской цивилизации.

Несхожее положение было и в сфере права. Грузины и армяне имели письменное государственное (феодалное) право. Можно в этой связи упомянуть памятники права *Баграта Куропалата, Бека и Акбуга, Вахтанга VI*. У армян был судебник *Мхитара Гоша*. На Северном Кавказе почти у всех народов действовало только обычное право, адат. С позднего Средневековья у целого ряда северокавказских народов адат сменило мусульманское право – шариат. Включение народов, имеющих

государственное право, адат и шариат в одну систему цивилизации, не поддается никакой логике.

У нас нет данных о государственной учетности в Армении. Этот характерный для государства признак у них должен был несомненно существовать. То, что в Грузии имелась государственная учетность, известно. Например, раз в семь лет царский двор проводил перепись населения. Для Северного Кавказа такое не было характерно.

Коснемся в общих чертах этнической культуры и этнографического быта кавказских народов. Выше мы отмечали, что Кавказ был весьма многоликим регионом как в природно-географическом и климатическом, так и этническом отношении.

В. Эберхард считал признаками цивилизации акцентированное на выращивание зерновых культур земледелие и использование одомашненных животных. Одомашненные животные были почти у всех народов мира и это признаком цивилизации считать нельзя, хотя одомашнивание различных животных человеческим обществом было большим шагом по направлению к цивилизации. Что касается земледелия, то им на Кавказе занимались все народы, кроме кочевников ногайцев. К данной сфере хозяйствования сразу после поселения на Кавказе приобщились и пришлые народы иранского и тюркского происхождения. На Южном Кавказе земледелие основывалось на ирригации, в том числе на крупных поливных системах, устройство которых невозможно себе представить без большого коллективного труда и больших государственных капиталовложений. В предгорьях и степной полосе Северного Кавказа аналогичные поливные системы археологами не зафиксированы. Показателем развитой культуры земледелия служит высокий уровень террасного земледелия в Юго-Западной Грузии. Правда, террасы существовали и на Северном Кавказе, но они были гораздо меньшего масштаба. В Юго-Западной Грузии существовали многоступенчатые террасы (от 25 до 40 ступеней). Грузия отличалась высоким уровнем виноградарства и виноделия. Здесь было выведено более 500 сортов винограда, что являлось результатом многовекового творчества грузинских крестьян. Вино представляло собой продукт почти каждодневного употребления; оно имело и ритуальное значение. В Армении, несмотря на суровые климатические условия Араратской долины, все же хорошо было

развито виноградарство – зимой лозы закапывали в землю. Для Северного Кавказа такое характерно не было.

Горная природно-географическая среда Северного Кавказа не предоставляла возможности для широкого развития земледелия. Поэтому в хозяйственной сфере главенствовало животноводство. В Кабарде ведущей областью было коневодство. В позднем Средневековье некоторые северокавказские народы вообще отказались от земледелия, так как основной доход они получали от набегов; в качестве примера можно назвать аваров. О черкесах конца XVIII - первой половины XIX века один историк писал: *«Черкесов ни в коем случае нельзя назвать народом земледельцев. Они берегут руки для войн»*. Их главным богатством Н. Дубровин считал огромные стада лошадей и отары овец. А итальянец К. Главани подчеркивал, что западные адыги *«употребляют в пищу много мяса и мало хлеба, который выпекают из просяной муки»*. В 1821 году Северный Кавказ посетил шотландский путешественник Роберт Лайел, который отмечал, что *«Горские кавказские племена имеют очень много общего и стараются продолжать тот жизненный путь, которому следовали их предки. Земледелием занимаются мало. Их основные занятия – охота, животноводство и грабеж»*. У кабардинцев земледелие не носило интенсивного характера. Причиной частых перемещений кабардинских кабаков было и истощение земли. По словам Эвлии Челеби, западные адыги часто переходили с места на место и *«поэтому в этой стране черкесов нет ни садов, ни виноградников и ни постоянных поселений»*. Приведенный исторический и этнографический материал показывает, насколько различались формы хозяйствования на Южном и Северном Кавказе. Это еще одно различие, не дающее основания считать данные народы представителями единой кавказской цивилизации.

Если для южных кавказцев основной пищей был хлеб, то у северных кавказцев дело обстояло иначе. Кабардинцы /адыги не знали культуры хлеба, они ее заимствовали от русских. Их основной пищей была «паста» – густая несоленая каша из пшеничной крупы, которую ели нарезанной холодными кусками. Как известно, пища, и конечно же питье представляют собой важную составляющую этнического стереотипа, тесно связанную с хозяйствованием этноса и, соответственно, со средой его обитания. Различие в этой сфере культуры также очевидно.

Теперь остановимся на социальных отношениях. Народы как Южного, так и Северного Кавказа традиционно жили большими и малыми семьями. В этом плане сходство было большим, чего нельзя сказать о брачных отношениях. Известно, что грузины и северокавказцы, за исключением дагестанцев, объединялись в роды. Род был экзогамным, т.е. члены одного рода не заключали браков между собой (Грузинская православная церковь позволяла заключать такие браки лишь через семь поколений). У всех 26 народов Дагестана и у живших в соседнем с ними Азербайджане хиналугцев, крызов и будухов, а также у азербайджанцев родов не было; брак у этих народов был эндогамным, т.е. между собой женились близкие родственники, запрет касался только брака между братом и сестрой. Дагестанцы не женились даже на жителях соседних сёл. Могут ли входить в одну цивилизацию народы с такими разными брачными традициями? Конечно, нет. Различие и в том, что у христианских народов брак считался законным после церковного венчания, а у народов Северного Кавказа законность брака утверждалась брачным ритуалом. У народов Южного Кавказа главными персонажами на свадьбе были новобрачные – жених и невеста, а у большинства народов Северного Кавказа, например, у чеченцев, жених и невеста вообще не присутствовали на свадьбе. Здесь жених прятался в доме друга или родственника, а иногда уходил в лес. После свадьбы на первых порах муж избегал посторонних, даже своих родителей, а с женой встречался тайно – только ночью.

Согласно религии, у мусульман Северного Кавказа и южнокавказских азербайджанцев юноша не мог жениться без уплаты калыма (выкупа) за невесту; подобный обычай не был знаком грузинам и армянам. Брак заключался либо по взаимной симпатии девушки и юноши, либо по сватовству. У лезгинов существовал обычай обмена невестами (дочерьми, сестрами). Для мусульманского мира характерны были левират и сорорат. Такие обычаи не были свойственны христианским народам Южного Кавказа. Эти данные также не дают нам основания говорить о кавказской цивилизации. У народов, живших на юге и севере Кавказа, не было единства материальных и духовных достижений. Несхожим было и правовое положение женщины. Грузинская средневековая мысль рассматривала мужчину и женщину как равных. Достаточно вспомнить афоризм Шота Руставели: «Льва

ценки равны друг другу, будь то львенок или львица». Почтительность, уважение по отношению к грузинской женщине видны в вершинном народном танце «картули», пропитанном рыцарско-романтическим духом. С этой точки зрения нельзя забывать и обычаи хевсурского сцорпроба и пшавского цацлоба. Грузинская семья была прочной, чего нельзя сказать о чеченской семье. Муж мог без каких-либо аргументов выгнать жену из дома. В таком случае дети оставались с отцом и уже не могли видеться с матерью. Мужчина мог жениться три-четыре раза, женщина тоже могла выйти замуж повторно. Распад семей и повторный брак были часты. Невозможно себе представить, что этносы с такими несхожими традициями относятся к одной цивилизации.

Народы Дагестана фактически были этносами-изолятами. Это обуславливалось также их эндогамными браками. Исходя из этого, одна и та же языково-этническая единица не имела общего этнического самосознания, общего этнонима; они именовались по названию селения. То же можно сказать и о балкарцах, этнонимами которых были названия ущелий. Другие этносы Кавказа такой номинации не знали. Следовательно, расхождения проявляются и в этой сфере. Северокавказские этносы одного происхождения не смогли даже сконсолидироваться; например, осетины подразделялись на две единицы: иронцев (восточные осетины) и дигорцев (западные осетины). Их этнической консолидации препятствовал и религиозный фактор: дигорцы были магометанами. Говорящие на одном языке карачаевцы и балкарцы остались отдельными этносами, консолидацию которых затруднял территориальный фактор. То же можно сказать о народах адыгского происхождения. В XIV веке одна часть адыгов переместилась на восток, что фактически положило начало формированию кабардинского этноса. В Дагестане осталось много мелких этносов. Их объединению в большие этнические единицы препятствовал эндогамный брак.

В двух словах об обычаях захоронения. Грузины хоронили усопшего по православному обычаю на третий день, северокавказские мусульмане – в тот же день, до захода солнца. Северокавказские чеченцы, ингуши, осетины, карачаевцы, балкарцы хоронили покойника не в земле, а в надземном склепе.

О существовании общекавказской цивилизации не свидетельствует и музыкальный фольклор. Мы не станем сравнивать здесь

северокавказские и южнокавказские народы с этой точки зрения. Отметим лишь то, что грузинский хоровой и многоголосый музыкальный фольклор отличается жанровым богатством. Он охватывает трудовые, бытовые, обрядовые, свадебные, исторические, героические, любовные, шуточные, хороводные песни, шайри, причитания и плач. А в устном поэтическом творчестве северокавказских адыгов и дагестанцев важное место занимали песни о набегах. В песнях такого типа пропагандировались набеги, направленные на грабеж и захват пленных, возвеличивались организаторы набегов, которые со своими приспешниками убивали и пленяли людей другой веры. В аварских песнях детально описывается подготовка к набегам, оружие, которое брали с собой в поход. Текст одной из песен звучит так: *«Где прикоснулась наша рука, там послышался плач, куда ступила наша нога, там загорелся огонь. В плен забрали девушек с красивыми руками и красивыми глазами; захватили здоровых юношей...»*. Как правило, созданные о набегам песни завершаются таким пожеланием: *«Пусть у каждого родителей родятся такие дети»*. В пределах какой цивилизации может рассматриваться такой музыкальный фольклор? На Северном Кавказе похищение людей и продажа в рабство не считались преступлением, т.е. там были несхожие с южнокавказскими стереотипы и этнопсихологическая установка. Грузины на протяжении нескольких веков сами испытывали отрицательные последствия набегов, что в конце концов повлекло за собой изменение этнической ситуации почти на всем участке северной границы страны и приход туда горцев с Северного Кавказа.

Можно привести еще не один пример народной культуры. У народов Кавказа было много общих элементов культуры: традиции гостеприимства, схожие адаты, обычай кровной мести, почти однотипность одежды (Чоха поздно стала общекавказской. Эту мужскую одежду и на Северном Кавказе, и в Грузии носили в основном выдвинувшиеся слои, а для крестьян она была праздничной одеждой – в больших сёлах они чаще надевали чоху на свадьбу), обычай нанимать кормилиц, башенная культура (для народов адыгского происхождения башенная культура не была характерна), групповая форма поселения и др. Некоторые сходные элементы этнической культуры не дают никакого основания для того, чтобы говорить о «кавказской цивилизации». У кавказских народов было больше разного, чем общего, особенно это относится к культурам северокавказцев и южнокавказцев. На образование

кавказской цивилизации не смогла оказать влияния и миграция разных групп населения. Среди представителей северокавказских этносов много грузин по происхождению, среди грузин – северокавказцев, но подобные перемещения никак не способствовали сближению культур, созданию схожих политических и социально-экономических структур. С точки зрения расы кавказцы близки друг другу. Однако антропологическое сходство – совсем иное явление; оно является природной категорией. Сходство антропологического типа и фенотипа не имеет никакого отношения к культурным и цивилизационным явлениям.

На наш взгляд, выше было приведено достаточно аргументационного материала в связи с т.н. кавказской цивилизацией. В начале мы отмечали, что не будем называть грузинских сторонников т.н. «кавказской цивилизации», но после публикации статьи на грузинском языке вынуждены нарушить это обещание и предложить две-три цитаты. Цитата первая: «...Грузия и Кавказ как единая географическая, экономическая, культурная среда со схожим историческим прошлым предстает перед нами как локально-цивилизационная данность». Цитата вторая: «В кавказском регионе Грузии, исходя из ее «гео», «Heartland»-ного («срединная земля») положения, принадлежит историческая роль в формировании кавказской цивилизации, что подтверждается археологическими, антропологическими, лингвистическими, фольклорными и другими материалами». Цитата третья: «Признание кавказской цивилизации и проведение соответствующей социально-культурной практики может стать идеологической базой для преодоления существующей в регионе дезинтеграции и конфликтов, и для демократического строительства» (*Квициани 2007: 84-85*). Наверное, излишне делать подробные комментарии, но все же хочется отметить следующее: а) Кавказ только географически является «единой данностью». Там никогда не было экономического единства (хотя оно и было бы желательно; однако в Средневековье в условиях натурального хозяйства этого и не требовалось). Кавказ не охватывал также единое культурное пространство и не обладал «схожим историческим прошлым» (то, что народы Кавказа отнимают друг у друга историю, это – «схожее историческое прошлое»? Например, можно вспомнить мифологемы осетинских историков. Кавказцы пишут и такое: «Ереван – древний азербайджанский город, ныне столица Республики Армения» (*Гусейнова 2010: 274*). Можно привести не

один подобный пример). б) Еще раз следует подчеркнуть, что антропологическое, лингвистическое и фольклорное единство не создает цивилизационного единства. Выше вкратце было отмечено, что кавказцы не имели схожего фольклора. Лингвистическая общность тоже не создает цивилизационную общность. А как отнестись к тому, что Кавказ и исторически, и сейчас не заселен этносами, говорящими на языках только одной языковой семьи? в) Что касается третьей цитаты, то сомнительно, что она вообще имеет что-либо общее с наукой. Как видно, идея кавказской цивилизации настолько привлекательна, что она сразу решит существующие в регионе исторические и нынешние конфликты, и все вместе встанут на путь демократии. Если говорить серьезно, то автор должен был провести конкретные социологические исследования во всех социальных слоях всех этносов Кавказа, и в случае положительных ответов предложить данную рекомендацию. Сегодня в мире до 70 действующих этнических конфликтов, и неужели в случае признания их сторон представителями одной цивилизации уже ничего не помешает разрешению всех этих конфликтов и демократизации? На одном языке говорят и имеют много общих элементов культуры, например, южные славяне – сербы, хорваты, боснийцы. Но исторически они сформировались как разные этносы, более того, как носители разных цивилизаций. В данном случае решающую роль сыграла религия. Интересно, почему в случае Кавказа религиозный фактор не препятствует объявлению народов Кавказа представителями единой кавказской цивилизации?

Язык – лишь один из признаков этничности, а не цивилизации, а обладающие письменностью народы являются носителями цивилизации.³

³ Некоторые исследователи считают этногенез грузин вопросом, который должен решаться только языковедами: «*А в начале XXI века кавказоведение окончательно решило (М.Чухуа, М.Курдиани) строгими и верифицируемыми методами вопрос этногенеза грузин*» (Ц. Барамидзе. Наследие Иванэ Джавахишвили в вопросе этногенеза грузин и современные *квази-научные опусы* компаративистики. – Материалы научной конференции, посвященной 135-летию Иванэ Джавахишвили, Тб., 2011: 35 – Груз.). До сих пор никто ничего подобного не писал, так как заинтересованные этой проблемой исследователи хорошо знают, что этногенез – чрезвычайно сложная проблема и на изучение таких процессов направлены усилия разных наук (истории, археологии, этнологии, антропологии и, конечно же, языкознания). Исполь-

С учетом современного положения, также нельзя говорить о «кавказской цивилизации»: противоречия между кавказскими народами безмерно велики. Столько противостояний и конфликтов в пределах одной цивилизации не должно происходить. Мы имеем в виду армяно-азербайджанскую войну, «грузино-абхазскую» и «грузино-осетинскую» войны, ингушско-осетинское противостояние. Признанию общекавказской цивилизации препятствует также широкое распространение среди северокавказцев реакционного направления ислама – ваххабизма, а главное – распространившийся терроризм. Вообще, как может считаться терроризм (и существовавшие в историческом прошлом набеги) явлением цивилизации? Особенно чуждо это многовековым последователям христианства – грузинам и армянам, а также азербайджанцам.

зование данных перечисленных наук в комплексе касается этногенеза сформировавшихся в глубине истории этносов. Для исследования этногенеза народов, сформировавшихся в раннее Средневековье, достаточно усилий одних только историков (например, этногенез французов и болгар, англичан и венгров). Утверждение учеными того, что северокавказские и картвельские языки относятся к одной языковой семье и происходят от одного корня, не означает решения вопроса этногенеза ни грузин, ни северокавказских народов. После распада индоевропейского праязыка народы, входившие в эту языковую семью, прошли совершенно разные пути развития – этногенеза и этнической истории. Родство языков не означает этнического родства и не решает вопрос об этногенезе. Английский и курдский, итальянский и фарси входят в одну языковую семью, но их носители-народы не являются родственными этносами, поскольку этногенез англичан и курдов, итальянцев и персов происходил по-разному; они образовались вследствие смешения разных этнических элементов. Это же можно сказать о языках тюркской группы алтайской языковой семьи. В данную группу входят, с одной стороны, турецкий язык, а с другой – уйгурский. Но эти этносы не родственны, так как их этногенез происходил путем смешения разных компонентов, что подтверждается также антропологическим типом и фенотипом этих народов. В научной литературе подчеркивается: «...многие элементы культуры являются весьма подвижными, легко заимствуемыми другими народами, так что общность языка и некоторых культурных традиций вовсе не свидетельствует об обязательном популяционном родстве соответствующих народов (например, тюркских)» (Бочкарев 2008: 217). И еще об одном: сегодня в гуманитарных науках категорические суждения и использование не свойственных науке и неприемлемых терминов, как это делается в заглавии приведенных выше материалов («**квазинаучные опусы**»), весьма неудобно. Думается, что такой характерный для советской науки стиль, объявление того или иного научного взгляда аксиомой, нетерпимость к другому, пусть даже неприемлемому мнению, вождизм должны уйти в прошлое.

Чеченцы же и сегодня не могут себе представить, чтобы чеченка вышла замуж за представителя другого этноса. Чеченцев характеризует еще одна особенность: похоронить в Чечне скончавшегося в любой области России чеченца – долг всех находящихся там чеченцев.

Не только по отношению к кавказской цивилизации, но и по отношению к единой кавказской культуре учеными высказывается совершенно справедливое негативное отношение: *«Существование кавказской идентичности не означает существования единой кавказской культуры так же, как, скажем, существование европейской идентичности – существования единой европейской культуры»* (Чиковани 2005: 163). Высказанное здесь мнение подтверждается и привлеченными нами выше данными бытовой культуры. Более того: не существует и общей северокавказской культуры. У народов Дагестана и адыгов компоненты культуры значительно расходятся, не вмещаются в единые рамки.

Весьма примечательно отношение европейцев к Кавказу в разные исторические эпохи. Ограничимся соответствующими цитатами без комментариев. В эпоху Древней Греции и Рима *«Вырисовывается место Грузии как части ландшафта европейской культуры, которая преимущественно являлась союзницей Рима против Ирана, и в то же время стерегла границы Европы, в которую не входил Северный Кавказ того времени.* Охраняя ворота Дарьяла, Грузия охраняла античное пространство. Она и в ранние Средние Века выполняла свою политическую функцию – защищать римское (христианское) пространство от варваров. *В раннее Средневековье Грузия без Северного Кавказа мыслила себя в едином европейском пространстве».* «В XI–XII веках облаченная в «богом благословенную» царскую корону Грузия в своем пространстве видит весь Кавказ, где грузинский язык выполняет функцию распространителя христианской культуры. Через Грузию происходит распространение христианства на Северном Кавказе, и тем самым кавказское пространство вписывается в ландшафт европейской культуры. Но вскоре, сразу после появления монголов, Грузия утрачивает функцию объединительницы Кавказа и единый Кавказ реже фигурирует в исторических памятниках. Напротив: вновь, как и в раннее Средневековье, народы, живущие за кавказскими горами, воспринимаются христианским миром как чуждые элементы, что подтверждается сведениями, сохранив-

шимися в записях европейских путешественников и членов францисканского и доминиканского духовного орденов, которые говорят о присутствии за Кавказским хребтом Гога и Магога» (*Джавахиа 2007: 333-234*).

По словам *Норберта Элиаса*, «цивилизацией» выражается общечеловеческое, а «культура» является национальным феноменом. Действительно, все народы Кавказа имеют характерную для них этническую культуру, но у них нет не общих элементов этой культуры, не общих признаков «цивилизации». Культура северокавказцев не смогла перерасти в цивилизацию. В то время, как грузины, армяне и азербайджанцы обладают всеми признаками цивилизации, насчитываемыми века, на Северном Кавказе таковые не наблюдаются. Когда одну и ту же расу, фенотип рассматривают как признак цивилизации, очевидно, что у авторов таких соображений фактически нет научных данных для аргументации. Реально мы имеем дело с двумя, совершенно разными мирами, которые разделены Большим Кавказским водораздельным хребтом. Контактной полосой живших на северных склонах хребта этносов было евразийское кочевое пространство, а южнокавказцы имели связи с персидской, античной, арабской, православно-византийской цивилизациями.

Нельзя говорить и об общей цивилизации южнокавказцев. Они (грузины, армяне, албанцы) в ранние Средние Века может быть и составляли какую-то часть персидской цивилизации, во всяком случае, испытывали ее сильное влияние, но после распространения христианства вектор цивилизации отклонился в другую сторону. Несмотря на общую христианскую религию, у армян и грузин сформировались самостоятельные этнические цивилизации. Диффизитство грузин и монофизитство армян препятствовало созданию единой цивилизации. У армян с XI века развалилась государственность и основной их деятельностью, особенно для переселенцев в другие страны, стали торговля и ремесленничество, а у грузин торговля не была всеобщим явлением; они редко отрывались от земли. Сильно расходятся также грузинский и армянский характер (между прочим, много общего у грузинского и испанского характера). Грузинская цивилизация является результатом слияния и развития персидской, древнегреческой, византийской и собственно грузинской культуры. И в ее основе лежит православие. По мнению некоторых ученых, грузинская цивилизация является

частью европейской цивилизации. Эта точка зрения не опирается на аргументационные данные. Грузию с Европой сближало только сходство средневековой социальной системы – феодализма. Современная грузинская цивилизация отличается от европейской и тем, что грузины, не в пример европейцам, не законопослушны (иной вопрос – почти постоянное стремление грузин к Европе / Западу).

Таким образом, **кавказская цивилизация не существовала и не существует. Кавказцы (южные и северные) не имели общих комплексов культурных феноменов, социально-экономических и общественно-политических структур, религиозной общности.** Созданию общекавказского культурного и цивилизационного единства мешало природно-географическое и климатическое многообразие региона, дороги, соединяющие Европу и Азию, миграция по этим дорогам разного рода захватчиков и их желание обосноваться здесь. В период развитых Средних веков попытка византийцев и грузин объединить кавказцев под идеологией христианства оказалась безуспешной. Южная и северная часть Кавказа прошли разные пути развития. Живущие здесь народы не следовали по одному и тому же историческому маршруту. «Кавказская цивилизация» – это только слова, придуманные учеными, не знакомыми с теориями цивилизации, историей и этнологией.

О перспективах цивилизационного метода негативно отзываются многие авторы: «Методологические, гносеологические возможности и перспективы цивилизационного метода оказались восприняты и оценены поверхностно, а его резерв почти не был реализован. Сторонники данного метода (объявившие себя таковыми) не ввели дополнительных и не предложили оригинальных прочтений известных источников. В итоге не было представлено новых аспектов интерпретации материала и лишь на словах повторялся тезис об уникальности культуры собственного народа или всего горного Кавказа. **Понятия «цивилизация», «цивилизационный» в большинстве случаев оказались не более чем завлекательными эпитетами»** (Карпов 2010: 175-176).

Р.С. а) Понятие «кавказская цивилизация» в последнее время придумано русскими научными кругами. Если не ошибаемся, впервые в науку его ввел депутат Государственной Думы РФ Р. Абдулатипов (Абдулатипов 1995). Нам почему-то кажется, что «кавказская цивилизация» и «лицо кавказской национальности» – термины, выработанные в одной и той же голове. Это также своего

рода приманка. В советский период в качестве синонима термина «цивилизация» использовался термин «историко-культурная / этнографическая область». Его введение в этнографическую науку связано с именами Н. и И. Чебоксаровых (*Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1985*). В данной схеме роль понятия «кавказская цивилизация» выполняло понятие «кавказская историко-культурная область». Хотя реальное положение по отношению к Кавказу учитывалось и вышеупомянутыми авторами: они выделяли на Кавказе две подобласти – северокавказскую и южнокавказскую.

б) В последнее время Северный Кавказ и Южный Кавказ фактически превратились в части разных геополитических и геоэкономических систем. Определенные круги выступают против данной реальности и пытаются историей подкрепить ряд явлений современности. Не направлено ли придуманное красивое понятие «кавказская цивилизация» против новой геополитической и геоэкономической ситуации? Некоторые предполагают, что раз Кавказ имел и имеет общие культурные (геокультурные), общие исторические (геоисторические), общие языковые основы, то существование двух систем Кавказа – геополитической и геоэкономической – лишено перспективы; то есть Кавказ должен по-прежнему, как на протяжении последних двух веков, быть одной, единой геополитической и геоэкономической системой;

в) Выдвинутые в труде выводы опираются на принятые в науке признаки цивилизации. Отрицательное отношение автора к «кавказской цивилизации» вовсе не указывает на то, что народы Кавказа вели замкнутую жизнь, что они не общались между собой, не заимствовали друг у друга элементы культуры. Особые отношения связывали друг с другом грузинских горцев и разные народы Северного Кавказа, часто происходили и двусторонние миграционные процессы, у них были схожие традиции гостеприимства, кавказцы близки антропологически, но все это не дает нам права создавать в науке искусственные понятия и термины и объявлять несуществующее существующим. Этим мы лишь прибегнем к самообману и дадим посторонним повод для осуждения.

г) Народы Кавказа прошли тяжелый исторический путь в силу внешних факторов, они находились в тисках разных империй; многие из них утратили ареал расселения, некоторые вообще исчезли. Героическая самоотверженность прошла даром. История помнит и противостояния между кавказцами. Подобные противо-

стояния, к сожалению, продолжают и сейчас. Будущее развитие кавказских народов должно основываться на взаимном уважении и симпатии, независимо от их политического положения. После распада советской империи Кавказ охватили конфликты, народы противопоставились друг другу. Но даже после инспирированных грузино-абхазской и грузино-осетинской войн у грузинского народа не возникла ненависть ни к абхазам, ни к осетинам. Того же хочется пожелать абхазам и осетинам, армянам и азербайджанцам. Мирному Кавказу, взаимному уважению альтернативы нет.

Литература

- Абдулатипов 1995* – Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация. – Научная мысль Кавказа. 1995. №1.
- Бочкарев 2008* – Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза: учебное пособие. – М.:Флинта: МПСИ, 2008. – 464 с.
- Гудаков 2007* – Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – С.-П., 2007.
- Гусейнова 2010* – Гусейнова И. Историческая энциклопедия Кавказа. – Баку, 2010.
- Давидович 2000* – Давидович В.Е. Существует ли кавказская цивилизация? – Научная мысль Кавказа. – Ростов на Дону, 2000, №2 (22).
- Джавахиа 2007* – Джавахиа Б. Кавказ в культурном ландшафте средневековой Европы. Материалы Первого международного конгресса кавказоведов. – Тб., 2007. – Груз.
- Дундуа Г., Дундуа Т. 2009* – Дундуа Г., Дундуа Т., Вопросы нумизматики Кавказа античного периода (общий обзор). – Тб., 2009. – Груз.
- История 1988* – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.
- Карпов 2010* – Карпов Ю.Ю. Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб, 2010.

- Квициани** 2007 – Квициани Дж. Грузия и кавказская цивилизация. Материалы Первого международного конгресса кавказоведов. – Тб., 2007. – Груз.
- Лордкипанидзе** 2002 – Лордкипанидзе О. У истоков древней грузинской цивилизации. – Тб., 2002. – Груз.
- Ляйстер, Чурсин** 1924 – Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф., География Кавказа. Природа и население. – Тифлис, 1924.
- Массон** 1989 – Массон В. Первые цивилизации, Л. 1989; http://yanko.lib.ru/books/hist/masson-first_civilizations.
- Панеш** 1996 – Панеш Э.Х., Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). – СПб.: Европейский Дом, 1996.
- Общество** 1999 – Общество и политика, II. – Тб., 1999. – Груз.
- Сайко** 2003 – Сайко Э. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М., 2003.
- Кодуа** 2001 – Кодуа Э. Социология культуры. – Тб., 2001. – Груз.
- Тойнби** 1991 – Тойнби А. Дж., Постигание истории. – М., 1991 (сокращенный вариант 12-томного соч. – *Toynbee A., A. Study of History*, I, 1934-1961, выполненный в 1972 г.).
- Топчишвили** 2007 – Топчишвили Р. Этнография народов Кавказа. – Тб., 2007. – Груз.
- Топчишвили, Хуцишвили, Гуджеджиани** 2010 – Топчишвили Р., Хуцишвили К., Гуджеджиани Р. Теоретическая этнология. – Тб., 2010. – Груз.
- ФС** 1987 – Философский словарь, Тб., 1987 (перевод на грузинский язык русского издания – *Философский словарь*. Под редакцией И.Т.Фролова. – М., 1980).
- ФЭС** – 1989 Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
- Чебоксаров, Чебоксарова** 1985 – Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. – М., 1985.
- Чиковани** 2005 – Чиковани Н. Культурная сущность и цивилизационная принадлежность Грузии в контексте теории цивилизаций. – Тб., 2005. – Груз.
- Элиас** 2005 – Элиас Н. О процессе цивилизации, кн. I. – Тб., 2005. – Груз.

Childe 1950 – Childe G. The Urban Revolution // Town Planning Review. – Liverpool, 1950. V. 21. #1. http://en.wikipedia.org/wiki/Urban_Revo_Revolution. <http://www.ia-maximum.ru/press283.htm>. <http://kultby.in/tag/osnovnye-priznaki-civilizacii>

ИСТОРИЯ МИГРАЦИИ ОСЕТИН В ГРУЗИЮ*

Грузинское государство имело давние связи с живущими на Северном Кавказе осетинами. Эти связи были то дружескими, то враждебными. Подобно своим предкам – аланам, осетины в течение длительного исторического периода не имели постоянного места жительства; до оседания в горах Кавказа они несколько раз меняли место обитания. Их предки – ираноязычные племена, были выходцами из среднеазиатских степей. На рубеже нашей эры аланы-осетины поселяются в азовских степях и на берегах Дона, где в IV в.н.э. подвергаются уничтожающим нападениям гуннов. Уцелевшая от этих нападений небольшая часть алан держит курс на юг и селится в предгорных степях Северного Кавказа. На этой территории аланы-осетины основали раннеклассовое государственное образование, впоследствии уничтоженное монголами (XIII в.). XIII-XIV века отмечены новым переселением алан-осетин. Осев на землях Северного Кавказа, они смешиваются с северокавказскими племенами, а ранние поселения осетин на Северном Кавказе занимают кабардинцы, соорудив на предгорье надежные укрепления. Это имело целью задержать загнанных в горы осетин и изолировать их от равнинных районов Северного Кавказа.

До XIII-XIV веков осетины вообще не обитали в горах т.н. Северной Осетии. (Справедливости ради надо сказать, что с раннего средневековья аланы проживали в верховьях реки Кубань, на территории сегодняшнего Карачая; здесь они соседствовали с абхазами. Это подтверждается тем фактом, что жители Западной Грузии называют карачаевцев «аланами»). Лишь после XIV века они становятся непосредственными соседями грузин. Осетины – жители равнин превращаются в горцев. Заселение ими горных районов носило массовый характер, что нашло отражение в топонимах, занесенных с равнины в горы.

Окончательное изгнание осетин в горные ущелья произошло вследствие двух сокрушительных набегов Тамерлана, в начале XV века.

Тезис о древнейшем проживании осетин на территории Грузии лишен какого бы то ни было основания. Ни один исторический

* В данной статье излагаются основные выводы книги: Р.Топчишвили, Вопросы переселения осетин в Грузию и этноистории Шида Картли, Тбилиси. – Груз.

источник, документ или археологический факт не свидетельствует о миграции осетин в Грузию до нашей эры, также как и в IV в.н.э. Нашествие гуннов не повлекло за собой переселения алан-осетин в Грузию. В указанный период они мигрировали из степей Придонья и Приазовья сравнительно южнее, в предгорные степи Северного Кавказа.

Вопреки мнению некоторых авторов, не прослеживается поселение осетин в Грузии ни в VII, ни в XIII веке. В XIII столетии осетины начинают оседать лишь в горных ущельях Северного Кавказа. Этот миграционный процесс был сравнительно длительным и закончился в начале XV века. В данный отрезок времени лишь небольшая группа осетин попыталась поселиться в *Шида Картли*. Пользуясь ослаблением Грузии и поддержкой монголов, полицейские отряды которых они фактически составляли, осетины пытаются захватить земли *Шида Картли*. Однако они были изгнаны и уничтожены царем Георгием Брцкинвале (Блистательным). Таким образом, власти Грузии надолго закрыли ворота, ведущие из Осетии в Грузию (*Дариал* и *Каспис Кари*).

С XV века начинается поселение осетин в грузинской провинции *Двалети*, расположенной на севере Главного Кавказского хребта. Этот процесс осуществлялся в основном на протяжении XVI века, а в XVII веке в *Двалети* заканчивается ассимиляция осетинами местного грузинского племени двалов. Следует отметить, что значительная часть двалов, притесняемая осетинами, до их поселения в *Двалети* мигрировала в различные уголки Грузии (*Шида Картли*, *Квемо Картли*, *Имерети*, *Рача*). Остальные двалы оказались в этническо-языковой среде осетин и в результате массового заселения края последними и быстрого их размножения были ассимилированы. Несмотря на этнические перемены, отторжения данной провинции от Грузии не последовало. На протяжении всей истории грузинской государственности, а также после превращения ее в российскую колонию (до 1858 года) *Двалети* являлась неотъемлемой частью Грузии.

Первые поселения осетин на территории нынешней Грузии появляются в ущелье *Трусо* (у истока р.Терек) и в *Магран-Двалети* (в истоках р.*Диди Лиакви*). Переселение осетин в эти места из северокавказских ущелий произошло в середине XVII столетия. К тому времени осетинами еще не была освоена значительная часть горной *Шида Картли*. Они проживали лишь в верховьях *Диди*

Лиавхи (Магран-Двалети). По свидетельству ряда исторических источников, в то время горная часть *Шида-Картли* (ущелья *Диди* и *Патара Лиавхи*) была усеяна разоренными сёлами. Согнанное с этих мест и вынужденное покинуть их грузинское население переселилось на равнину и осело там.

Со второй половины XVII века отмечается миграция осетин в горную часть *Шида Картли*, а именно, в верховья рек *Диди* и *Патара Лиавхи*; они постепенно продвигаются на юг, и к 30-м годам XVIII века полностью осваивают горную зону ущелий упомянутых рек. В данный период в некоторых горных сёлах осетины соседствуют с оставшимся там малочисленным грузинским населением.

На протяжении всего XVIII столетия поселения осетин в предгорьях *Шида Картли* не засвидетельствованы. Освоение ими данной территории (в основном, опустошенных сёл) происходит с конца XVIII и начала XIX вв.

К началу XVIII века осетины селятся в истоках *Джеджори (Курадо)* и в *Ксанском* ущелье (*Жамури*). В *Жамури* они мигрируют как из горных ущелий Северного Кавказа, так и с горной зоны ущелья *Диди Лиавхи*, в *Кударо* же, в основном - из *Двалети*. В горной *Шида Картли* осетины вначале поселяются в ущелье *Диди Лиавхи*, а затем в ущелье *Патара Лиавхи*, у истоков *Ксани (Жамури)*. В начале XVIII века малочисленное осетинское население появляется в *Исролиسخеви*, а также в верхней части ущелья *Меджуда*, куда устремляются осетины, ранее обитавшие в ущелье *Патара Лиавхи*.

К концу XVIII столетия крайними пунктами поселения осетин (по направлению с запада на восток) были *Кударо* (у истока р. *Джеджори*) – *Гупта* (ущелье *Диди Лиавхи*) – местность выше села *Ацерисхеви* (в ущелье *Патара Лиавхи*) – два села в ущелье *Меджуда* - *Жамури* (в ущелье *Ксани*) – *Гуда* (у истока *Тетри Арагви*) – *Трусо* (у истока р. *Терек*). К концу XVIII века в ущельях *Лехура*, *Меджуда* (за исключением его начала), на большей территории горной части ущелья *Ксани* и ущельях *Пронэ* наличие осетин вообще не засвидетельствовано. Следовательно, как во времена Вахушти Багратиони, так и к концу XVIII века осетины жили лишь в горной местности, лишенной «виноградно-фруктовых» насаждений.

К концу XVIII и началу XIX столетия осетинами заселен значительный участок предгорья в ущелье *Патара Лиавхи*. Начиная с

этого времени, а в особенности, в первые годы XIX столетия, происходит индивидуальная миграция ("просачивание") осетин из горных районов *Шиды Картли* в предгорья и равнину этого региона. Чаще всего переселялись осетины из ущелья *Патара Лиавхи*.

С конца XVIII столетия фактически прекращается миграция осетин из горных ущелий Северного Кавказа в Грузию. Это было обусловлено разрешением официального правительства России на переселение осетин в предгорные равнинные районы Северного Кавказа. Исключение составило лишь осетинское население *Двалети*, продолжавшее мигрировать на территорию Грузии на протяжении всего XIX столетия. Расселение осуществлялось в основном через *Двалети*. Поселившиеся там осетины – выходцы из северокавказских горных ущелий, через некоторое время переселялись в *Шиду Картли*. Однако засвидетельствованы факты и непосредственной миграции туда осетин из северокавказских горных уголков, что было характерно в основном для раннего, начального этапа переселения осетинского населения.

Недостовверными представляются утверждения некоторых авторов о проживании осетин в предгорьях *Шиды Картли* и на равнине в XVII-XVIII веках. В начале XIX века начинается их миграция в ущелья рек *Пронэ*, *Меджуда*, *Лехура*, а также в другие населенные пункты *Ксанского ущелья*. Заселение осетинами древних грузинских сёл в ущелья *Пронэ* происходило, в основном, из ущелья реки *Диди Лиавхи*. Однако заслуживает внимания тот факт, что первые мигранты-осетины в грузинских сёлах ущелий *Пронэ* являлись выходцами из *Двалети*. Из ущелий рек *Диди* и *Патара Лиавхи* население переселяется в ущелье *Меджуда*. Миграция осетин в ущелье *Лехура* осуществлялась, в основном, из *Ксанского ущелья* (*Жамури*, *Чурта*). Однако в первой четверти XIX столетия в ущельях *Лехура*, *Меджуда* и *Пронэ* оседание осетин не носило интенсивного характера; такой процесс начался в основном с середины XIX века и продлилось вплоть до 1880-х годов.

С 30-х годов XIX века появляются единичные осетинские семьи на территории, находящейся на правом берегу р. Кура (*Гагмамхари*) в *Шиде Картли*, а в основном миграция осетин в этот регион осуществилась во второй половине XIX века. В это время осетины заселяют нынешний Боржомский район (ущелье *Гуджарети*).

В *Кахети* и *Квемо Картли* из горного *Шиды Картли* осетины переселились в начале XX столетия.

Нельзя сказать, что приход и расселение осетин на территории Грузии имели мирный характер. Теснимые в горных ущельях Северного Кавказа осетины силой прочищали себе путь как в *Двалети*, так и в горную часть *Шиды Картли*. Согласно историческим документам, изнуренное осетинскими набегами грузинское население местных сёл покидало обжитые горные места предков и переселялось на равнину, где сложились благоприятные для них обстоятельства: вследствие постоянных набегов врагов предгорье *Шиды Картли*, а также равнинные регионы стояли перед реальной угрозой демографической катастрофы.

Миграции осетин в *Двалети* и в горную *Шиду Картли* в некотором смысле способствовало социально-политическое положение Грузии той эпохи. Раздробленная в результате частых вражеских нападений Грузия не могла осуществлять контроль над главными воротами, ведущими с Северного Кавказа в нашу страну – *Дариалом* и *Каспис Кари*.

В последующий период (XVIII в.) экономическое положение страны резко ухудшается, демографическая ситуация в *Шиде Картли* становится тяжелейшей, и грузинские правители (царь, князь) сами зачастую способствуют переселению осетин в Грузию.

Во второй половине XVIII века в горной *Шиде Картли*, и в первой половине XIX века ни в одном из сёл предгорья этого региона не засвидетельствованы факты проживания более одного поколения осетин. Пожив недолго в горном или предгорном селе, осетины устремлялись на юг; это подтверждается материалами описи населения в XIX веке. Поселившиеся в начале XIX столетия в предгорных сёлах осетины к середине того же века все чаще переходят на равнину. Таким образом, не вызывает сомнений их постепенное, интенсивное продвижение с конца XVIII и в течение всего XIX столетия из высокогорных грузинских сёл по направлению к равнине, что отразилось в бытующем в грузинской историографии термине *чамоцола* "нависание", "свешивание". Осетины отличались особой подвижностью: обосновавшись в равнинных сёлах во второй половине XIX века, они незамедлительно переходили в другие равнинные поселения.

Социальное положение переселившихся в *Шиду Картли* осетин свидетельствует не в пользу их давнего пребывания в этом

регионе. Согласно описям населения XIX века, большая часть осетин ущелья *Диди Лиавхи* имела статус хизан (сельчан, согнанных с прежних мест обитания и нашедших кров в другом месте). Часть осетин-хизан, мигрировавших в горную *Шида Картли*, перешла в крепостную зависимость князей Мачабели, часть же сохранила статус хизан. Хизанство в основном смогли сохранить мигранты-осетины, пришедшие с Северного Кавказа в сравнительно поздний период (во II половине XVIII века).

На нереальных исторических фактах базируется взгляд о длительных взаимосвязях Осетии и Грузии (осетин и грузин); он требует основательного пересмотра и глубокого изучения. Ошибочны, например, положения некоторых авторов-осетин о наличии в Грузии во II половине XVIII столетия от 6.000 до 7.000 дымов осетин, что является искусственным завышением реального числа населения осетинской национальности. Реальность же такова: к концу XVIII столетия на территории современной Грузии проживало 2.130 дымов (до 15.000 душ) осетин.

Двалети является первым местом проживания осетин на исторической территории Грузии. Особого рассмотрения заслуживает вопрос о расселении и этнической принадлежности двалов. Занимаемая двалами территория – это горный массив, подобный *Пхови*, *Тушети*, *Хада*, *Цхавати*, *Гудамакари*, *Цхразма*... *Двалети* была расположена на северных склонах Главного Кавказского хребта, однако водораздельный хребет был значительно ниже находящегося к северу от *Двалети* горного массива. Одиннадцать перевалов обеспечивали круглогодичную связь *Двалети* с остальной Грузией (*Шида Картли*, *Рача*). Что касается связи *Двалети* с Северным Кавказом, то здесь был задействован лишь один переход – *Касрис Кари*, да и то лишь в летнюю пору.

Двалети была активно включена в систему грузинской государственности как в политико-экономическом, так и в культурно-религиозном плане. Грузия потеряла *Двалети* лишь в 1858 году, вследствие подчинения метрополией Терской области, бывшей в ведении России.

Неверным толкованием исторических источников и документов обусловлено именование горной части *Шида Картли* (ущелья рек *Диди* и *Патара Лиавхи*, *Ксани* и *Терек*) территорией *Двалети*. В горной *Шида Картли*, а именно, у истока реки *Диди Лиавхи*, существовал лишь регион *Магран-Двалети*, объединя-

ющий девять горных селений. Он сформировался сравнительно позже (после X-XI вв.), в результате переселения двалов из *Двалети*.

Двалети – первый регион на территории Грузии, претерпевший опустошительные набеги осетин с гор Северного Кавказа, что вынудило двалов мигрировать в различные уголки Грузии (*Шида* и *Квемо Картли*, *Рача*, *Имерети*). Первое проникновение осетин в *Двалети* приходится на конец XV века, миграция осуществлялась в основном из Северо-Кавказского ущелья Алагир на протяжении XVI-XVII вв. В языково-этнической среде мигрантов-осетин происходила осетинизация оставшихся на месте двалов. Данный процесс носил поступательный характер и охватил несколько поколений. На исходе XVII столетия осетинизация двалов уже завершена, но и в первой четверти XVIII века одна их часть все еще сохраняет самобытные черты. Следуя исторической традиции, пришельцы-осетины начинают именовать себя двалами.

На основе комплексного изучения исторических источников, документов, топонимических и антропонимических данных представляется возможным заключить, что *Двалети* представляла собой картвельское образование как в политическом и религиозно-культурном, так и в этническом плане. Двалы являлись племенем, близким к занам, однако не были им тождественны. Будучи картвельским племенем, двалы говорили на одном (ныне не существующем) из картвельских языков, наиболее сходном с занским (мегрельским). Таким образом, двалы не являлись вайнахами, а тем более, осетинами. Здесь же следует отметить, что близкое соседство обусловило взаимную ассимиляцию (слияние) вайнахов и двалов. Аналогичные процессы являлись характерной особенностью многих кавказских народов на протяжении всей их истории.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДВАЛОВ

Вопросу о двалах и Двалети отводится первая часть нашей монографии, посвященной миграции осетин в Грузию (*Топчишвили 1997: 6-72*). Здесь мы не будем подробно приводить существующее в грузинской историографии мнение о двалах и Двалети, а лишь в двух словах напомним, что одна из горных областей Грузии – Двалети являлась ее неотъемлемой частью как с политической, так и с экономической, а также с социальной точки зрения. Двалети была такой же горной провинцией Грузии, как Пхови, Тушети, Мтиулет, Гудамакари, Хеви... Двалы так же активно были включены в общегрузинскую культурную и церковную жизнь. Следует подчеркнуть, что в 1801 году Россия осуществила аннексию Грузии, включая Двалети. В 1858 году метрополия в административном порядке отторгла Двалети от Грузии (Тбилисской губернии) и присоединила к российскому Терскому округу. Также, как и в некоторых других краях Грузии, в Двалети в эпоху позднего средневековья произошла этническая замена населения. Место изгнанной из Двалети картвельской этнической общности заняли пришедшие с Северного Кавказа ираноязычные осетины. Изгнание двалов из мест проживания праотцев началось во второй половине XV века. В результате набегов, насилия, разбойных нападений осетин эта область горной Грузии почти совершенно опустела. Двалы поселились в Рача, Имерети, Шида Картли, Квемо Картли, а также в Самцхе. Определенная часть оставшихся на месте двалов в результате расселения здесь осетин со временем была ассимилирована пришедшим этническим сообществом. Укоренение осетин в Двалети началось в конце XV века и в основном завершилось в XVI веке (*Топчишвили 1997; Топчишвили 1998, 147-152*). В XVII веке этническая замена населения в Двалети уже осуществлена, но часть двалов тогда, по-видимому, все еще сохраняла этническую самобытность, так как в горах, в отличие от равнины, культурно-этническая ассимиляция сравнительно затруднена. В Двалети осетины переселились из Алагирского ущелья, и их миграция сюда (а также в горную часть Шида Картли) продолжалась до 70-80-х годов XVIII века. Не следует забывать, что осетинский этнос присвоил этноним местного населения – двали (по-осетински "туали"). Подобные случаи в мировой этноистории бывали не раз.

Об этнической принадлежности двалов в науке высказано несколько предположений, но перед тем, как их изложить, повторим общеизвестную фразу Вахушти Багратиони о том, что «язык у них древний, двальский, но нынче говорят на осетинском, как на собственном» (*Вахушти 1973: 639*). В.Гамрекели считал двалов вайнахами, вернее, картвельскими вайнахами. По мнению этого автора, картизация двалов должна была произойти в VII веке, когда картлийское население, измученное арабским господством, мигрировало в разные стороны (*Гамрекели 1961*). Впоследствии ученый изменил свое мнение и в статье, опубликованной в Грузинской Советской Энциклопедии, признал двалов картвельским племенем – занами. В.Абаев и Н.Волкова считали двалов представителями иберийско-кавказской языковой семьи (*Абаев 1949; Волкова 1973: 123-124*), причем русский этнограф Н.Волкова иранизацию двалов датировала VI-VII веками. По одному из предположений, двалы были сванами, говорящими на сванском говоре (*Итонишвили 1992: 69-186*). Намного раньше того же мнения придерживались и мы, высказывая его в личных беседах с коллегами. Но в процессе работы над проблемой, ознакомившись с материалом, мы пришли к выводу, что высказанная в энциклопедической статье мысль В.Гамрекели о занском происхождении двалов имеет под собой реальную основу. Хотя, на наш взгляд, двалы не были идентичны занам. Они являлись носителями одного из картвельских говоров, который был близок к занскому (*Топчишвили 1997: 6-72*). Примечательна также статья Д.Гвретишвили, в которой впервые в грузинской научной литературе опровергается осетинское происхождение двалов (*Гвретишвили 1949: 109-121*).

Что касается осетинских авторов, то все они, за исключением В.Абаева и Г.Тогошвили, объявляя двалов осетинами, хотя согласно всем осетинским преданиям, осетины являются в Двалети переселенцами. В.Абаев, исследовав осетинский язык и топонимы, причислял древних двалов к иберийско-кавказским племенам (Абаев 1949). Последним из грузинских авторов, обратившихся к вопросу о происхождении двалов, был Б.Гамкрелидзе, который пришел к заключению, что «Двалети издревле этнически, культурно и административно являлась составной частью грузинского мира» (*Гамкрелидзе 1998: 100*). Приведенный упомянутым ученым материал свидетельствует в пользу нашего предположения.

Главное, что в свое время Б.Гамкрелидзе зафиксировал в Двалети заслуживающий внимания этнографический материал, относящийся к миграции осетин в этот край, а также к местным фамилиям. В одной из его записей говорится: «Раньше здесь (в Двалети – Р.Т.) жили греки, затем грузины. Грузины изгнали греков, когда осетины подчинились Грузии. Затем, когда монголы вторглись на Кавказ, пришли осетины из Мизури. Они бежали со своих мест и укрылись в этих краях» (*Гамкрелидзе 1998: 88*). Логично предположить, что под греками автор подразумевает западных грузин, так как известно, что в церковном отношении Западная Грузия и прилегающая к провинции Рача часть Двалети до IX века подчинялись Византийской церкви. Само собой разумеется, что Двалети освободилась от церковного влияния греков (византийцев) вместе с Западной Грузией, и грузинская церковь, естественно, проложила себе путь и сюда. Логическое объяснение вышеприведенных сведений состоит именно в этом.

Заселение осетинами исторической грузинской провинции Двалети, расположенной на северных склонах Главного Кавказского хребта, начинается с конца XV века. Миграция происходила в течение всего XVI века, а в XVII веке в Двалети завершился процесс ассимиляции местной картвельской этнографической группы (территориальной единицы) – двалов – пришлыми осетинами. Однако, согласно записанным Б.Калоевым этнографическим материалам, в некоторых двалетских ущельях, например в Захском, долгое время сохранялось двуязычие (*Калоев 1999*). Большинство жителей Заха хорошо владело грузинским языком. Автор объясняет это обстоятельство продолжительными этнокультурными связями осетин с Грузией, а также тем, что в захских церквях служили грузинские священники, проповедовавшие на грузинском языке. Данный материал указывает на этнокультурные контакты двух разных народов, а на то, что двалы были грузинскими горцами, которых ассимилировало пришедшее сюда ираноязычное племя. Существование в Захе грузинских церквей, наличие здесь грузинских священнослужителей и совершение богослужений на грузинском языке – все это свидетельствует о том, что Двалети – исконно грузинский край, где исповедуют христианство. В своих исследованиях тот же Б.Калоев приводит материалы, подтверждающие, что и в конце XVIII века уроженцы Двалети в случае необходимости сражались в рядах грузинского войска бок о бок с

представителями других краев Грузии. Вследствие частых набегов осетин на Двалети (еще до их миграции сюда), грабежей и притеснения ими местного населения, значительная часть двалов вынуждена была расселиться в других регионах Грузии (Шида Картли, Квемо Картли, Имерети, Рача). Оставшиеся на родной земле двалы оказались в осетинском этническом и языковом окружении и, в результате интенсивного группового заселения Двалети осетинами, а также их высокой рождаемости, вскоре были ассимилированы последними. Горцы-двалы носили грузинские по происхождению фамилии: *Хадури, Чипчиури, Бигули, Тваури, Чочоури (те же Чочишвили), Бегелури, Гудиаури, Багаури, Гергаули, Табаури, Херхеулидзе, Кесаури, Парухаули, а также Бигани (Биганишвили), Хабарели, Хетерели, Хачидзе (прежние Хачиури)*. Что касается представителей самой многочисленной осетинской фамилии - *Хетагури*, живших в Нар-Мамисонской котловине (в Двалети), то их предки пришли сюда из Кабарды и, оказавшись в грузинском этническом и языковом окружении, естественно, видоизменили свою исконную фамилию, присоединив к ее основе суффикс *-ур*. Позднее, в осетинской этнической среде, эта фамилия обосетинилась.

То, что расселению осетин в исторической провинции Грузии Двалети предшествовали их частые набеги на этот край, видно и из фольклорных материалов. В частности, мы имеем в виду народное стихотворение «К Магла Мта (досл.: «Высокой / Верхней Горе») птица чужеродная белокрылая подобралась...», которое создано в соседнем с Двалети горном крае, одной из историко-этнографических областей Грузии – Рача. Поэтому данный образец устного народного творчества как исторический источник очень важен. Из него явствует, что одна из исторических провинций Грузии, Двалети, никогда в Осетию не входила; напротив, осетины поселились в этом краю, сгоняя двалов с их исконных земель. Содержание стихотворения в подстрочном переводе таково:

«К Магла Мта

Птица чужеродная

Белокрылая

Подбралась.

У Жгелэ сошлись

Войско большое несметное осетин

И двалы -

Встали они друг против друга.
На рассвете, ранним утром
Начался бой.
Слышен лязг оружия,
Звон мечей и копий,
Острые кинжалы залиты кровью,
Взлетают ввысь
Осколки железа.
Третий день
Сотрясается земля
От крика и стога.
Кровь героев течет ручьями.
Джафар бежал, как куропатка,
Осетин, как орел, гнался за ним по пятам.
Не вернуться тебе домой
С войны, Джафар!
Не суждено тебе свидеться с женой
И поднести ей в дар
Платье красное, нарядное.
Конец настал, пал Джафар,
Пал Джафар, столп золотой.
Война закончилась...» (ДГ 1911-1913: 115).

Существует более пятнадцати вариантов этого народного стихотворения, в том числе и более совершенных. Можно восстановить его первоначальный вариант. Исходя из построения и ритма данного стихотворения, ученые могут судить о давности его создания (Курдиани 1997: 76-178). В этом образце фольклора описано сражение вторгшихся в Двалети осетин с местными двалами. Огнем и мечом осетины вытесняют двалов с их территории и побеждают. Много двалов погибло в этом бою. Оставшиеся в живых покидают земли своих предков (направляются, как мы уже отмечали выше, в Шида Картли, Квемо Картли, Земо Имерети, Рача). Один из предводителей двалов, Джафар, потерпевший поражение в неравной битве, бежит «как куропатка». Осетины настигают убегающего Джафара, который в стихотворении олицетворяет двалов, и жестоко расправляются с ним. То, что это сражение не выдуманно, а действительно имело место, можно утверждать на основе упомянутых в стихотворении двух топонимов *Магла Мта* и *Жгелэ* (место, где произошла битва) – обе местности находятся в

Двалети. *Магла Мта* – это та же Магла (Верхняя) Двалети. Такая географическая единица упоминается у Иоаннэ Багратиони (*Багратиони 1980: 79*). *Жгелэ* – название одного из шести двалетских ущелий, граничащего с горной Рача (существует проход с рачинских гор в это ущелье). В нескольких вариантах стихотворения встречается топоним *Калака* – это тоже один из населенных пунктов Двалети. Под упомянутой в стихотворении «птицей чужеродной белокрылой» («уцхо принвели тетри пртосани»), само собой разумеется, подразумеваются осетины, пришедшие с большим отрядом воевать против местных двалов. Здесь налицо противостояние двух чуждых друг другу народов: пришедших с войной осетин и картвельской территориально-локальной группы – двалов. Это стихотворение лишает почвы «доводы» осетинских авторов относительно того, что двалы имеют осетинские корни. Именно после описанной в стихотворении битвы в одной из древнейших провинций грузинского нагорья Двалети произошла этническая замена населения (двалов осетинами).

Осетинские предания также подтверждают факт отнюдь не дружественного прихода осетинского этноса в Двалети. Вооруженные осетины занимали места обитания коренных жителей края. Обосновавшись в Двалети, они постепенно стали перемещаться в нагорные районы Шида Картли. На основе осетинских преданий можно восстановить фамилии местных двалов и пришлых осетин.

Расселенные в Нар-Мамисонской котловине (иначе говоря, в исторической Двалети) осетины основном были пришельцами из Алагирского ущелья. Сведения, удостоверяющие этот факт, приводит русский этнолог Н.Волкова: «Другим более массовым и давним по времени движением алагирцев за пределы своего ущелья следует считать, видимо, их поселение в Центральной (в последнее время этим термином, введенным Б.Калоевым, осетины обозначают Двалети – Р.Т.) и Южной Осетии. Народная традиция выводит многих жителей верховьев Большой Лиахвы и Ардона из алагирских селений Цамаг, Дагом, Луар, Урсдон, Цей и др.» (*Волкова 1974: 122*).

«Формирование населения области Туалта (осетины называют Двалети «Туалта» – Р.Т.), как уже отмечалось, происходило в основном за счет переселявшихся алагирцев. В Зругском ущелье (оно же ущелье Зрого – Р.Т.) поселились предки Козаевых, Хозиевых, Бираговых, в Закинском (Захском – Р.Т.) ущелье –

Калоевых, в Гибе – Кучиевых из Мизура. Из Туалта длительное время шел активный процесс расселения туалцев в район Военно-Грузинской дороги (Коби, Ухате), Урс-Туалта, откуда некоторые фамилии (например, Абаевы) впоследствии перешли в Коби, в Трусовское ущелье, где имеются переселенцы из Нара (одно из шести двалетских ущелий – Р.Т.), а также в Джавское и Кударское ущелья» (Волкова 1974: 124).

Этот же автор указывает на массовую миграцию тагаурских осетин к истоку реки Терек (в ущелье Трусо) и в районы Военно-Грузинской дороги. Исследователями отмечается, что из всех осетинских ущелий Алагирское было наименее плодородным, что и явилось главной причиной интенсивной миграции алагирцев. Никаких оснований подвергнуть сомнению бесспорные материалы, подтверждающие кавказское происхождение двалетских осетин, не нашлось у Б.Калоева, который отмечает, что они сформировались в результате ассимиляции аланами местных кавказских племен – двалов; хотя в то же время ему трудно признать картвельские корни этнического происхождения двалов (Калоев 1995: 5).

Миграция осетин в Шида Картли, как правило, проходила через Двалети. Этническая замена населения Двалети не повлекла за собой отторжения этой провинции от Грузии. На протяжении всего существования грузинской государственности и после превращения Грузии в российскую колонию Двалети оставалась неотъемлемой частью Грузии. По приказу царского наместника на Кавказе А.Барятинского от 3 апреля 1858 года, край Двалети или, как его тогда называли, Нарский участок (согласно современной номенклатуре – Верхний Фиагдон и Верхний Ардон) общей площадью 3 581 кв.км., входивший в Горийский уезд Тифлисской губернии, был присоединен к «Военно-Осетинскому округу» Терской области Северного Кавказа (Иваненко 187: 450-451). В одном документе 1858 года жители Захского ущелья Двалети по фамилии Абаевы пишут, что их предки верой и правдой служили грузинским царям, защищая страну от иноверных лезгин и персов. Этот документ, приведенный Б.Калоевым, прямо указывает на то, что Двалети, несмотря на происшедшую здесь этническую замену населения, всегда оставалась органичной частью Грузии. Разумеется, об этом же свидетельствуют грузинские источники. В частности, Вахушти Багратиони отмечает, что Двалети входила в состав Грузии еще со времен царя Парнаваза (IV-III века до н. э.)

(Вахушти 1973: 633). Подобно соседним горным краям Грузии – Пшави, Хевсурети, Гушети, – Двалети находилась в непосредственном подчинении центральной царской власти: здесь не существовало феодальной единицы сатавадо («княжество»). Горцы вообще были наделены большей свободой – их основной обязанностью было защищать рубежи страны. После распада единого грузинского государства, со второй половины XV века, Двалети является неотъемлемой частью Картлийского царства. Краем управляют назначенные царем чиновники – моурави. В частности, в начале XVII века моуравом Двалети был Георгий Саакадзе. Как и в других горных районах Грузии, в Двалети осетины нередко выражали свою непокорность. Попытку неповиновения предприняли этнические осетины Двалети в начале XVIII века, вследствие чего царю Вахтангу VI пришлось организовать специальную экспедицию в этот край с целью их усмирения. В конце концов двалетские осетины вынуждены были вновь признать верховную власть правителя Картли.

То, что власти Грузии осуществляли полный контроль над историко-этнографическим краем Двалети и что там царский двор имел своих чиновников, хорошо видно из архивных материалов XVIII столетия. Например, в жалованной грамоте, датированной 1780-м годом, читаем: «Х. Волею Божьей мы, сын царя Грузии Бакара и внук царя Вахтанга Александрэ сию милостивую грамоту пожаловали тебе, **сыну нарского дворянина Томашвили Таги**, за то, что ваши отцы и деды много службы сослужили нашим отцам и дедам и были весьма верными, и себя не щадили, а наша семья и ныне на ваших заслугах держится, и мы за это назначаем тебе жалованье, чтобы ежегодно на вечные времена мы и наши внуки потомкам твоих детей не отменили и ежегодно давали сорок марчили, а если от вас еще больше преданности и заслуг увидим, мы тоже каждый год жалованья и милостей вам прибавим, да будет вам известно» (ЦГИАГ, ф. 1461, оп. 6, д. №8).

Таким образом, из приведенного документа явствует, что у грузинского царского двора в центре Двалети – в Нарской общине был дворянин – этнический осетин Таги Томашвили, которому за преданную службу было назначено ежегодное жалованье. Аналогичные жалованные грамоты в тот же период были выданы также **жившим в Двалети, в ущелье Нара дворянам Тавкану Хелпамашвили** (ЦГИАГ, ф. 1461, оп. 6, д. №9), **Каначу Зарашвили**

(ЦГИАГ, ф. 1461, оп. 6, д. №10), **Петрэ Мамиашвили** (ЦГИАГ, ф. 1461, оп. 6, д. №12). Казенными (государственными) дворянами были также двалетские Хетагури, что ясно видно из выданной Ираклием Вторым в 1786 году жалованной грамоты: «Мы... царь... Ираклий Второй... пожаловали сию милостивую грамоту тебе, **нашему казенному подданному, нарскому осетину Хетагури...** за то, что твой сын Болатико был с нами в Аспиндза, где мы победили турок и лезгин, там он храбро сражался и в той войне был убит. Тебе... **оказали милость и пожаловали в г. Цхинвали выморочное имение истребленного (рода) Петриашвили...** Одну дарственную грамоту на это имение мы еще раньше тебе пожаловали, но когда г.Цхинвали разорили лезгины, тогда и твоя невестка, жена Болатико, там была пленена и грамоты вы утеряти, а теперь мы еще раз пожаловали тебе милостивую грамоту...» (ИГТ 2010: 382).

Более того, при грузинском царском дворе в краю Двалети были не только дворяне, но и князья, которые служили общим интересам страны. Приводимая ниже жалованная грамота выдана в том же 1780 году: «Х. Божьей милостью мы, сын царя Грузии Бакара и внук царя Вахтанга Александрэ, сию милостивую грамоту пожаловали тебе, **сыну князя Джидашвили Махмату** за заслуги отца твоего и деда, и самому тебе теперь жалуем за большие заслуги сто пятьдесят марчили, я и мой сын тебе и твоему внуку будем (их) давать, и не убавим, а даже прибавим. Написано в Кутаиси, августа 3, года ЧГП, Александрэ» (ЦГИАГ, ф. 1461, оп. 6, д. №11).

В 1747 году царь Теймураз назначил один тумани в год этническому осетину **Чаги Хачиришвили**, жившему в горной части Шида Картли (ЦГИАГ, ф. 1461, док. №2). В 1750 году от царя Ираклия получили жалованные грамоты **дворяне Георгий и Агарон Джидаканашвили** (ЦГИАГ, ф. 1461, док. №3). Думается, комментарии по поводу представленных документов излишни, однако все же следует повторить, что Двалети, и тем более горная Шида Картли были неотъемлемой частью Грузии. Отметить это особенно важно, так как последнее время в издаваемых в России книгах и статьях зачастую подчеркивается, что т.н. Южная Осетия в 1774 году согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора вместе с Северной Осетией была присоединена к Российской империи.

Грузинские цари в Двалети всегда имели чиновников, должность которых обозначалась термином «моурави». Эти чиновники назначались царским двором на территории, которая находилась непосредственно в подчинении государства. Общеизвестно, что двалетским моурави был известный в истории полководец Георгий Саакадзе. В 1772 году царь Ираклий Второй пожаловал **моуравство** осетинских сёл горной Шида Картли и **двалетского ущелья Зрого** князю Иораму Павленишвили и его родне: «Х. Волею Божьей мы... Ираклий Второй... сей милостивый фирман, оказав милость, пожаловали тебе, нашему весьма верному и, как подобает, всячески заслуженному Павленишвили Иораму, Сесии, Теймуразу и Иоаннэ. И с тем приступив ко двора нашего палате, вы просили пожаловать вам моуравство, и мы, за вашу великую преданность и многочисленные заслуги, оказав милость, **пожаловали моуравство горных осетинских сёл: Джри, Ниниакави, Джава, Схлеби, Тонтобети, Кверсеви, Лалианти, Котонто, Кемулти, Джавистави, Замтарети, пяти сёл Зрого, трех сёл Мацхварети, Дамцварети, Хвцэ, Кала, еще Кала, Кешелта, Додониста, Чагата, Тхела, Маирами, Чамадани; в Мугути** (крестьян) Галаванасшвили и Габелашвили, еще в Мугути (крестьян) Козашвили, **в Чагати** - Габадашвили и Чарбуасшвили. Это (имущество) вам и вашим детям на все времена жалуем, владейте со всеми его справедливыми доходами, и да приносят вам счастье за преданную нам службу. Пусть не отменится (это) ни нами, ни последующими владетелями и царями... Написано рукой мдиванмцигнобара нашего двора Туманишвили Сулхана, августа К. ККС УИ» (ЦГИАГ, ф. 1450, оп. 45, д. №188).

Следовательно, в горной части ущелья Диди Лиахви и в Двалети князья Павленишвили владели не только моуравством целого ряда сёл, но и крепостными крестьянами-осетинами.

Как в государственно-политическом, так и в хозяйственно-экономическом отношении Двалети была тесно связана с Грузией. По поводу двалетского ущелья Заха Б.Калоев пишет, что собранного его жителями урожая хватало им всего на три-четыре месяца, и что до открытия Военно-Осетинской дороги и до административного вхождения этого общества в Терскую область (в 60-е годы XIX века) продукты они закупали в грузинских городах: Цхинвали, Они, Гори, Кутаиси и др. Здесь в основном обменивались продукты животноводства на продукты земледелия и ремесленные изделия.

Согласно этнографическим данным, в перечне вывозимых из Шида Картли продуктов называется и вино (*Калоев 1999: 270-271, 276*). Двалетские осетины никогда не вступали в родственные связи с северокавказскими осетинами, что в первую очередь объясняется труднодоступностью переходов из Двалети на север, в то время как с ущельями Диди Лиахви и Риони их связывали одиннадцать перевалов, легко преодолимых даже в зимний период.

Хочется привлечь внимание научной общественности еще к одному важному источнику, доказывающему, что Двалети в культурно-историческом отношении являлась грузинской провинцией. Двалы в обиходе говорили на двалском наречии, но они были грузинами и грузинский язык и грузинское письмо здесь занимали ведущее положение. Примечательны приписки на выполненном шрифтом "нусха-хуцури" Евангелии XIV-XV веков, хранящемся в 1920-х годах в церкви св.Георгия Соджанис-Кари в Они. Данные приписки относятся к этому же, и к более позднему времени. Е.Такайшвили писал об упомянутом Евангелии: «Написано на пергаменте двумя столбцами, письмом нусха-хуцури XIV-XV веков. Заглавие и заглавные буквы выведены киноварью. Обложка деревянная, обитая кожей, поломана. К рукописи в конце прилагается оглавление. В одном месте в оглавлении красными чернилами написано: «Помилуйте убогого Георгия, который перевел (сие) Евангелие» (*Такайшвили 1963: 106*). «Таким образом, редакция Евангелия выполнена Георгием Мтацминдели» (*Такайшвили 1963: 106*). На Евангелии несколько приписок. Одна из них привлекла наше особое внимание. Перед тем, как ее привести, хотим ознакомить читателя с двумя другими приписками. В конце Евангелия от Луки переписчик добавил: «Со всем божественным милосердием да помилует Бог Николоза, писавшего сие. Кто (рас)скажет, и того да помилует Господь! Знает Бог, такого четвероевангелия нет в Картли, и такого сохранного. Для этого доброго дела столько я старался, что два года писал и сверял (книгу) на благо грузинских четвероевангелий» (*Такайшвили 1963: 107*). В конце Евангелия от Матфея, также шрифтом «хуцури», была выполнена следующая приписка: «Сие четвероевангелие, когда крепость Цеди была взята Эриставом, было унесено Цулукидзе, я же, Лела, дочь Джибриашвили, уберегла его» (*Такайшвили 1963: 107-108*). Это – что касается значимости данного Евангелия. Главная для нас приписка, выполненная также шрифтом

«хуцури» в конце Евангелия от Марка, гласит: «Х. Во время нашествия татар Гудисские иконы Божьей Матери и книги пропали в Берцихе; сие четвероевангелие было найдено Хораули. Да помилует Бог душу Хораули Иванай, а также душу матери и отца его. Аминь. **Парухаули матери своей в Двалети послал (эту книгу) для продажи**, но Гвичисшвили отнял. Да помилует Господь душу Гвичисшвили Квирикай, (также) матери и отца его. Аминь. А кто отберет (её) у церкви Божьей Матери, (да падет на него) гнев Отца и Сына и Святого Духа и Пресвятой Богородицы, а также благодати сего Евангелия, и будет наказана душа его. Кто же использует (Евангелие), да будет благословен (*Такайшвили 1963: 108*).

Таким образом, перед нами важный исторический источник, которым подтверждается, что Двалети была грузинской провинцией, с богословной литературой на грузинском языке, где был спрос на грузинское Евангелие, и нашелся желающий его приобрести. Прежде, чем вернемся к этому вопросу, следует отметить, что упомянутое в приписке Гуда - это не мтиулетское Гуда; в данном случае речь идет о рачинском селении *Гуда* [γuda], которое впоследствии именовалось, и по сей день именуется *Гунда* [γunda]. В атласе Вахушти Багратиони селение Гунда отмечено в Джеджорском ущелье, южнее Пипилети (*Вахушти 1997, 19*). В 1886 году Гуда (Гунда) входило в сельское общество Баджисхеви (в это же общество входили сёла Баджисхеви, Псори, Цхмори, Чорди), где проживало 23 дымов (242 душ). По данным 1904 года, в Гуда (Гунда) жили только две фамилии: Гоциридзе (10 дымов) и Сабанидзе (11 дымов) (*КГА, ф. 8. I, оп. № 809*). В исповедной росписи 1843 года Гоциридзе и Сабанидзе упоминаются среди прихожан Цхморской церкви Архангела.

Вернемся к рассматриваемому Евангелию. Оно принадлежало церкви Богоматери рачинского села Гуда (Гунда). Из приписки выясняется, что Евангелие вместе с другими книгами и иконами хранили в Берцихе, чтобы спасти их от нападавших татар («tatroba»). Но это не помогло, книги и иконы были истреблены или выброшены. Интересно, о каком Берцихе идет речь, где оно находилось? И какое нашествие мусульман подразумевается под «tatroba» - причем в Западной Грузии, в Рача? На сегодня нам нигде в Рача не удалось засвидетельствовать название *Берцихе*. Можно предположить, что Берцихе находилось где-то в верховьях ущелий рек Пронэ. На это указывает тот факт, что Евангелие нашел

человек из рода Хораули: представители рода Хораули (те же Хараули) проживали в верховьях ущелий Пронэ, в селе Бекмари [beq'mari]. Ущелья Пронэ и Джеджори разделяет лишь узкое ущелье реки Квирила. В историографии известно два Берцихе: одно в верховьях Ксанского ущелья, в Жамури, второе – в Имерети, в Квеврульском ущелье. По свидетельству Вахушти, «В Дзеврула, выше котловины, впадает Квеврула. Протекает к югу меж Окриба-Мухура. В ее ущелье находится Берцихе, прочная постройка на скале. Выше этого ущелья с Дзеврула соединяется Ткибульское ущелье» (*Вахушти 1973: 755*). Жамурское Берцихе, расположенное в истоках Ксанского ущелья, упоминается и в народной поэзии. В одном мтиульском стихотворении-предании под названием "Хорешнули" говорится: «В Хорешани в походе послышался нам звон скал жамурского Берцихе...» (*Шанидзе 1984: 174*). Если в Рача и в ущельях рек Пронэ не было крепости под таким названием, то упомянутый в приписке Берцихе – это находящееся в ущелье Квеврула укрепление, которое контролировало и переходные пути в Рача. Что же касается «tatroba», то здесь подразумеваются опустошительные набеги Тимура. Известно, что во время восьмого набега, в 1403 году, он вторгся и в Западную Грузию, все сровнял с землей, разорил и разграбил 700 населенных пунктов, посеы и монастыри (*Табатадзе 1979: 708-711*).

После Хораули (Хараули) Евангелие попадает в руки человека из рода Парухаули, который пересылает его матери Двалети для продажи. Но Евангелие не доходит до адресата: им завладевает Квирика Гвичишвили [gvic'isvili], проживавший в Рача или в горной местности Шида Картли. Он отбирает Евангелие у посыльного и возвращает хозяину. Для нас, разумеется, самым важным является факт пересылки Евангелия в Двалети для продажи. Очевидно, что там был большой спрос на грузинское Евангелие, так как в XV веке богослужение в Двалети велось на грузинском языке, Евангелие двалы читали на грузинском языке. Этим фактом подтверждается, что в XV веке в Двалети еще не проживало осетинское население, осетины еще не совершали набеги, так как во время войны было бы не до приобретения Евангелия. Следовательно, в XV веке Двалети в культурно-историческом отношении является грузинской провинцией, в которую глубоко проникло христианство. Покупателем Евангелия предположительно был местный дворянин или представитель духовенства.

Приписка важна и потому, что в ней упомянута грузинская фамилия Парухаули [paɣuxauli]. Представители этого семейства были двалами. Один из них переселился из Двалети в Рача или в одно из ущелий рек Пронэ в Шида Картли. Фамилия образована при помощи суффикса *-ур /-ул*, характерного для фамилий горных жителей Восточной Грузии. В Двалети наблюдаются и другие фамилии с этим суффиксом. По происхождению двалами были Хадури (*Гамкрелидзе 1996: 182*), *Чипчиури, Бигули, Тваури, Чочоури (те же Чочишвили), Бегелури, Гудиаури, Багаури, Гергаули, Табаури, Херхеулидзе, Кесаури а также: Бигани (Биганишвили), Хабарели, Хетерели, Хачидзе (прежний Хачиури)*. Потомки мигрировавших из Кабарды Хетаги тоже прибавляют к своей фамилии суффикс *-ур* (Хетагури). Иначе и быть не могло: в грузинском языково-этническом окружении фамилия оформляется только при помощи грузинского суффикса. Что касается основы упомянутой фамилии (*Паруха-ул-и*), то это - весьма распространенное в грузинском христианском мире древнееврейское имя Барук (Барух), означающее "благословенный" (*Календарь 1972: 103*). Имя *Парух* [paɣux] является фонетическим вариантом имени *Барук / Барух* [baɣuk / baɣux]. В грузинском языке нередки случаи, когда [b] (б) переходит в [f] (п) и наоборот. В Сванети это имя встречается в форме *Барук* [baɣuq]. В Самегрело *Парух* (Парухиа) – распространенное мужское имя (что также указывает на близость двалов и занов). Например, надпись 1611 года на Илорской иконе св.Георгия гласит: «В Зугдиди, во время охоты, на всем скаку столкнулись кони барина (Манучара) и Гошадзе Парухия, (Манучар) свалился с коня и умер на месте» (*Жордания 1897: 182*). Между прочим, в XVII-XVIII веках в Картли и Кахети проживали Парухашвили (*ППП 1977: 593, 624*). Не исключено, что они были потомками двалских Парухаули. Сегодня фамилии Парухаули и Парухашвили уже не встречаются.

Таким образом, в XV веке Двалети все еще является грузинской провинцией. Осетинский этнос еще не освоил эти места и, естественно, здесь пока не начиналась деэтнизация. Напомним, что переселение осетин в Двалети в основном происходило в XVI веке. В начале XVII века Двалети почти сплошь заселена осетинским этносом, хотя островками все еще встречаются двалские поселения. В одном документе 1601 года «Дувалети» уже отождествляется с Осетией. К тому же, с XVII века правители

Грузии порой вынуждены были выступать с оружием в руках против Двалети, конечно, ввиду смены этносов: «В 1601 году царь Имерети Ростом завладел всея Двалети, Осетией и захватил крепость и селения» (*Жордания 1897: 182*). Известен также поход моурава Двалети Георгия Саакадзе на этот край: «Вновь двалы не заплатили подать, перешел моурав с войском Зекара, покарал непокорных, и опять стали они выполнять повинность, и вернулся в Картли» (*Вахушти 1973, 434*). В Двалети собирался войти и Вахтанг V: «Затем не стали платить двалы подать царю. Подошел он с войском к Цхинвали, чтобы войти в Осетию. Узнав об этом, двалы испугались, их предводители вышли навстречу в Цхинвали, заплатили подать и подчинились, как и в первый раз» (*Вахушти 1973: 435*). Несмотря на это, грузинские источники и документы до XVIII века включительно четко разграничивали Двалети и Осетию. Примечательно также, что поселившиеся в Двалети осетины, среди которых были и ассимилированные двалы, для грузин по-прежнему оставались двалами.

Итак, Двалети в этническом и культурно-историческом отношении являлась грузинской областью; двалы были включены в общегрузинскую культурную, политическую и церковно-духовную жизнь; двалы носили такие же грузинские имена и фамилии, как и другие жители горной части Восточной Грузии (*Топчишвили 1999*).

В последнее время наше внимание привлекли тесно связанные с духовной культурой памятники материальной культуры, распространенные на Северном Кавказе. Это надземные погребальные сооружения - склепы. Кроме надземных склепов встречаются также полуподземные и подземные склепы. Надземные склепы были распространены в Чечне, Ингушетии, Осетии, Балкарии и Карачае. Таким образом, надземные погребальные сооружения принадлежат представителям трех этнолингвистических общностей: коренному кавказоязычному населению – чеченцам и ингушам, ираноязычным осетинам и тюркоязычным карачаевцам и балкарам. Эти памятники материальной культуры, разумеется, в свое время принадлежали одной из упомянутых этнолингвистических общностей, а затем распространились и среди других народов.

Следует подчеркнуть, что ареал распространения надземных склепов ограничивается лишь горной частью Северного Кавказа, на равнине и в предгорьях такие склепы не встречаются. Они и не

могли быть характерными для равнины, так как в природно-географических условиях гор помещенное в склеп тело мумифицируется, а в равнинных условиях мумифицирование исключалось. Надо отметить, что ученые различают три типа надземных погребальных сооружений: а) удлиненное строение с двускатным перекрытием; б) четырехугольная постройка с пирамидальной крышей; в) круглое здание с конусообразным перекрытием. Надземные склепы первых двух типов были перекрыты сланцем. Причем, удлиненные склепы с двускатным перекрытием своей конструкцией напоминают христианские молельни раннефеодальной эпохи, четырехугольные же склепы, покрытые сланцем – усеченные боевые башни, распространены в Чечне и Ингушетии. Все эти склепы имеют по два или три лаза, через которые заносили покойника. Внутри склепов были устроены дощатые или каменные нары, на которые клали усопшего (Кокиев 1928; Мизиев 1970; Марковин 1978).

Надземные склепы на Северном Кавказе были в основном фамильными. Среди чеченцев и ингушей отсутствие у семьи склепа считалось признаком безродности. Когда выдавали дочь замуж или женили сына, родители в первую очередь выясняли, был ли у семьи будущих родственников фамильный склеп, и если такого не имелось, свадьба расстраивалась. В Ингушетии бытовала поговорка: «Человеку при жизни необходима башня, а после смерти - склеп». Вайнахи надземный склеп называют местным термином – *каш* – «солнечная могила».

Мы не станем перечислять существующие в научной литературе мнения о причинах возникновения надземных склепов, отметим лишь то, что обычай захоронения в склепе противоречит христианским нормам и поэтому христианская церковь с ним боролась. Часть ученых считает склепы местным, кавказским явлением, другие возникновение склепов связывают с ираноязычными осетинами, что не выдерживает никакой критики. Некоторые исследователи подчеркивают, что надземные и полуподземные склепы возникли до эпохи строительства христианских храмов и жилых башен. Сооружение склепов на Кавказе В.Марковин и Е.Алексеева относят к доаланскому периоду. В научной литературе отмечается, что склепы домонгольского периода имеют схожие конструкции и относятся к одному и тому же типу. Отсюда следует, что на территории распространения упомянутых

памятников материальной культуры первоначально проживали представители одной этнической общности или родственных этносов.

Русский ученый Л.Нечаева этот обычай захоронения и подобные погребальные сооружения связывает с аланами. Кавказские катакомбные гробницы и надземные погребальные сооружения она считает этническим признаком аланов. По мнению Л.Нечаевой, места захоронений в катакомбах и склепах домонгольского периода совпадают с территорией расселения аланов, что, как ей представляется, подтверждает существование многочисленного населения и этническую однородность собственно аланов, обитающих в Алании в домонгольский период (*Нечаева 1972: 288*). Согласно этому же автору, прекращение традиции склепового захоронения на территории Балкарии позднее, в VIII-IX веках, и в Карачае в XII-XIII веках было обусловлено изгнанием аланов кочевниками (болгарами, половцами, монголами). Итак, распространенные на Северном Кавказе склепы Л.Нечаева приписывает осетинскому этносу, который якобы широко был расселен в горах Северного Кавказа.

Точка зрения Л.Нечаевой является полным нонсенсом. Известно, что предки осетин до поселения в горах Северного Кавказа прошли долгий и сложный путь. Мигрировав из Средней Азии, они вели кочевой образ жизни сначала на обширной территории между Волгой и Азовским морем, и лишь в 70-е годы IV в.н.э. спустились на равнину и предгорья Северного Кавказа: «... немногочисленность комплексов V в. говорит за то, что гунны не столько отогнали в горы алан, сколько увлекли их за собой в своем движении на запад, а в горы ушло местное кавказское население» (*Плетнёва 1981: 85*). Осетины в горы ушли только после нашествия монголов (*Топчишвили 1997*). Несколько раньше, в IX-X веках н.э., предки осетин расселились на территории нынешнего Карачая и Балкарии, захватив земли местных кавказцев.

Возникает вопрос: как могли принадлежать вышеуказанные памятники материальной культуры (катакомбы и склепы) аланам-осетинам? Они же были "степняками", и до V века н.э. не вели оседлый образ жизни. Катакомбы и склепы являются принадлежностью местного кавказского этнического сообщества. Каким образом могли перенять чеченцы и ингуши возведение надземных и полуподземных погребальных сооружений от пришлых ирано-

язычных осетин? Ведь склепы являются характерными для гор памятниками материальной культуры!

Вышеприведенные утверждения Л.Нечаевой справедливо считает несостоятельными В.Марковин, отмечая, что склеповые сооружения продиктованы не только идеями, но и строительным мастерством горцев. Тот же автор подчеркивает, что ни в коем случае нельзя считать склепы результатом развития катакомб, так как катакомбы вырыты в грунте (*Марковин 1978: 123-124*). «Аланские катакомбы, очевидно, не имеют отношения к происхождению склепов. Склеповые постройки возникли на Северном Кавказе задолго до появления алан, а к моменту их расселения уже прошли длительный путь развития – от примитивных сооружений до гробниц, снабженных лазом и полками». Другой автор подчеркивает: «Можно только сказать, что рассматривать предкавказские катакомбные могильники ираноязычных сармат-алан у нас нет оснований» (*Абрамова 1987: 177*).

Следует учитывать и то обстоятельство, что строительство надземных склепов осетинские предания приписывают другому народу, проживавшему здесь до их прихода (*Кокиев 1928: 10, 34*). Правда, осетины строили склепы (подземные и полуподземные) и сами, но известно, что в старину строительством склепов славились ингуши, и их как искусных мастеров приглашали для построек склепов и боевых башен (*Кокиев 1928: 41*). Согласно осетинским преданиям, во всех ущельях горной Осетии до прихода осетин проживал неизвестный им народ, который вымер в основном в результате эпидемии. В Дигорском селе Галиати после гибели местного населения вначале поселились двалы, которых постигла та же участь, а затем обосновались осетины (*Кокиев 1928: 43*). Здесь следует обратить внимание и на то, что в осетинских преданиях двалы не были признаны осетинами, двалы и осетины противопоставлялись друг другу. По поводу надземных склепов Кургатского ущелья в научной литературе отмечается, что «Эти два типа надземных склепов, как мы видели выше, встречаются по всей нагорной Осетии, но, несмотря на это, на них нигде не претендуют осетины, и они являются забытыми». Ученые отмечают также, что «Многообразные памятники горного Кавказа – каменные ящики, склепы, грунтовые ямы, скальные захоронения – отнесены в «горно-кавказский вариант» этой же аланской

культуры, хотя они ничего общего с культурой алан не имеют» (Мизиев 1986: 147).

Примечательно, что в нагорной Осетии, по осетинским преданиям, некоторые надземные склепы принадлежали ногайцам, которые когда-то проживали здесь вместе с осетинами. Антропологический тип, сохранившаяся одежда многих погребенных здесь тел, утварь, находившаяся в склепах, указывают на их этническую принадлежность к ногайцам. Предания о проживании ногайцев рядом с осетинами в Курталинском, Тагаурском и Дигорском ущельях были зафиксированы в 20-е годы XX столетия (Кокиев 1928: 46, 50-56). Примечательно, что ногайцы до переселения в горную часть страны проживали на равнине нынешней Осетии, а в горы перебрались после падения Золотой Орды (XV в.). В научной литературе отмечается, что с равнины в горы ногайцы мигрировали вместе с осетинами на рубеже XIV-XV вв. (Кокиев 1928: 54). Поселившиеся в горах осетины (вместе с ногайцами), карачаевцы и балкары ввели в обиход культуру склепового захоронения, так как «Культура склеповых сооружений – это не степная, а специфическая горная культура...» (Кокиев 1928: 56).

Таким образом, северокавказские надземные (и полуподземные) склеповые сооружения принадлежали местным кавказцам. Пришедшие кавказские, ираноязычные и тюркоязычные этносы освоили их, начав хоронить в них своих покойников.

Вернемся к двалам и Двалети. Как отмечается в научной литературе, «Обращает внимание полное отсутствие склепов по всей Центральной Осетии в Нарской котловине, Мамисонском, Зругском, Туртикомском, Джинатском и Труссовском ущельях» (Калоев 1984: 95; Калоев 1999: 206). Территориальные единицы, ущелья, перечисленные осетинским ученым – это историческая Двалети. Сегодня осетины именуют ее Центральной Осетией. Спрашивается: если в Двалети издревле проживали осетины, если Двалети была Осетией, если двалы являлись осетинами, то почему здесь нет надземных могильников (склепов), как на остальной территории Осетии? Ответ однозначен: двалы не являлись осетинами и поэтому не были знакомы с такими памятниками материальной культуры. Из сказанного следует также, что осетины на территории Двалети поселились достаточно поздно (как нами установлено, в основном в XVI веке). Здесь они не нашли склепов, которые могли бы освоить и использовать, тогда как в четырех

осетинских ущельях Северного Кавказа их ожидали готовые склепы, и они ввели их в собственный обиход. Если бы осетины сами являлись творцами-строителями склепов, то мигрировав в Двалети, они не затруднились бы соорудить надземные могильники и там. Двалы были грузинскими горцами (одним из грузинских племен), в среду которых глубоко проникло христианство, и по обычаю всех грузин-христиан они также хоронили своих покойников в земле.

Отсутствие в Двалети надземных склепов дает нам возможность сделать еще одно важное заключение. В научной литературе встречается и такое мнение, что двалы являлись вайнахами, впоследствии (в VII в.) огрузинившимися (*Гамрекели 1961*). Здесь не будем останавливаться на том, что автор этого соображения, впоследствии отвергнув его, признал двалов занами. Отсутствием в Двалети склепов полностью исключается предположение об том, что двалы и вайнахи являлись одним и тем же этносом. Как отмечалось выше, склепы были распространены в Чечне и Ингушетии, а сами чеченцы и ингуши считались искусными строителями и строили склепы не только на родине, но и в соседней Осетии. Если бы двалы были вайнахами, то культура склеповых сооружений безусловно им тоже была бы присуща.

Некоторые ученые отсутствие на территории Двалети склепов объясняют тем, что местное население до XVIII века постоянно переселялось на южные склоны Кавказского хребта, в Грузию, а позднее, с конца XVIII века – на равнины Северной Осетии (*Калоев 1984: 95*). Эта точка зрения, разумеется, не выдерживает никакой критики. Двалы, как и любые другие грузинские горцы, конечно, мигрировали в другие части горной и равнинной Грузии, но их коренное население проживало здесь постоянно до конца XVI века, продолжая использовать свои традиционные бытовые реалии. Одно совершенно ясно: осетины, мигрировавшие из горной Осетии, не смогли внедрить в Двалети культуру склепового захоронения, так как они не являлись ее создателями. Осетины просто стали пользоваться оставшимися от ранее проживавшего здесь населения надземными склеповыми сооружениями. Из научных исследований известно, что осетины строили лишь полуподземные склепы, а для сооружения надземных склепов приглашали ингушей. Справедливости ради следует отметить, что в Двалети, в одном из сел Захского ущелья, засвидетельствованы

подземные и полуподземные склепы, сооруженные поселившимися здесь позднее (в XVII-XVIII вв.) осетинами.

Таким образом, распространенные на Северном Кавказе надземные склепы позволяют сделать серьезные выводы:

1. Надземные склепы в нагорной Осетии не были созданием рук осетин. Склепы сооружались местным кавказским населением, в основном вайнахами и родственными им племенами. «Степняки» осетины, заселившие кавказские ущелья позже, в XIII веке, освоили уже существующие склепы, оставшиеся от проживавших до них кавказских племен. Пришлый ираноязычный этнос, ассимилировав оставшееся на месте кавказское население, ввел в свой обиход этот элемент традиционной культуры.

2. Совершенно очевидно, что Двалети не была изначально заселена осетинами, и двалы осетинами не являлись. Двалы не были знакомы с упомянутым выше элементом культуры; позже (с XVI века), мигрировавшие в Двалети осетины своих покойников стали хоронить по местной традиции – в земле. Если бы двалы принадлежали к осетинскому этносу, то и здесь были бы распространены склепы.

3. Фактом отсутствия в Двалети склепов исключается также отождествление двалов и вайнахов, поскольку, как отмечалось выше, для чеченцев и ингушей надземные могильники-склепы были характерны издревле и являлись частью их традиционной культуры. Вайнахи считались искусными строителями склеповых сооружений.

4. Все вышесказанное подтверждает нашу мысль о том, что двалы были одним из грузинских племен, которое в этническом и культурно-историческом отношении составляло неотъемлемую часть грузинской нации.

То, что область Двалети была этнически грузинской, подтверждается памятниками материальной культуры еще одного типа – это памятники зодчества Тли и Хозита-Майрам. Как установлено соответствующими исследованиями, возведенные в начале XI века храмы Тли и Хозита-Майрам являются типично грузинскими архитектурными памятниками и схожи с целым рядом грузинских памятников того времени. Главное, что подобные христианские архитектурные комплексы нигде в Северной Осетии не встречаются (*Долидзе 1954: 119-126; Долидзе 1958: 767-773*).

Из приведенных выше данных, касающихся этнической принадлежности двалов, первые были письменными памятниками, вторые – памятниками материальной культуры. Однако имеются и другие данные, удостоверяющие грузинскую этническую принадлежность двалов, а именно, ономастический материал – как названия местностей (топонимы), так и личные имена. Вначале рассмотрим первые.

К счастью, топонимия т.н. Северной Осетии изучена в совершенстве (Цагаева 1971; Цагаева 1975). Первый том труда А.Цагаевой, посвященного изучению топонимии Северной Осетии, представляет собой исследование, второй – описание. Причем, топонимия классифицируются по территориальному принципу: отдельно представлены топонимы ущелий Дигори, Тагаури, Куртаули, Алагир; отдельно дается и топонимия Двалети. Значительную часть топонимов Двалети А. Цагаева считает необъяснимыми. Особо выделены ею топонимы кавказского происхождения. Следует подчеркнуть, что в подглаве о топонимах кавказского слоя в основном перечисляются названия с грузинскими корнями. Этого автор избежать не может, но для нее главное - не использовать слово «грузинский» в названии подглавы. В то же время, среди необъяснимых топонимов обнаруживается достаточно большое количество грузинских. Ниже коснемся лишь тех топонимов, которые прозрачны и образованы от грузинских основ.

1. *Абана* [abana] – название одного из уголков села Нар (Цагаева 1975: 278). Восходит к грузинскому *абано* [abano] "баня". Сёл с таким названием в Грузии было несколько.

2. *Берау* [berau] – название одного из пастбищ у села Тебэ (Цагаева 1975: 225). Топоним восходит к мужскому имени *Бера* [bera]. В самой Двалети, в ущелье Гуркумта, засвидетельствовано название леса – *Бериты хад* [beritə q'ad]. А.Цагаева переводит его как "лес Бериевых" (Цагаева 1975: 214). Однако заметим, что такое родовое имя в осетинской ономастике не встречается. Разумеется, в этом топониме фигурирует двалское родовое имя. В средневековой Грузии собственное имя *Бери* [beri] было широко распространенным.

3. *Гакури* [gak'uri] – название луга между сёлами Камцхо и Лисри (Цагаева 1975: 228). Название образовано посредством грузинского суффикса *-ур* [ur]. Топонимов с этим суффиксом в Грузии было очень много, и он обычно присоединялся к имени пер-

вого владельца местности. Название означает "место, принадлежащее Гаку".

4. *Глехерта* [glɛxertə] «Пашни в ущелье Гуркумта. В Глехертае имеем груз. глехи "крестьянин", с осет. –т-+а» (Цагаева 1975: 229).

5. *Годорты кад* [godortə q'ad] – название луга в ущелье Варцэ, где в прошлом росли березы и лещины, из прутьев которых плели корзины (Цагаева 1975: 229). Грузинским в топониме является только первый компонент: *годори* [godori] "корзина". *Годорты кад* означает "Лес для корзин" (Цагаева 1971: 127).

6. *Гомгаты* [gomɣatə] – название пастбищного ущелья и горы (*Гомгат*) близ села Зарамаг (Цагаева 1975: 196). В Грузии имеется несколько топонимов с первым компонентом *гом-*: *Гом+бори*, *Гом+арети*, *Гом+ецари*, *Гом-и+джвари*, а также *Гоми* [gomi]. Логично толковать этот топоним как "место, принадлежащее Гомгадзе".

7. *Горган* [ɣorɣan] – название одного из оврагов у села Зарамаг (Цагаева 1975: 196). Село с таким же названием существовало в верховьях Ксанского ущелья, в общине Жамури. М.Санакоты засвидетельствовал данный топоним в форме *Горгиан* [ɣorɣian] (Санакоты 1987: 155), справедливо выделив в нем корень *горг-* [ɣorɣ] "щебень" и суффикс прилагательных *-иан* [ian].

8. *Гори* [gori] – название селения между сёлами Зарамаг и Нар (Цагаева 1975: 280). Грузинское происхождение данного топонима удостоверяет и А.Цагаева: груз. *гор-и* / *гора* [gori / goɣa] "холм".

9. *Гуламуз* [gulamuz] – название пастбища в селе Тиб (в грузинских источниках - Тебэ) упоминается А.Цагаевой в числе необъяснимых топонимов (Цагаева 1975: 229). В названии явно выделяется корень *гул-* [gul]. Топонимов, начинающихся с этого корня, в Грузии множество: *Гулгула*, *Гулеули*, *Гулсунда*. Груз. *гули* [guli] - "сердце", "середина", "центральная часть". В сванской речи *гуал* [gwal] "хлев".

10. *Дазгал ком* [dezɣel kom] – незаселенное ущелье к юго-востоку от с.Заха (Цагаева 1975: 197). *Дазгал* [dezɣel] состоит из двух компонентов, второй из которых явно восходит к грузинскому слову *гелэ* [ɣele] "речка", точнее, к его западногрузинской диалектной форме *гал* [ɣal].

11. *Данбадели* [danbadeli] - груз. *дамбадебели* [dambadebeli] "Создатель" – название святилища в селе Камцхо (*Цагаева 1975: 280*).

12. *Дедабери* [dedaberi] – название луга в ущелье Бубы. Согласно А.Цагаевой, «Дедабери, груз. букв. "старуха"» (*Цагаева 1975: 232*).

13. *Дзири дзуар* [ʒiriʒ ʒwar] (*Цагаева 1971: 128*) – "главное святилище". В Восточной Грузии было множество таких "главных святилищ", каждый род имел свое собственное. А.Цагаева пишет: «...дзири, возможно, восходит к груз. дзири "корень", "основание", "низина", или дзвири ("основное") "Основное святилище"»... (*Цагаева 1971: 211*).

14. *Дзуар* [ʒwar] – в Двалети и вообще в Северной Осетии встречается много топонимов с этим компонентом. Например, ущелье, находящееся между Жгелэ и ледником Зрого называется *Дзуары ком* [ʒwarə kom] (*Цагаева 1975: 197*). В начале этого ущелья сохранились развалины древнейшего святилища, название которого осетинскому населению не известно, и они там не молятся. Этот факт также свидетельствует о том, что осетины здесь являются мигрантами, а прежние жители – этнические грузины – стали либо жертвой набегов, либо переселились отсюда в другие области Грузии. На то, что осетины в Двалети – переселенцы, явно указывает и существование капища при основном осетинском святилище: «Небольшой овраг с "филиалом" святилища Реком в окрестностях с. Зарамаг» (*Цагаева 1975: 200*).

15. *Дитхеу* [ditxeu] – луг у села Калака. А.Цагаева совершенно справедливо соотносит этот топоним со словосочетанием *диди хеви* [didi xevi] "большой овраг". В Двалети близ села Тебэ встречается название луга – *Дитхеу рабын* [ditxew rɛbɛn] (*Цагаева 1971: 129; Цагаева 1975: 232*).

16. *Дуалдер* [dwalder] – покос у села Лисри (*Цагаева 1975: 233*). Название образовано путем соединения двух основ: *дуал* [dwal] + *дер-* [der]. *Дуал* означает "двал", что касается *дер*, то в сванской речи это слово означает "ход". *Дуалдер* - "проход двалов".

17. *Зенцына ком* [zencʼəna kom] (*Цагаева 1975: 198*). Первый компонент – *зенцына* [zencʼəna] – грузинский, второй – осетинский,

топоним означает "ущелье Зенцына". Это небольшое ущелье находится в окрестностях села Заха. *Зенцына* образовано в результате соединения двух грузинских корней. Выше уже отмечалось, что *зен-* [zen] является древнегрузинской лексической единицей и означает "верхний", а груз. *цина* [s'ina] – "передний"; *зенцина* – это "передняя часть верхней стороны".

18. *Зикара* [zik'ara] – один из перевалов, ведущих из Двалети в Шида Картли (*Цагаева 1975: 198*). В грузинских источниках – *Зекари* [zek'ari] "верхние ворота".

19. *Злеси дзуар* [zlesə zvar] – святилище, расположенное на высоком холме к северо-востоку от села Калака. Церковь частично разрушена: «На трех длинных камнях восточной стены святилища (на фасаде) имеются какие-то письмена. Четвертый же камень с письменами лежит на земле» (*Цагаева 1975: 281*). Автор сознательно не замечает, что эти надписи выполнены на грузинском языке. *Злеси дзуар* это, разумеется, грузинский *дзлевис джвари* [zleviṣ žvari] «Победоносный крест». Святилищ с таким названием в Шида Картли несколько.

20. *Калак* [kalak] – селение в ущелье Жгелэ. По А.Цагаевой, «"Калак", букв. "город". Селение в Мамисонском ущелье. Название его в грузинском означает "город"» (*Цагаева 1975: 281*). Это двалетское селение в конце XVIII века упоминает Иоаннэ Багратиони в своем «Описании Картли и Кахети». Там топоним представлен в форме *Калака* [kalaka], а не *Калаки* [kalaki]. Грузинский уменьшительный суффикс *-a* [a] указывает на то, что Калака не было настоящим городом, и что в данном краю оно выполняло некую торгово-экономическую функцию, функцию города – особенно по отношению к областям Двалети и Рача.

21. *Карт, Карты ком, Картыта* [k'ert], [k'ertə kom], [k'ertətə] – первые два топонима являются названиями лугов у села Цми и в ущелье Сахсат (*Цагаева 1975: 240*), третьим обозначаются «Развалины строений в ущелье к западу от с.Зарамаг» (*Цагаева 1975: 281*). А.Цагаева считает данные топонимы грузинскими: «Къартæ "Ворота", букв. "Двери", "Входы". Этот же грузинский корень къар- /къарæ- находим в топонимах Сунти къарæ "Воронья ворота", Къари хæрд "Подъем у ворот", Цахаткъар "Цахат (?) ворота", Зикъара» (*Цагаева 1971: 128*).

22. *Коркора* [q'orq'ora] – развалины поселения восточнее с.Абайтикау (*Цагаева 1975: 288*). Топоним грузинского происхождения, *корэ* [q'ore] "возведенная без глины и извести стена". В Грузии много названий местностей с корнем *кор-* [q'or]; например, Иоаннэ Багратиони среди сёл Эрцо упоминает *Корээти / Корати* [q'oraeti / q'orati]. Немало таких топонимов в Рача: *Корианеби, Корис тави, Коркола вели, Кориани...*

23. *Кру* [q'ru] – пашня у села Лисри. На грузинское происхождение этого топонима указывает и А.Цагаева: «название его, очевидно, восходит к груз. хьру "глухой"» (*Цагаева 1975: 273*). Так же можно толковать название пашни в селе Камцхо – *Крут* [q'rut].

24. *Курта* [q'urta] – один из кварталов села Варцэ (*Цагаева 1975: 288*). Так же, как и другой уголок этого села - *Магала* [maɣala] "Высокий", носит грузинское название: *кур-и* [q'urɪ] "ухо" и суффикс *-та* [ta], который очень часто встречается в топонимах. В Курта и в Магала жили представители грузинского по происхождению рода Гогичашвили, которые в годы российского правления превратились в Гогичаевых. Фамилия образована от грузинского мужского имени *Гогича* (уменьшительный вариант имени *Гоги*). Иоаннэ Багратиони в конце XVIII века упоминает топоним *Магла Двалети* [maɣla dwaleti] (*Багратиони 1986: 77*).

25. *Лисри* [lisri] – селение на левом берегу р.Мамисондон (Жгелэс-хеви) (*Цагаева 1975, 282*). В составленном Иоаннэ Багратиони в конце XVIII века описании Картли и Кахети этот топоним фигурирует в форме *Лесрэ* [lesre]. Приставка *ле-* [le] в Западной Грузии встречается во множестве топонимов.

26. *Мухыз* [muxəz] – название леса и покосных полей на склонах над с.Варцэ. Явно грузинское происхождение названия *Мухыз* признается и А.Цагаевой: «груз. *муха* "дуб"+ суф. *-ис*» (*Цагаева 1975: 217*). Заметим, что груз. *-ис* [is] является показателем родительного падежа, *Мухиса* означает "дубовый", "дуба". В Двалети много топонимов с корнем *муха-* / *мух-* [muxa / mux], например, *Мухизгон, Мухкул*. В той же местности, где и Мухыз, находится родник *Мухызгомы суадон* [muxəzgomə swadon] (*Цагаева 1975: 211*). А.Цагаева толкует это название как "родник в дубняке".

27. *Нагора* [naɣora] – название пастбища у села Тебэ. А.Цагаева связывает этот топоним с грузинским словом *гора* [goɣa] "холм" (*Цагаева 1975: 248*). На наш взгляд, данный топоним

соотносится со словом *гвари* [γvɑrɪ] "поток", ср. *на-гвар-ев-и* [nɑvɑrɛvɪ] "сухой овраг", "место, где раньше проходил поток".

28. *Нухкота* [nuxk'otɐ] – название пашни около двалетского села Згил (в грузинских источниках – *Жгелэ*). Топоним состоит из двух компонентов: *нух-* [nux]+ *кота-*[k'otɐ]. *Нух* [nux] – это фонетический вариант грузинского корня *муха-* / *мух-* [muxɑ / mux] "дуб". Очевидно, пашня была образована в результате расчистки дубняка (*Цагаева 1975: 249*) (см. также топоним *Мухыз*).

29. *Потыфаз* [potɔfɑz] – название одного из кварталов села Нар (*Цагаева 1975: 284*); толкуется как "равнина Поты". Первый компонент А.Цагаевой неясен. Он очевидно соотносится с грузинским топонимом *Поты* [potɪ]. Возможно, его первоначальная форма была *Проты* [protɪ]: в сванской речи *проти* означает "дуплистое дерево".

30. *Регэх* [regɑx] – село к востоку от села Нар (*Цагаева 1975: 284*). Название грузинского происхождения. В Грузии нередко встречаются топонимы, оканчивающиеся на *-x(u)* [x(i)].

31. *Сагол* [sɑgɔl] – название селенья в ущелье Цмийаг ком (*Цагаева 1975: 284*). В древнегрузинском языке *гол-и* [gɔli] – "сотовый мёд", "медовая лепешка". В сванской речи – "мёд" ("соты") (*Чухуа 2000-2003: 695*); *са-* [sa] является префиксом назначения.

32. *Самтхосы / Сантхосы дзуар* [sɑmtxosɔ / sɑntxosɔ ʒvɑr] – названия мест в сёлах: Гли, Калака, Лисри (*Цагаева 1971: 118; Цагаева 1975: 284*). По записанному А.Цагаевой материалу, в селе Гли в **Самтхосы дзуар** отмечали праздник Атынаг – "атингеноба". В том, что *Самтхосы дзуар* (груз. *Самгвто джвари* [sɑmγvtɔ ʒvɑrɪ] "Крест Господен") – грузинское святилище и грузинский топоним, сомневаться не приходится. Примечательно, что праздник "атенгеноба" в кавказском христианском мире был распространен только в горной части Восточной Грузии – в Двалети и граничивших с ней историко-этнографических областях. Следует отметить также, что в Двалети существовало также святилище *Саниба* [sanɪbɑ] (*Цагаева 1975: 284*) – груз. *самеба* [sɑmɛbɑ] "Троица". Как выясняется, это святилище, расположенное в лесу на правом берегу реки Мамисондон (в грузинских источниках – Жгелэс-хеви), было молельным местом рода Туаевых (те же Тваури

/ Таваури). Очевидно, что Самгвто джвари, атенгеноба, Самеба (Саниба) – святыни этнографической группы местных грузин-христиан – двалов; как и в других случаях, представители пришлого осетинского этноса стали им поклоняться. В связи со святынями привлечем еще один материал. У развалин села Бирагтикау в двалетском ущелье Зрого при осетинском святилище Реком находится капище (Цагаева 1975: 284). Осетинское население перенесло его из Алагирского ущелья, следовательно, переносившие (этнические осетины) были переселенцами из Алагирского ущелья.

33. *Самур* [samur] – название луга близ села Цми (Цагаева 1975: 252). Грузинский топоним, в котором выделяется префикс назначения *са-* [sa]: *са-мури* [samuri]; ср. топоним *Мури* [muri] в Лечхуми. Прозрачным грузинским топонимом является также *Санат* [sanat] - груз. [sanati] "светильник".

34. *Скор* [sk'or] – название пашни близ двалетского села Сатат (Цагаева 1975: 256). Безусловно грузинский микротопоним. Судя по всему, этот участок земли удобряли навозом: *скоре* [sk'ore] "навоз". Впрочем, на почве грузинского языка данное название может толковаться и иначе. Довольно много топонимов с этим корнем встречается в соседней с Двали историко-этнографической области Грузии – Рача. *Скоро* [sk'oro] называется ледник на горе Бубистави. В той же Рача, в селе Борцо засвидетельствованы топонимы Парто скорэ, Грджамис скорэ. В рачинском диалекте "*Скоре* – это вечный снег" (Цхадаиа, Джоджуа 2005: 148). Думается, двалский топоним *Скор* следует толковать на основе рачинской диалектной лексики.

35. *Стыр лйа* [stər lja] – правое боковое ответвление от ущелья Гуркумта; название означает "большие топи". А.Цагаева отмечает, что пастбища там заболочены: «Слово лйа (В Стыр лйа) объясняется из груз. лйа [lia] "топи", "заболоченные участки"» (Цагаева 1975, 200).

36. *Техса* [t'exsa] – название луга и пастбища близ села Заха (Цагаева 1975: 262). В Грузии имеется целый ряд топонимов с корнем *тех-* [t'ex], достаточно назвать реку *Техура*. Грузинское слово *тех-а* [t'exa] означает "ломать".

37. *Тибсли* / *Тибсыли* [tibsli / tibsəli] – двалетское село на правом берегу р.Нардон. По справедливому замечанию А.Цага-

еюй, название села происходит от грузинского слова *тбили* [tbili] "теплый" (Цагаева 1975: 286).

38. *Тимцына* [timʹɛna] – развалины восточного квартала села Тебэ. Топоним состоит из двух компонентов: *тим-* / *тиб-* [tim / tib] + *цина-* [cʹɪna] "передний Тиб", "передняя часть Тиба". *Тимцына*, оказывается, было названием и отдельного села у начала бокового ответвления от Мамисонского ущелья (Цагаева 1975: 201).

39. *Тли* [tli] – развалины села в начале на левом берегу р.Мамисондон (Жгелэс-хеви). А.Цагаева вначале отнесла этот топоним к числу необъяснимых, но впоследствии все же пришла к выводу, что он восходит к грузинскому слову *в-тли* [vtli] "точу", "обтёсываю" (Цагаева 1975: 286). Аналогичный топоним существовал и в горной части Шида Картли.

40. *Тоборза* [toborza] – развалины селения в Двалети, в ущелье Цмийаг ком (Цагаева 1975: 286). (В этом селе проживали Бигуловы. Если отсечь русский суффикс, остается грузинская фамилия *Бигули* с суффиксом *-ур* /*-ул*). Наивное объяснение этого топонима дает В.Абаев. Оказывается, *тоборза* на венгерском языке - "пляска". По мнению упомянутого автора, данное название заимствовано аланами у венгров и принесено в горную часть Центральной Осетии (так сейчас называют осетины край Двалети). Интересно, почему слово, обозначающее пляску, вошло сперва в осетинский язык? Топонимов подобного рода ("пляска", "песня", "присядка", "бег"...) вообще не существует. Где могли осетины позаимствовать у венгров это слово? Где могли иметь место венгеро-аланские языковые контакты? В истории известно лишь то, что во время монгольских нашествий одна, уцелевшая часть живших на равнинах Северного Кавказа аланов в 1238 году вместе с кыпчаками (те же половцы или куманы) двинулась к западу и там смешалась с мадьярами, а затем была ими ассимилирована. В других случаях контактов между этими двумя совершенно разными народами не было.

41. *Уачэ* [uaʃʹe] – название селения. Топоним представляет собой фонетический вариант грузинского *вакэ* [vakʹe] "ровное место", "равнина". Действительно, развалины села находятся на ровном месте (Цагаева 1971: 129; Цагаева 1975: 287).

42. *Уремисента* [uremisentɛ] – название пастбища в ущелье Гуркумта. По предположению А.Цагаевой, этот топоним образован от грузинского слова *урем* [uremi] "арба" (Цагаева 1975: 265).

43. *Урсерсери кул* [urserserə k'ul] – пастбище близ села Тебэ (Цагаева 1975: 265). Слово *кул* [k'ul] по-осетински означает "склон", а первый компонент, *урсерсери* [urserseri], А.Цагаевой признается необъяснимым. В нем явно представлен редуплицированный грузинский корень *сер-* [ser] "холм".

44. *Фреули* [fɾeuli] – название луга в окрестностях села Лисри. По предположению А.Цагаевой, в основе этого топонима лежит «груз. *треули* [treuli] "привозимый", "привезенный"» (Цагаева 1975: 267). В Грузии названия местностей (особенно лугов и пашен) очень часто образовались посредством суффикса *-ур /-ул* [ur / ul], а основа таких топонимов большей частью представляет собой имя мужчины, который первый завладел этим местом и вспахал его, чью собственность оно составляло. Так что, основа данного топонима скорее - мужское имя.

45. *Халаца* [xalac'a] – название одного из ответвлений Мамисонского ущелья и горы в окрестностях села Тебэ (Цагаева 1975: 202). Топоним аналогичного звучания – *Халацани* [xalac'ani] встречается и в Кахети, в Панкисском ущелье.

46. *Хелайы кахыр* [xelajə k'axɛr] - название дороги, ведущей к покосу и пастбищу в ущелье Цмийаг ком (Цагаева 1975: 287). А.Цагаева объясняет этот топоним как "Хела щербина", справедливо отмечая, что Хела [xela] – грузинское мужское имя, которое соотносится с груз. *хел-и* [xeli] "рука". У осетин личное имя Хела никогда не использовалось, оно было только грузинским именем, и образованный от него топоним указывает на то, что в этом селе некогда проживали грузины.

47. *Цала* [c'ala] – название пастбища южнее с. Жгелэ (Цагаева 1975: 276). По Цагаевой, «(из груз. ч'ала) букв. "Прибрежные заросли"» (Цагаева 1971: 127).

48. *Чеурита* [c'eurite] – название пастбища в селе Тебэ. Как отмечает А.Цагаева, «Чеуритæ "Молотильные камни". Название молотильного камня заимствовано из груз., где кьеври "молотильная доска"» (Цагаева 1975: 278).

На наш взгляд, уже достаточно было приведено топонимов, которые толкуются на основе грузинского языка и его диалектов. Однако хочется упомянуть еще одно название – *Азилан* [azilen], которое на осетинском языке означает «место поворота». Так именуются развалины башни и церкви в Зарамага. Об этих развалинах

А.Цагаева записала следующее предание: «Местные старожилы утверждают, что в эту церковь приходили молиться грузины» (Цагаева 1975: 278). Почему приходили грузины молиться в Двалети? Потому, что это было святилище их предков. Грузины, в особенности горцы, имели обычай ходить молиться в места проживания своих предков. Не удивительно, что этому обычаю следовало и население, переселившееся из Двалети в разные области Грузии (особенно в Шида Картли и Рача). Один из фактов такого паломничества в Двалети семьи Хачидзе из Земо Имерети засвидетельствован в 30-е годы XX столетия академиком Нико Бердзенишвили. Выше мы упоминали праздник атенгеноба в Двалети, который отмечается горцами в разных областях Восточной Грузии. В Двалети отмечались и другие христианские праздники, непосредственно связанные с грузинским христианским миром. В частности, «на повороте в Джинатское ущелье было святилище *Цыфы уастырджи*, где праздновали "Джигоруба"» (Цагаева 1975: 286). Гиоргоба, т.е. праздник св.Георгия, как известно, был самым распространенным христианским праздником в Грузии.

Приведенные данные явно указывают на то, что в Двалети создателями грузинских топонимов были этнические грузины. А.Цагаева находит связь с грузинским языком только у 120 географических названий, в действительности же их намного больше, так как и значительная часть топонимов, причисляемых ею к необъяснимым, имеет грузинское происхождение. А.Цагаева считает это результатом контактов осетин с южными соседями (Цагаева 1971: 124).

Однако соседство не могло стать причиной появления такого количества микротопонимов; их создает лишь коренное население. Не существует другого пути возникновения неосетинских топонимов в осетинской этнической среде. Каким образом могли пришлые осетины усвоить грузинские микротопонимы? Это могло произойти только в том случае, если пришедшую осетинскую этническую группу на месте встретило определенное количество грузинского населения. Правда, в результате набегов и разбойничьих нашествий осетин с севера значительная часть грузинской этнографической группы – двалов снялась с места и рассеялась по разным областям Грузии, но одна часть осталась на прежней территории и со временем ассимилировалась. Обосетинивание было обусловлено тем, что грузины (двалы) оказались меньшинством в осетинской

языково-этнической среде. Не существовало другого пути сохранения грузинской микротопонимии, ведь топонимы в науке именуются «языком земли». А названия различных местностей Двалети несомненно указывают на то, что двалы были грузинами.

У нас имеется еще один ономастический материал, удостоверяющий грузинское происхождение двалов, это – антропонимы. В Центральном государственном историческом архиве Грузии хранятся документы камерального описания населения, проведенного Российской империей. Хочется обратить внимание читателя на некоторые антропонимы, отобранные из относящихся к первой половине XIX века описей Нарского "участка" (т.е. исторической области Двалети) Горийского уезда Тбилисской губернии. Следует заранее сказать, что большинство мужчин в Двалети носило те же имена, какие были распространены в Западной Грузии. Уточним, что речь идет о грузинских нехристианских именах, которые встречались у грузин в основном в качестве вторых, то есть прозвищ. В переписные книги внесены только этнические осетины мужского пола, и это понятно, так как к тому времени Двалети этнически была уже осетинской. С данной точки зрения особенно примечательна опись 1814 года (*ЦГИАГ, ф. 254, оп. 1, д. № 367*). В селе Кулбити (горная часть Шида Картли) записан "нарский Гето Бегелури". Он туда переселился из села Нар. *Бегелури* [beɣeluri] была именно одной из коренных двалетских фамилий. Это чисто грузинская фамилия как по своему корню, так и по суффиксу; в ее основе лежит древнее грузинское мужское имя *Бегела* [beɣela], ср. груз. *бегели* [beɣeli] "амбар". Что касается личного имени *Гето* [geto], то оно до последнего времени было распространено в Западной Грузии (ср. фамилии Гетиа [getia] и Геташвили [getašvili]).

В 1814 году в Двалети зафиксированы следующие собственные имена: Тухиа [t'uxia], Бидзина [biɣina], Чинели [çineli], Пранга [pranga], Батиа [bat'ia]. Все они много раз упоминаются в древнегрузинских исторических источниках и документах. Это антропонимы с прозрачной этимологией.

У двалетских осетин встречались и такие антропонимы, как: Чичо [çiço], Баха [baɣa], Хуча [xuɕ'a], Дочи [doçi] (в Гурии и Аджарии *дочи* [doçi] называлась тёлка, молодая нетелившаяся корова. А в Картли *дочо* [doço] – синоним бесхитростного чело-

века), Джахи [žaxi], Чочи [čoči], Пали [pali], Гуча [guča] / Гудза [guža] / Гуца [guca], Гугуна [guguna], Сала [sala], Канко [k'ank'o], Габила [gabila], Габиса [gabisa] / Габису [gabisu], Тиба [t'iba], Лача [lača], Гего [gego], Цулука [c'uluk'a], Хажи [xaži], Кито [k'ito], Куци [k'uci], Туту [tutu] / Тута [tuta]; ср. грузинские фамилии: Чичуа [čičua], Бахиа [bahia], Хучуа [xuč'ua], Дочиа [dočia], Джахиа [žaxia], Чочиа [čočia] и Чочоури [čočouri], также название села Чочети [čočeti], Палиани [paliani], Гучуа [gučua], Гугунава [gugunava], Салиа [salia], Канкиа [k'ank'ia], Габелиа [gabelia], Габисониа [gabisonia], Тибуа [t'ibua], Лачашвили [lačašvili], Гегиа [gegia], Цулукиани [c'uluk'iani] / Цулукидзе [c'uluk'ize], Хажалиа [xažalia], Китиа [k'it'ia], Габечава [gabečava], Куциа [k'ucia], Тутусани [tutusani].

В XIX веке двалетские осетины носили также следующие имена: Гоча [goča] / Гочи [goči], Гудуни [guduni], Гуда [guda], Тавкана [tavkana], Кочи [k'oči], Талаха [t'alaxa], Тига [t'iya], Удзила [uzila], Китриа [k'it'ria], Рухиа [ruxia], Хара [xara], Джарджи [žarži], Мамя [mamia], Гоци [goci], Гула [gula], Герга [gerga] / Герго [gergo], Тела [tela], Ахлау [axlau] (или Ахала [axala]), Маци [maci], Бохи [boxi], Хела [xela]... В основе осетинской фамилии *Кочиев* лежит мужское имя *Кочи*. В мегрельской речи *кочи* [k'oči] - "мужчина". От распространенного в Самегрело имени *Дуда* образована осетинская фамилия *Дудаев* (в мегрельской речи *дуда* [duda] - "голова").

Выше нами была рассмотрена лишь часть антропонимов живших в Двалети осетин. Многие из этих имен были распространены в Восточной Грузии в качестве прозвищ. Приведенные данные позволяют сделать примечательные выводы. Освоение Усваивание собственных (личных) имен другого этноса в таком количестве невообразимо. Остается одно: мигрировавшие в Двалети осетины заимствовали эти имена у коренного грузинского населения. Правда, в осетинском этническо-языковом окружении двалы утратили многие черты, характерные для грузинского этноса, и фактически обосетинились, однако обосетинившиеся двалы сохранили, и от отца к сыну, из поколения в поколение передали определенное количество собственных имен, которые были затем использованы пришлыми осетинами.

Итак, Двалети была историко-этнографической областью Грузии, где проживала грузинская этническая группа – двалы. По данным исторических источников, документов, памятников материальной культуры, топонимики и антропонимики двалы были грузинами-горцами. Большинство из них переселилось в различные области Грузии в конце XV века и в XVI веке. Причиной переселения явились набеги и разбойничьи нападения осетин. Оставшиеся же в Двалети грузины с течением времени обосетинились. Это произошло под влиянием осетинской этническо-языковой среды.

Литература

- Абаев 1949* – Абаев В.И., Осетинский язык и фольклор, т. I, М.-Л.
- Абрамова 1987* – Абрамова Т.П., Подкумский могильник, М.
- Багратиони 1980* – Иоаннэ Багратиони, Описание Картли и Кахети, – «Топонимика» II, Тбилиси – Груз.
- Вахушти 1973* – Вахушти Багратиони, Описание Грузинского царства, "Картлис Цховреба", т. IV, Тбилиси – Груз.
- Вахушти 1997* – Вахушти Багратиони, Атлас Грузии, Тб. – Груз.
- Волкова 1973* – Волкова Н.Г., Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, М.
- Волкова 1974* – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX века. М.
- Гамкрелидзе 1996* – Гамкрелидзе Б., К вопросу расселения осетин в Грузии, сб. "Оста сакитхи" ("Осетинский вопрос"), Тбилиси-Гори. – Груз.
- Гамкрелидзе 1998* – Гамкрелидзе Б., Из этнической истории Центрального Кавказа (к вопросу о соотношении этнонимов «осетин» и «двалы»), сб. "Саисторио дзиебани" ("Исторические искания"), I, Тб. – Груз.
- Гамрекели 1961* – Гамрекели В.Н., Двалы и Двалетия в I-XV вв. н.э., Тбилиси
- Гамрекели 1977* – Гамрекели В., Двалы, ГСЭ, т. III – Груз.
- Гвритишвили 1949* – Гвритишвили Д., К вопросу о происхождении двалов и переселении осетин, "Мимомхилвели" ("Обозреватель"), Тбилиси. – Груз.
- ДГ 1911-1913* – Древняя Грузия, Тифлис, 1911-1913. – Груз.

Долидзе 1954 – Долидзе В., Хозита-Майрам - свидетельство культурных взаимоотношений народов Грузии и Северного Кавказа, Сообщения АН ГССР, т.XV, №2. – Груз.

Долидзе 1958 – Долидзе В., Архитектурный памятник Тли – новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалети, Сообщения АН ГССР, т.XXI, №6. – Груз.

Жордания 1897 – Жордания Т., Хроники и другие материалы истории и литературы Грузии, кн. II, Тифлис. – Груз.

Иваненко 1873 – Иваненко З., Гражданское управление Закавказьем. Тифлис.

ИГТ 2010 – История Грузии в топонимии, т.I, т. II, 2010, Тб. – Груз.

Итонишвили 1992 – Итонишвили В.В., Из истории горной области Восточной Грузии. Тб. – Груз.

Календарь 1972 – Церковный календарь Грузии. – Груз.

Калоев 1984 – Калоев Б.А., Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII-начале XIX в. – Кавказский этнографический сборник, VIII, М.

Калоев 1999 – Калоев Б.А., Осетинские историко-этнографические этюды, М.

Кокиев 1928 – Кокиев Г.А., Склеповые сооружения горной Осетии (историко-этнографический очерк), Владикавказ.

Курдиани 1997 – Курдиани М., Об одной метрической схеме общекартвельского эпического (нарративного) стиха. – «Георгию Робава», Тб. – Груз.

Марковин 1978 – Марковин В.И., О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. – Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы, М.

Мизиев 1970 – Мизиев И.М., Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.), Нальчик.

Мизиев 1986 – Мизиев И.М., Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа, Нальчик.

Нечаева 1972 – Нечаева Л.Г., Осетинские погребальные склепы и этногенез осетиню – Этническая история народов Азии.

Плетнёва 1981 – Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, отв.ред. тома С.А. Плетнёва, М.

ПП 1977 – Памятники Грузинского права, т. VI, Тб. – Груз.

Санакоты 1987 – Санакоты М., О некоторых топонимах Северной Осетии, "Ономастика" I, Тб. – Груз.

Табатадзе 1979 – Табатадзе К., Борьба грузинского народа против чужеземных захватчиков на рубеже XIV-XV вв. – Очерки истории Грузии, т. III, Тб. – Груз.

Такайшвили 1963 – Такайшвили Е., Археологическое путешествие в Рача, Тб. – Груз.

Топчишвили 1997 – Топчишвили Р., Вопросы переселения осетин в Грузию и этноистории Шида Картли, Тб. – Груз.

Топчишвили 1998 – Топчишвили Р., Устные исторические источники. – "Клио", 1998, №3 – Груз.

Топчишвили 1999 – Топчишвили Р., Еще раз об этнической принадлежности двалов. – "Анналы", 1999, №2 – Груз.

Цагаева 1971 – Цагаева А.Дз., Топонимия Северной Осетии, ч. I., Орджоникидзе.

Цагаева 1975 – Цагаева А.Дз., Топонимия Северной Осетии, ч. II., Орджоникидзе.

Цхадаиа, Джоджуа 2005 – Цхадаиа П., Джоджуа В. Рачинские географические названия. II, Тб. – Груз.

Чумбуридзе 1987 – Чумбуридзе З., Язык наш родной, Тб. – Груз.

Чухуа 2000-2003 – Чухуа М., Сравнительный словарь картвельских диалектов, Тб. – Груз.

Шанидзе 1984 – Шанидзе А., Сочинения в 12 томах, т. I, Тб. – Груз.

Шиллинг 1931 – Шиллинг Е., Ингуши и чеченцы. – Религиозные верования народов СССР (сборник этнографических материалов), т. II, М.

ОБ ОСЕТИНСКОЙ МИФОЛОГЕМЕ ИСТОРИИ И КРАЖА ИСТОРИИ

На протяжении своей многовековой истории, грузины имели длительные взаимоотношения со многими народами, в том числе – осетинами, неоднократно оказывая им помощь, поселив на исконных грузинских землях.

Однако в ответ на благородное отношение и предложенную со стороны грузин дружбу, начали присвоение исконных грузинских земель. Впоследствии они создали лжеисторию, извратили грузино-осетинские связи.

*С данной точки зрения, ярким примером искажения подлинной сути предмета с обилием лжесвидетельств, служит изданная в 1994 году в Санкт-Петербурге объемистая книга (Осетия и осетины. Составитель К. Челехсаты, Владикавказ-Санкт-Петербург, 1994, 576 стр. далее: **Осетия... 1994**).*

Мы долго думали, стоит ли писать отзыв на названную книгу. После долгих раздумий и рассуждений все же решили написать и не только потому, что в ней история Грузии и грузино-осетинские отношения поставлены с ног на голову, но и потому, что наши вчерашние «друзья» клеветают на наш народ, унижают и оскорбляют его культуру и историю. Осетины из ничего, искусственно сочиняют историю своей страны и своего народа, и все это происходит на фоне умаления истории и культуры Грузии. Заметим, что осетинские авторы в этом плане не щадят и другие соседние народы, например, ингушей.

Следует подчеркнуть, что книгу об Осетии и осетинах нельзя отнести к какому-либо одному определенному жанру. В этот сборник вошли отрывки из газетных и журнальных статей, воспоминаний, записок путешественников, научных трудов. Но следует сказать со всей определенностью, что в книгу не попал весь материал об Осетии и осетинах. В этом отношении составитель многое скрывает от читателя и печатает то, что может создать ему ложное впечатление о своем народе. Особенно избегает составитель те научные работы, исторические источники и документы, в которых освещается истинная история осетинского народа. Пренебрежительно относится он к грузинским историческим источникам, которые он называет лженаучными. В то же время

именно они составляют единственный источник, по которому можно восстановить тот или иной отрезок истории Осетии.

Посмотрим в последовательности.

Книга снабжена обширным вступлением «От составителя» с эпиграфом: «Благодарю судьбу свою за то, что на этот свет родился осетином!». Отсюда уже ясно, каков характер сборника, с которым мы имеем дело. Ведь такие слова в современном цивилизованном мире квалифицируются как фашизм. Но чем глубже мы вчитываемся, тем больше видим, что ее содержание хуже, чем обыкновенный фашизм.

Цель составителя этой книги – повисить национальное самосознание осетин. К сожалению, заявляет он, в последнее время ряд публикаций газет и журналов вызывает недовольство общественности своей некомпетентностью и тенденциозностью, т.е. составитель обещает, что материал, собранный в его книге будет и компетентным и нетенденциозным. Ниже у нас будет возможность оценить степень компетентности и объективности составителя и редакторов этой многостраничной книги. К сожалению книга продолжает и углубляет тенденции, основы которых заложили несколько авторов - осетин еще в советское время. Это сознательное искажение истории, создание истории из ничего, что вводило и вводит в заблуждение осетинский народ, внедряет в народе ложную историю и в итоге приводит к окончательному разрушению национальной психики и приводит к возникновению фашистских тенденций.

Через всю книгу красной нитью проходит идея о том, что Северо-Осетинское автономное образование, входящее в состав Российского государства, и Юго-Осетинская автономная область, в советское время находящаяся в составе Грузии и ныне ставшая достоянием истории, представляют одну страну, Осетию или Иристон. С оборотной стороны обложки книги напечатана карта «подтверждающая» это. Это карта в свое время была напечатана в книге Калоева «Осетины» и с тех пор кочует из издания в издание. Эта антинаучная и антигрузинская карта бездумно была перепечатана и грузинскими авторами в сборник «Осетинский вопрос». К сожалению, видно, некоторые из наших квалифицированных специалистов не умеют читать карту. За весь длительный исторический путь т. н. Северная Осетия и т.н. Южная Осетия никогда не составляли одну страну, единую Осетию. И даже

каждая в отдельности никогда не являлись политическим образованием, имеющим государственность. Даже если не примем во внимание Южную Осетию искусственно созданную советской властью, и Северная Осетия никогда не существовала реально как страна в сегодняшних пределах. На рубеже XVIII-XIX веков осетины жили замкнуто в четырех горных ущельях Северного Кавказа и были оторваны друг от друга. В то же время, со второй половины XVII в. осетины мигрировали и на рубеже XVIII-XIX вв. жили лишь в крайнем горном отрезке Шида Картли. Известно также, что к этому времени живущие в горах Северного Кавказа осетины не имели даже единого самоназвания (*Волкова 1973: 100-121*). Лишь в конце XVIII - XIX веках русское правительство позволило им с узких, высокогорных и замкнутых ущелий Северного Кавказа переселиться в предгорья Северного Кавказа и на равнину. Там и получили они возможность, после установления Советской власти, создать государственное, точнее, административное образование под названием «Северная Осетия». Что касается аланов, считающихся предками осетин, и их раннеклассового государственного образования в VI-XIII веках, то оно существовало достаточно далеко от Северной Осетии - в степях Северного Кавказа.

Вернемся к упомянутой карте. Если даже пренебречь разными ее аспектами, то сознательное искажение нанесенных на нее ойконимов и гидронимов сразу бросается в глаза. Делается это с той целью, чтобы читатель не обнаружил следов грузинского языка, на котором были созданы все топонимы в этой провинции Шида Картли. Осетины или переводят топонимы, или так меняют фонетически, чтобы неискушенный читатель считал их создателем осетинский народ. Приведем несколько примеров: река Диди (большая) Лиахви названа «Стыр Леуахи», Патара (маленькая) Лиахви – «Чысыл Леуахи», река Ксани называется «Чсан», Кемерти как «Чемерт», Громи как «Гром», Баланта-«Балан», ледяная вершина горы Казбек названа «(хох Сона)» ведь не все знают, что некоторые северокавказские народы (напр., кабардинцы) и некоторые поздние русские источники грузин называли «соне» – «сона». Осетины никак не могут расстаться с Лениным и поселок в Ксанском ущелье Ахалгори называют все еще Ленингори.

В рецензируемой книге помещена не одна карта и лучше разговор о них закончить здесь. Одна глава книги называется «Аланы и Алания» (Осетия... 1994: 51-81). Здесь имеется карта «Рост Римского государства (III в. до н.э. - II в. н.э)». Примечательно, что южнее Грузии на карте отмечена Армения, а в степях Северного Кавказа – Алания. Нигде не видно Колхидского и Иберийского (Картли) государств. На их месте лишь белые пятна. Понятно, какое впечатление хотят создать составители книги. Из «Истории Северной Осетии», изданной в 1959 году, перепечатана карта, называемая «Территория аланов по Прокофию Кессарийскому (VI в) и, армянской географии (VII в.)». И по этой карте у Грузии еще не было государственности и, видимо, по мнению составителей, грузины еще не пришли на территорию Грузии. На всей Восточной Грузии надписано «Аланы». Кроме того, судя по карте, те же аланы жили и в двух отдаленных друг от друга регионах Северного Кавказа. На таком нонсенсе даже заострять внимание не стоит.

К.Челехсаты любезно знакомит нас с тем, что он понимает под словом родина («Ирыстон»): 1) родина – это знакомые горные тропы, где я бегал в детстве, источник, из которого я пил воду; 2) родина – это могила предков и окрестности 5-ой школы в гор. Цхинвали, где покоятся герои – защитники города, защищавшие его от грузинских неонацистов; 3) родина – это аул Нара, где родился великий Коста и молельня Реком.

Мы не обратили бы внимания на эти строки, если бы осетины не объявляли своей родиной исконную грузинскую территорию – Шида Картли, где, по их представлению, похоронены их предки. Истинная история гласит о другом. В деревне Нара (являющейся центром одной из важных горных провинций Грузии – Двалети) покоятся кости предков грузин. Постоянные набеги осетин в XV-XVI веках вынудили грузин горцев – двалов сняться с земли предков и рассеяться в разных провинциях Восточной и Западной Грузии. Двалети со времен формирования грузинской государственности до 1858 года была одной из провинций Грузии, что подтверждается не только древними историческими документами, но и грузинскими документами более позднего периода. Значительное заселение осетин в Двалети относится к XVI веку и этнически осетинским этот край стал именно с этого времени. Что касается костей предков осетин, то их следует искать в степях Северного

Кавказа, а до того – в Средней Азии. Мы не написали бы этих строк, если бы один из древнейших городков Шида Картли – Цхинвали не был бы объявлен осетинским городом. Не только историкам, но и многим нашим современникам известно, что этот город стал осетинским в советское время вследствие притеснения местным партийным руководством грузинского населения и планомерного переселения осетин из горных сел. Что касается молельни осетин «Реком», каждый осетин может ему поклоняться, как поклонялись их предки, но гордиться горным святилищем – является выражением провинциального фашизма. «Реком» не является тем ценным культурным и архитектурным памятником, которым может гордиться создавший его народ. Непосвященный читатель может подумать, что «Реком» - это шедевр зодчества, однако таких обыкновенных горных молелен было в горах Северного Кавказа и Грузии великое множество.

К.Челехсаты гордится и тем, что когда осетины шли в бой, матери строго наказывали: «Без победы не возвращайся». Не могу не остановиться на этих словах. Осетины и их предки – кочевые племена жили за счет войн, набегов, разбоя, поэтому не слезали с лошадей. Если набег оказывался успешным, у них появлялась пища и пропитание. Этим объясняются слова осетинских матерей. В странах с земледельческой культурой такие слова не могли возникнуть. Их не могло быть у народа, занятого творческим трудом, это лозунг тех, кто думает о захвате созданного другим.

Составитель книги Челехсаты гордится своей родиной и потому, что она дала человечеству великого античного философа мудреца Анахариса и великого историка VI века Иордана, непобедимого полководца средних веков Давида-Сослана и гениального поэта Коста Хетагурова, известного современного ученого Васо Абаева и легендарного героя гражданской войны Хаджимурата Дзарахохова. Известно, что до нас не дошло ни одного труда философа Анахариса и поэтому трудно судить о его месте в истории человечества, к тому же известно, что по происхождению Анахарис был скифом, а не осетином. Осетинского народа тогда еще не существовало. Их предки кочевали в Среднеазиатских степях. Раз осетинский язык вместе со скифским входит в иранскую семью языков, то и скифа Анахариса мы должны считать осетином? По такой логике Анахарис окажется предком и русских. Повторяем, осетинский этнос сформировался

сравнительно поздно, позже XIII-XIV веков, после того, как загнанные монголами в горные ущелья Северного Кавказа осетины смешались с местными кавказскими племенами. Что касается историка Иордана, то по происхождению он был готт (*Советская историческая энциклопедия т.6, М., 1965*).

Как вошел в историю человечества Давид-Сослан, трудно сказать, а что касается «Великого Коста Хетагурова», одного обыкновенного писателя II половины XIX века, то он был велик для осетинского народа, как основоположник осетинской литературы, а не для человечества. И как может гордиться народ «героями» гражданской войны, объявленными таковыми большевистской властью.

Составитель книги гордится тем, что он является представителем и потомком народа, создавшего, как он говорит, прославленную кобанскую культуру и скифское искусство. Об этом в книге говорится более подробно и к этому вопросу мы ниже вернемся. Отметим здесь лишь, что кобанская археологическая культура не имеет ничего общего с общеосетинской культурой. Нельзя из того факта, что «кобанская культура» впервые была обнаружена на Северном Кавказе в осетинском селе Кобан, заключать, что ее создателями были осетины. До появления осетин в ущельях Северного Кавказа там происходила частая смена этносов. Здесь мы имеем дело с элементарным присвоением чужой истории и культуры. Не являются осетины также потомками скифской культуры, созданной не на Северном Кавказе, а главным образом, в северной полосе Черного моря. Скифских племен и предков осетин связывало лишь то, что они являлись носителями разных языков северо-иранской языковой семьи. Вообще известно, что изучение этнической истории через археологическую культуру весьма опасно, если оно не подкреплено историческими источниками. Если осетины – потомки скифов, то почему же они не являются наследниками традиционной скифской культуры? Абсурдность принадлежности кобанской культуры к скифо-сармато-аланской и, соответственно, осетинской аргументируется в русский археологической науке (*Скаков 2010: 48-67*).

К.Челхсаты гордится тем народом, который, несмотря на трудности и лишения, создал прекрасный аланский язык. Как прокомментировать эти слова? Можно сказать только одно: это

типичный образец провинциального фашизма. Какой же язык не является прекрасным?

Челехсаты гордится своим народом и потому, что этот народ – создатель шедевров мировой цивилизации нартского эпоса и неповторимого, божественного танца симди. Ни в одном из значительных энциклопедических изданий нартский эпос не признается шедевром мировой цивилизации, да и кроме того, этот эпос не является принадлежностью лишь осетинского народа. Его создателями и владельцами являются и другие народы Северного Кавказа, и абхазы. Что касается симди, то это правда блистательный образец народного танца, но явно кавказского, а не иранского происхождения. «Симди» осетины усвоили от местных кавказцев, в частности, от ингушей. Известно, что его танцуют и кабардинцы. Кроме того, в том виде, как его сегодня танцуют, симди – творение грузинских хореографов.

Борьбу грузин против экстремистов осетин, покушавшихся на целостность сложившейся в глубине веков грузинской государственности, присваивающих грузинскую землю, Челехсаты называет внешней агрессией против осетин и Осетии. Оказывается, осетины защищали южную и восточную границы от агрессоров – грузин и ингушей.

Одна из глав книги называется «Общие сведения». Собранные здесь статистические демографические данные отличаются тенденциозностью. Численность населения г.Цхинвали и других районов т.н. Южной Осетии показана с 1939 года. Что касается национального состава «Южной Осетии», то в книге приводятся только данные 1979 и 1989 годов, конечно, сознательно, так как статистические данные XIX в. и первых двух десятилетий XX в. свидетельствовали бы о другом: тогда во многих населенных пунктах т.н. Южной Осетии вообще не было осетин (напр., в г. Цхинвали, в обоих Проне, в ущельях Меджуды и Лехуры...), а в других численность грузин значительно превышала численности осетин. Интересно, что некоторой объективности в книге избежать не удалось. Так, по статистическим данным, в 1833 году общая численность осетин в Грузии не превышала 19.324 человек. Это лишает основания попытку некоторых авторов – осетин искусственно увеличить численность осетин в Грузии XVIII века. Напр., Г.Тогошвили утверждал, что во II пол. XVIII века в Грузии проживало 6000-7000 осетинских семей. Реально же к

концу XVIII века осетин в Грузии проживало 2130 семей (ок. 15000 человек). К 1833 году эта цифра достигла 2700 (ок. 19324 человек).

В книге утверждается, что в первом веке новой эры династия Аршакидов царствовала не только в Армении, но и в Алании (*Осетия... 1994: 19*) и Аршакиды Армении и Алании были представителями одного рода и, что главное, нас уверяют в скифском (т.е. осетинском) происхождении Аршакидов. Известно, что армянские Аршакиды персидского (парфианского) происхождения и они ничего общего не имеют со скифскими. Что касается Аршакидов – аланских царей в I и последующих веках – это плод фантазии. В первых веках нашей эры аланы еще не имели государственного объединения, в это время они кочевали в обширных степях между р. Волгой и Азовским морем. Государственное объединение аланами было создано позже, после нашествия гуннов (70-ые годы IV в. н. э.), когда они двинулись с севера к югу в степи Северного Кавказа. Исходя из этого, нет оснований говорить о царях аланов Аршакидах в первых веках н.э.

В рецензируемой книге помещена статья Г.Тогошвили (из журнала «Фидиауг») о характере осетин (*Осетия... 1994: 19-21*). Речь идет о том, что на осетинском гербе изображался барс. Автор пишет: «Символически это означало, что осетинский народ, как барс, храбр и самоотвержен в борьбе с врагом, отступление считает ниже собственного достоинства». Мы не будем говорить о том, каким образом был изображен барс на осетинском гербе, вопрос в том, когда у осетин был герб? Барс изображался лишь на флаге осетин. Следует подчеркнуть, что Г. Тогошвили и К.Челехсаты сознательно скрывают от читателя тот источник, где дано изображение осетинского флага. Это сочинение известного грузинского ученого Вахушти Багратиони. Если бы не он, осетины не знали бы, как выглядел осетинский флаг. Других источников нет. Осетинский флаг с изображением барса не знает и этнографический быт позднейшего периода и нет никаких преданий о нем.

В книге красной нитью проходит, что Осетия делится на две части – южную и северную. Об этом говорилось выше. В книге подчеркивается и то, что верховье Арагви находится в Осетии. Получается, что верховье р. Белой Арагви Гуда – это Осетия (?!). Значит, раз несколько семей осетин во второй пол. XVIII в. переселилось сюда из Магран-Двалети (верховья реки Диди

Лиахви), это Осетия? Нам известны те грузинские фамилии, которые жили здесь, в Гуда, до переселения осетин – это Бутхузи, Сисвелаури и др.

В книге подчеркивается, что в осетинском языке выделяются два диалекта: иронский и дигорский. Оба диалекта распространены на Северном Кавказе. Южные осетины говорят на иронском, а не на каком-либо третьем диалекте, что еще раз подтверждает версию о переселении осетин в Шида Картли из той территории Северного Кавказа, где говорят на иронском диалекте.

Фантазия осетин не знает границ, когда они начинают говорить о двух осетинских протогосударственных объединениях в VI-VII вв. Оказывается, одно из них находилось на западе с центром в верховьях Кубани, а второе на востоке, близ Дарьяла. Но не могут скрыть того факта, что до V в. предки осетин, аланы, кочевали и лишь в VI-VII вв. перешли к оседлой жизни приобшившись к кавказскому этнокультурному миру.

Встречаются в книге и такие курьезы: оказывается, предки осетин, аланы, были столь благородны, что их миграция в горах отличалась одной особенностью: никогда не вызвала тотального исчезновения аборигенов, их ассимиляцию. Принятую в советской этнографии терминологию авторы легко приспособливают к тем временам; оказывается, где бы не появлялись аланы, в том числе и на Кавказе, происходила взаимная ассимиляция аланов и местного населения, что якобы подтверждается появлением новых форм погребальных строений в IX-X вв.

Авторы подчеркивают, что в X-XI вв. Алания была могущественным государством, проводившим активную внешнюю политику (*Осетия... 1994: 24*). Специально отмечается, что монголы не смогли завоевать горную Аланию. Что можно сказать в связи с этим? На самом ли деле существовала т.н. «Горная Алания?» Ответ короткий: ее не существовало. «Горная Алания» одна из таких выдумок осетинских авторов, которыми полна составленная ими история. К XVIII веку осетины жили лишь в четырех горных ущельях Северного Кавказа: в Дигорском, Куртатском, Тагаурском и Алагирском. Можно со всей убедительностью утверждать, что до появления монголов предков осетин в этих ущельях не было. В ущельях поселилась их часть, спасшаяся от монголов; это было в XIII в. и, как пишет Вахушти Багратиони, загнанные из степей в горы осетины принесли с собой и свои

топонимы. Чуть раньше появились аланы в Дигорском ущелье (X-XI вв.) и на территории ныне населенной балкарами и карачаевцами. Пришедшие тюркские племена (балкары и карачаевцы) ассимилировали аланские племена. Вот это и есть правда, а не утверждение, что монголы не смогли завоевать «Горную Аланию». До монголов осетины были «степняками», в горах они не жили и заслуга монголов, что эти степняки превратились в горцев.

Выше мы отметили и хотим повторить, что составитель сборника особое внимание уделяет кобанской археологической культуре. Одна из больших глав носит название: «Население древних кобанцев». Оказывается, кобанская культура – одна из блистательных страниц древней истории Осетии. Он считает, что, возможно, местные кобанские племена контактировали со степняками – скифами. В сборнике напечатана статья археолога Б. Техова, в свое время опубликованная в «Фидиауге». Вот нарисованная им картина этнического развития аланов: Кобанская культура наивысшего развития достигла на рубеже II и I тысячелетий и, что главное, она одинаково развивалась по обе стороны Кавказа – на севере и на юге, создателями ее были индоиранские племена, не покидавшие Центрального Кавказа и передававшие культурные традиции из поколения в поколение в течение тысячелетий. Поэтому, пишет Б.Техов: мы не должны говорить, что сюда, на Центральный Кавказ, предки осетин пришли лишь в I веке. Сочиненная автором история на этом не заканчивается. Оказывается, в I веке предки осетин – аланы все же пришли в Центральный Кавказ и эти аланы-мигранты воссоединились со своими братьями, потомками кобанской культуры, также говорящими на иранском языке. Следовательно, и пришлые и местные одинаково говорили на иранских языках и, естественно, аборигены легко усвоили язык мигрантов. Отсюда Б.Техов делает вывод, что если какой-либо из кавказских народов можно отнести к числу древнейших, то в числе их осетины. Осетины – наследники и продолжатели кобанской культуры. В то же время, Б.Техов древнейшим владением ираноязычных народов считает не только Северный Кавказ, но и территорию к югу Кавказского Хребта (осетинские авторы вообще не упоминают Грузию; они пытаются закрепить термины «Юг Главного Кавказского хребта», «Закавказье»). Б.Техов свои рассуждения заканчивает следующим обра-

зом: «Осетинский народ – продолжатель традиции создателей кобанской культуры, их наследник, преемник и продолжатель их духовно-культурной и языковой традиции».

В присвоении местной кавказской, кобанской культуры, в создании своей лжеистории осетинам помогают и другие, в частности, русские. Они часто ссылаются на В.Кузнецова. В сборнике приведена цитата из статьи этого автора, в котором он говорит, что в I тысячелетии до н.э. по обеим сторонам Кавказского хребта в Северной и Южной Осетии, существовала одна культура, создателем и носителем которой был один древний народ, проживающий по обеим сторонам хребта, и, конечно, это был осетинский народ.

Что можно сказать об этом? По археологическому материалу определение этнической принадлежности археологической культуры сомнительно. Данные археологии должны быть подкреплены свидетельством письменных источников. А по письменным памятникам, в горных ущельях Северного Кавказа и тем более южнее хребта ираноязычные племена никогда не жили. В то же время известно, что кобанская культура почти аналогична колхидской культуре, о чем в этой объемистой книге не сказано ни слова, ибо это лишило бы основания историю, созданную фантазией осетинских авторов. Примечательно и то, что осетино-аланские племена появились в предгорных и горных ущельях Северного Кавказа не в I веке н.э. Это лишь выдумка осетинских авторов. Выше отмечалось и считаем необходимым повторить, что в это время предки осетин кочевали между р.Волгой и Азовским морем, кочевали, а не жили оседлой жизнью. И после того, как в IV в. их уничтожили гунны, уцелевшие маленькие группы переместились южнее, но остались степняками и в VI-VII вв. создали раннеклассовое аланское государственное объединение. Что касается найденной в ШИда Картли (т.н. «Южной Осети») современной кобанской археологической культуры, то она почти идентифицируется с колхидской культурой. Отсюда естественно следует вывод о том, что в то время эти территории (а также Северный Кавказ) населяли картвельские племена.

В сборник попали и статьи, выбивающие почву из-под лжеистории осетин. Например, на 34-ой странице помещена журнальная статья Смирновой, которая пишет, что согласно греческим, армянским и грузинским источникам, осетины, ныне

проживающие на Северном и Центральном Кавказе, являются прямыми потомками сакоскифских племен, населявших предкавказье и потесненных оттуда в период великого переселения народов. Эта статья не поддерживает «положения» о том, что осетины с древнейших времен жили по обе стороны Кавказского хребта. В упомянутой статье говорится о том, что предками осетин были скифско-сарматско-аланские племена, которые с VII в. до н.э. по III в. н.э. проживали на территории южной России.

Сравнительно объективно отражает ситуацию цитата из труда В.Абаева, сообщающая, что в период великого переселения народов, в IV-V вв.н.э. часть аланов прошла через всю Европу до Франции и Испании. Собственные имена Ален (франц.) и Алан (англ.) – наследие того периода. Оставшиеся в Восточной Европе аланы остановились перед Кавказским хребтом и основали здесь крупное феодальное государство. Нашествия монголов и Тамерлана имели для осетин катастрофические последствия. Их часть погибла в постоянных битвах, часть переселилась в Венгрию, где под названием «ясов» еще несколько веков сохраняла самобытность. Часть была втянута в захватнические войны монголов и расселилась по разным землям. Оставшиеся на Кавказе оказались изолированными в тесных ущельях.

Одна из глав названа: «Памятники скифской культуры в Закавказье». В ней перепечатана цитата из статьи М.Погребовой, которая сообщает, что: «Широко представлены в Закавказье и памятники скифской культуры... Причем особенно насыщены скифскими вещами районы нынешних Абхазии и Юго-Осетии...». «Начиная со второй половины VII в. до н.э. в Западное и Центральное Закавказье наряду с элементами колхидо-кобанской культуры, а скорее всего вместе с ними, проникают элементы скифской материальной культуры. Можно предполагать, что это связано с проникновением в эти районы и скифского этноса» (*Осетия... 1994: 48*). Добавим, что проникновение элементов материальной культуры из одного географического региона в другой не обязательно говорит о миграции этноса. Что главное, мы процитировали статью Погребовой и потому, что в ней колхидская и кобанская культуры представлены как одна культура. Составители книги, видимо, этого не заметили: известно, что этот общепринятый в науке взгляд ими тщательно скрывается.

В сборнике приведена выписка из книги Пфафа, напечатанной в 1871 году, гласящая, что аланский народ в течение многих веков господствовал над всем Кавказом, как над Северным, так и над Южным. Здесь не указано ни время, ни то, как господствовали аланы над грузинами и армянами, и в чем это господство выражалось.

Приводится также отрывок из книги некоего Гольдштейна: «Две тысячи лет назад среди сарматов выделялись аланы, проживающие тогда на Дону. Аланами их звали греки, а потом византийцы. Себя аланы называли асами...отсюда название материка «Азия» (*Осетия... 1994: 56*). Пока мы прокомментируем цитату, считаем нужным повторить вышесказанное. У проникших в Кавказские горы осетин в XIX в. не было самоназвания, осами (осетинами) их звали главным образом грузины. Лишь улыбку может вызвать утверждение, что название всему материка дали осетинские племена, провоцирующее «заклучение», что по всему Азиатскому континенту были расселены осетины и весь материк принадлежал им. Даже более, осы (асы) дали имя Азовскому морю, Кавказу. Кроме того, они широко были расселены не только в южных степях России, но и в Западной Европе, где, оказывается, десятками остались осетинские этнопонимы.

Таким образом, до V в. н.э. аланы не имели одного местожительства. Это ясно и из цитируемой книги и не требует обращения к другим достоверным источникам. Предки осетин появлялись то там, то сям, не вели оседлый образ жизни, не занимались земледелием, не были постоянными жителями той или иной территории. Они содержали себя набегами, разбоем и тем, что их нанимали в других странах (в том числе, и в Грузии) и т.д. Этим определяется то, что когда-то «многочисленный народ» (как пишут осетинские авторы) не смог сохранить единый этносоциальный и этнополитический организм. Они рассеялись и слились с другими народами. Что касается того, что осетины жили в Кавказских горах издревле (как утверждают осетинские авторы), это не подтверждает ни один источник. В книге нет соответствующих научных аргументов, а неподкрепленные ими фразы в науке немногого стоят, они лишь вводят в заблуждение читателя. Надо отметить, что почти все осетинские авторы (кроме В. Абаева), говоря об истории своей «страны» или этноса, высказывают предположение, которое потом, в заключении, объявляют аксиомой и эту «новоиспеченную» аксиому

вводят в научный обиход. В этом отношении особенно выделяются Г. Тогошвили и Б. Калоев.

Между прочим, в книге встречаются и такие перлы из помещенной в газ. «Терек» статьи Фарваровского из которой выясняется, что осетины (язы, асы) старше немцев и славян. «Осетины были среди первых христиан». Со своей стороны мы добавим, что сегодня народы не классифицируются по возрастному цензу, главное, кто какой вклад внес в историю культуры. Не имеет решающего значения, кто на сколько лет опередил другого в принятии христианства. Какими христианами были осетины, нам известно. Это вероисповедание было воспринято ими лишь поверхностно. Мигрирующие из Северного Кавказа в Грузию осетины нисколько не были христианами. В одном из памятников права 1782 года запрещается грузинам отдавать женщин за осетин, так как они не христиане. «Если какой-нибудь христианин выдаст дочь за осетина и породнится, то мы отнесем к этому как к вероломству и ему придется дорого заплатить; но если осетин отдает за вас дочь, то женитесь, но окрестите, без крещения нельзя» (*ЦГИА, II, 451*).

На 63-ей странице приводится выписка из газ. «Новое обозрение» от 1891 года, гласящая, что осетины с древнейших времен были сильной нацией. Там же говорится о том, что осетины делились на четыре звания: 1) уаздогов (князей и дворян); 2) кавсаторов (податных); 3) фарсагов (вольных); 4) гурзиаков (холопов), т.е. грузин. Мы остановимся на последнем. В осетинском «гурзиаке», т.е. грузин был синонимом раба. Неискушенному читателю может показаться, что грузины вообще были рабами осетин. Но дело обстояло совсем по-другому. Ответ частично содержится в статье, перепечатанной из «Терских ведомостей» от 1889 г.: эта прослойка была составлена, главным образом, за счет пленных из Грузии. Это последнее не соответствует действительности, но набеги осетин и захват пленных на самом деле имели место.

Одна из глав называется «Аланы в Западной Европе. Аланские этнонимы в Западной Европе», в которой можно вычитать такие фразы: «Для Франции и Северной Италии нами картографировано более 70 аланских этнопонимов (из списка в 90 названий) – поражающее большое количество, если, например, учесть, что для Северной Осетии на Кавказе, где алано-осы живут до сегодняшнего дня, есть только один топоним, содержащий в качестве основы

этнонима «алан» (сохранившийся в названии урочища Аланбоз...)»... Кроме того, тут же поучают, что «Лондон» по-осетински обозначает пристань. «Знаете, что такое «Лондон» по-осетински? Так вот, «Лондон» по-осетински означает «пристань». Вообще, говорится, что множество британских географических названий объясняется через осетинский язык и эти перлы (через осетинский объясненные британские топонимы) выбраны из одного номера «Московского комсомольца» от 1981 года. Здесь же говорится о том, что бритты говорили по-алански. Такие наблюдения имеются и у В.Абаева. Например, название одной из испанских провинции «Каталония» объясняется как «гот-алания». Имя города Ясы на реке Прут, естественно, непременно связана с иас (яс)-аланами и ряд подобных. А если верить журналу «Дарьял» от 1970 года, то в течение своей многовековой истории этот воинственный народ (алан-осы), принимая активное участие в великом переселении народов с востока на запад и с запада на восток, оставил свой след в виде этнотопонимов не только в Азии и Европе, но и в Северной Африке. Это подтверждается наименованиями городов и исторических мест.

Особое место отводится главе, названной «Осетино-грузинские взаимоотношения». Здесь перепечатаны пространные выписки из книги Г.Тогошвили. Из одной газеты от 1902 года приводится цитата, что Ксанские и Арагвские эриставы берут начало от двух осетинских князей Ростома и Сидамона. Здесь же говорится о том, что грузины без осетин не вели ни одну войну. Об исторической справедливости этих слов мы ничего не скажем. Но отметим то, что авторы хотят подчеркнуть слабость грузин, их неумение самостоятельно вести войну.

«Из истории Северной Осетии»: «Для многих грузинских политических деятелей, выступавших против иранского и турецкого господства, Осетия становилась местом убежища. Так, в Зарамаге у видного общественного деятеля Осетии XVIII в. Зураба Елиханова жил грузинский царевич Георгий, здесь он был и похоронен» (Осетия... 1994: 98.). Конкретно же скажем, что «осетинское село Зарамага» было совсем не осетинским; это было ущелье и село в Двалети. Двалети же было населено одним из грузинских племен – двалами. До 1858 года это была неотъемлемая часть Грузии.

Большое место в книге отводится князьям Церетели. Из «Российской родословной книги» (т. III, СПб, 1856 г.) перепечатано,

что «Фамилия эта осетинского происхождения, предки ее были в Осетии владельцами округа Цадары» (*Осетия... 1994: 99*). Эта легенда не имеет ничего общего с действительностью. Церетели относится к тому типу грузинских фамилий, которые содержат указание на местность, откуда она происходила. Фамилия образована при помощи суффикса -el- и образована от топонима *Seretî* - это село в Атенском ущелье, Шида Картли. Отсюда, а не от осетинского Цадары ведет свое происхождение фамилия князей Церетели.

Составители книги не забыли и о последнем Ос-Багатаре. Известно, что Ос-Багатаров у осетин было несколько. Последний Ос-Багатар жил в XIII-XIV веках и его историю сохранил грузинский Жамтаагмцерели (Летописец). Из газ. «Социалистическая Осетия» (1991г.) перепечатана статья В. Кузнецова, в которой читаем: «Военная политика Ос-Багатара на рубеже веков расширила занятую осетинами территорию и упрочила их положение в Картли...». На самом же деле, как видно из сочинения Жамтаагмцерели, Ос-Багатар возглавлял осетинский отряд монгольской полиции. Часть изгнанных монголами из северокавказских степей осетин оказалась в Грузии, они вступили на службу к завоевателям – монголам и пытались именно этим путем завоевать (а не закрепить) в Грузии место проживания. Они сумели надолго занять Гори. Население Картли прямо было замучено осетинскими полицейскими отрядами - монгольскими наймистами и лишь по прошествии определенного времени (30 лет) Георгий Блистательный сумел победить и загнать в горные ущелья Северного Кавказа этих разорителей Грузии. Так, что Ос-Багатар не расширял и укреплял территорию и влияние в Шида Картли в XIII-XIV вв., а наоборот: осетины пытались завоевать (с чужой помощью) наши заселенные территории, чего добиться им не удалось. Сегодня история повторяется. Сегодня осетины с помощью русских пытаются завоевать исконные грузинские земли. Так же несправедливо присваивают они ингушские земли.

Тема Ос-Багатара в книге этим не исчерпывается. В перепечатанном из газ. «Терские ведомости» от 1891г. блестящем образце лжеистории читаем: «В начале XIII века в Алагирском ущелье родился Ос-Багатар...Видя своих соотечественников в сильном угнетении: южных – от феодалов грузинских, а северных – от татарского хана Тимура, Ос-Багатар задумал освободить своих соотечественников от тяжкого иноплеменного ига и соединить

северных и южных осетин в одно государство» (*Осетия... 1994: 102*). Эти слова не имеют ничего общего с действительностью. Это наглядный образец фальсификации истории. Ни один исторический источник, ни один документ XIII-XIV вв. не подтверждает миграцию и расселение осетин в Грузии. Между прочим, именно в это время они начинают заселять горные ущелья Северного Кавказа. Кроме того, оказывается, жили под игом чужого государства – Грузии. Вместе с тем, в приведенной цитате имеется одно несоответствие. Удивительно, как мог воевать родившийся в начале XIII в. Ос-Багатар с монгольским ханом Тимуром (Тимур-ленг), который жил во II пол. XIV и в начале XV вв.

Мы отметили выше и здесь хотим повторить, что в книге содержатся взаимоисключающие «соображения». Так обстоит дело и в случае Ос-Багатара, что ясно говорит о том, что эта «история» осетин не основана на исторических источниках и она пишется и писалась на основе легенд и фантазий. Можно было использовать грузинские источники, но осетинские авторы сознательно избегают их, ибо не хотят знать настоящую историю, так как тогда их желание присвоить чужую землю будет лишено основания. А истинная история состоит в том, что в Грузии и то лишь в горных ущельях осетины стали селиться только с середины XVII века.

Осетинские авторы – настоящие сказочники. Приведем еще одну сказку из названий книги. Оказывается, макротопоним «Шида Картли» неологизм грузинских историков и что в т. н., по их словам, «Шида Картли» еще в IV в. до н. э. жили сарматы (т.е. предки осетин) и, чтобы восстановить историческую справедливость, грузинам следует назвать Шида Картли Сарматией. Такими сказками, выдуманными историями полна вся книга. В качестве еще одного примера приведем следующее: по словам историка И.Гаглойти, граница между Картли и Осетией проходила около Мцхета и оказывается топоним «Мцхет» объясняется с помощью осетинского слова «сихачта» (сосед). Каждый из этих нонсенов невозможно прокомментировать на научном уровне. Скажем лишь, что скоро осетины и «Самцхе» свяжут с осетинским языком.

И еще новая сказка. В книге имеется глава «Сослан-Давыд» и поэма «Витязь в тигровой шкуре». Наблюдательный читатель удивится, какая связь между Сослан – Давидом и «Витязем в тигровой шкуре». Здесь напечатаны два письма. Одно из них - воспоминание писателя С. Шаншиашвили, который, якобы, с

П.Яшвили, Т.Табидзе, К.Есениным и другими говорил о «Витязе» и «доказывал», что автором поэмы является Давид – Сослан, что поэма автобиографическая и Шота Руставели – псевдоним Давида - Сослана. Спор прекратил Т.Табидзе, сказав, что решать это – дело ученых.

Но столько ненависти, зависти, злобы, сколько вылилось в статье В.Алазонова (*журн. «Дарья», №1, 1991г.*), трудно еще где-нибудь обнаружить. Эта статья, яркий образец провинциального фашизма перепечатана целиком. Вот ее содержание в подробностях: Давид-Сослан, унаследовав от своих предков стремление и склонность к занятиям, попав в соседнюю Грузию, развил культурные традиции своей страны – чрезвычайно инертных грузин послал за границу научиться уму-разуму. В подтверждение автор приводит цитату из газеты «Кавказ» (№85, 1852 г.), принадлежащую М.Броссе: «По свидетельству армянского историка XII века Вардана Великого царь послал в Грецию 40 юношей для изучения наук и изящных искусств». (В то время, как М. Броссе здесь имеет ввиду Давида Строителя, автор утверждает следующее: «Унаследовав от своих предков - алан тяготение к знаниям... Давид-Сослан, попав волею судьбы в соседнюю Грузию, продолжал развивать в ней культурные традиции собственной страны – посылал довольно инертных грузин учиться за границу уму – разуму». И далее: «В XII веке, – напоминает француз М.Броссе, – по свидетельству армянского историка Вардана Великого, царь Давид послал сорок молодых грузин в Грецию для изучения там наук и изящной словесности («Кавказ», №38, 1852)».

Алазонов продолжает и стремится создать такое впечатление, будто «Витязь в тигровой шкуре», этот шедевр художественного слова, – создание Давида-Сослана, осетина по национальности: «Таким образом, и французский ученый нисколько не сомневается в осетинском происхождении Давида, перу которого принадлежит и героическая поэма «Витязь в тигровой шкуре» – произведение автобиографического характера» (Осетия... 1994: 104).

Алазонов говорит, что того же мнения придерживались украинцы Навроцкий и Гулак. Гулак, который в Тбилиси и Кутаиси преподавал латынь и греческий и владел методикой сравнительного языкознания, нашел в поэме ряд элементов иранского происхождения и ряд сознательно пропущенных переписчиками мест. Автор статьи делает новый вывод: видимо, пропускались

нежелательные для грузин места, где речь шла о родине автора, национальных обычаях, о поклонении языческим божествам и др. Продолжим оскорбительную цитату: «Тем более не проявляли грузины ни малейшего интереса к культуре Ирана, владычествовавшего над ними, чего нельзя сказать об осетинах, которые в своем эстетическом развитии очень близки к своим языковым родственникам. И если осетины запечатлели свои, аналогичные с иранскими, литературные вкусы в «Витязе...», то грузины о своих культурных контактах с Ираном не упоминают даже в лженаучной «Картлис Цховреба»...

И далее: «Логично возникает вопрос: зачем понадобилось ученым мира разоблачать грузинскую фальшивку? Пусть бы грузины радовались себе на здоровье. Но дело здесь не во вмешательстве во внутреннюю жизнь Грузии, а в кривотолках «Картлис Цховреба», искажающих историю соседних народов и в анахронизмах, сбивающих с толку многих исследователей. Тем более печально, что берутся они на вооружение современными грузинскими националистами, аппетиты которых направлены на исконно осетинские земли и сокровища культуры. Поэтому приходится напоминать агрессивным соседям миролюбивого осетинского народа, что под тигровой шкурой бьется пламенное сердце витязя – алана, озарившее своим светом когда-то мрачную Иберию» (*Осетия... 1994: 104-105*).

Эти измышления не заслуживают, чтобы их комментировали. Но для неискушенного читателя все же скажем, что Давид-Сослан никогда не был царем Грузии, он был лишь мужем Царицы Тамар. Из грузинских исторических источников мы знаем, что он являлся представителем обосновавшейся в Осетии ветви Багратионов, восходящей к Георгию I и сына дочери аланского племени царицы Алдэ – Деметре. По сведению Вахушти Багратиони, у Деметре остался сын, бежавший вместе с бабушкой Алдэ в Осетию, где женился на дочери тамошнего царя и стал именоваться царем осетин. Давид-Сослан – его потомок. Давида-Сослана считал Багратионом и «Летописец времен Лаши Георгия». По мнению некоторых исследователей, Давид-Сослан принадлежал к осетинскому роду Царазонов, но это не подтверждается историческими источниками (*Н.Шошиашвили, ГСЭ, т.3*). Что касается сведения армянского историка Вардана Великого, то с полной ответственностью можно сказать, что он говорит о Давиде Строителе, а не

Давиде-Сослане. Каждый осетин может заглянуть в книгу «Всеобщая история Вардана Великого», перевел Н.Эмин, М., 1861г., с.147 и убедиться, что его соотечественник Алазонов лжец и фальсификатор истории. Вардан Великий в своей Истории особо подчеркивает, что у царя Давида Строителя, пославшего 40 юношей в Грецию на учение, был отец Георгий II и сын Деметре, т.е. Деметре I, воцарившийся в 1125 году, после смерти Давида Строителя, и Георгий II, который сидел на троне до 1089 года, до воцарения его сына Давида Строителя.

Что касается объявления Давида-Сослана автором «Витязя», то эти рассуждения не убедят ни одного нормального человека. Интересно, как осетинский автор на чужом языке создал такой шедевр мировой культуры? Тогда они непременно должны допустить, что со стороны матери Давид-Сослан был грузин (Багратиони) и его родным языком был грузинский. Осетины такие мифы создают с единственной целью – одурачить рядовых осетин, посеять среди них психоз, чтобы потом с большей яростью бороться для захвата чужих (в данном случае грузинских) земель.

Сколько ненависти и оскорблений падает на долю грузин со стороны составителей книги. Оказывается, грузины были инертными, Иберия – темная страна; наши предки сочиняли лжеисторию и нисколько не интересовались культурой соседних стран, в том числе, и иранской культурой. Можно ли инертным назвать народ, внесший значительный вклад в развитие мировой культуры и создавший самобытную народную культуру? Неужели не ведают осетинские авторы, что из 14 алфавитов мира один грузинский, первые образцы которого известны нам с IV в.? Не знают, что христианская религия официально была принята грузинским народом в начале IV в. Неужели ни о чем не говорит тот факт, что «Витязь» появился не на пустом месте и первое грузинское художественное произведение, дошедшее до нас, создано в V в.. Руставели опирался на богатую художественную литературу, создаваемую до «Витязя» в течение семи веков. Грузины же одновременно с принятием христианства перевели Библию и создали оригинальную церковную архитектуру. И дело образования было им не чуждо: действовали Икалтойская и Гелатская Академии. Еще раньше, в начале I в. в этой стране существовала Фазисская академия. И такой народ можно окрестить темным и инертным? Грузины не нуждаются в присвоении чужого, они никогда не

проявляют к другим народам, к их культурам, ни зависти, ни презрения, как это порою свойственно осетинам. Памятники грузинской архитектуры на территории т. н. Южной Осетии они объявляют негрузинскими. Но что делать с грузинскими надписями и грузинскими фресками и орнаментом? Нонсенс утверждать, что грузины не интересовались культурой соседних народов, в то время, как они всячески осваивали культуру единоверных греков и даже почти всегда враждебно настроенных иранцев, хотя слепо ничего не перенимали, а развивали творчески. Как можно назвать лженаучными грузинские исторические сочинения, имеющие в качестве общей концептуальной основы Библию. Христианские авторы ведь никогда не лгали. Жаль, что к «Картлис Цховреба» осетинские авторы относятся с таким пренебрежением: это единственный исторический источник для истории осетин. Но осетины «Картлис цховреба» потому называют лженаучной, что она сводит на нет сочиненную ими лжеисторию. Вот это и есть правда.

Не будем говорить о том, что якобы в древние времена в большом количестве проживающие в Кавказских горах осетины были первыми обитателями этого края, что их было свыше двух миллионов, из известных семи языков кавказских племен осетинский язык был на первом месте; они были сильнее и многочисленнее потомков Картлоса и Хаоса; если бы не осетины, грузинские цари никогда бы не добились успехов; грузинский алфавит, оказывается, был в то время осетинским, он использовался ими 2200 лет назад и многое другое.

Осетинские авторы подчеркивают, что дружбу с Россией и русскими сохранили лишь они и причину видят в том, что сарматы и аланы внесли значительный вклад в этногенез славян. Вот одна цитата из рецензируемой книги: «Минули те времена, когда у нас под музыку Вано Мурадели распевали хором, прославляя «вечную дружбу». «С народом русским идут грузины, и украинцы и осетинцы». «Грузины, украинцы, равно как и многие прочие, сегодня уже не с нами, а против нас. И только осетины еще продолжают идти с русским народом» (*Осетия... 1994: 123*. перепечат. Из газ. «Русский вестник» №22, 1992).

Объектом нападок в книге является и соседний с осетинами ингушский народ, чьи земли осетины с помощью русских захватили во время второй мировой войны. Для осетин грузины, не уступающие осетинским экстремистам землю предков, являются

неофашистами, а ингуши – националистами. По отношению к ингушам они тоже создают лжеисторию. Только как сказку можно читать «утверждения» осетинских авторов, что ингуши пришли на эти земли позже осетин, которые время своего пришествия в Кавказские горы и предгорья приписывают местному населению. «Монгольский погром окончательно подорвал алан на Северном Кавказе. Опустевшие земли на западе, на равнине, были заняты кабардинцами, а на востоке – вайнахами, которые освоили нижние предгорья, притеречную равнину и долину р. Армхи». Здесь отметим лишь, что правый берег р.Терека был полностью населен ингушами и в начале XX в. и в глубине веков. Грузинские исторические источники их зовут «галгайцами». Известно, что жившие по левому побережью Терека осетины платили земельный налог ингушам даже к 20-м годам XX в.

Отдельная глава посвящается в книге Владикавказу. Это понятно, что Владикавказ – большое место осетин, ибо построен на чужой, ингушской, исторической земле. Авторы дурачат читателя и пишут, что Владикавказ был построен в 1784 году на месте осетинского аула Кафкай, потому осетины называют этот город «Владикавказ». На самом же деле Владикавказ построен на месте ингушского села Заурег (Заурово, Заурюрт). В этом ингушском ауле жили и осетины, беженцы из осетинских ущелий. Выдумка, будто раньше Владикавказ назывался «Кафкай». Правда в том, что русские называли Заурег Владикавказом, а осетины сокращали это слово и называли город «Кафкай». Грузины-горцы так же сокращали это слово и называли город Кавкави.

Если судить по рецензируемой книге, то и грузины должны испытывать глубокую благодарность к осетинскому языку за то благотворное влияние, которое он оказал на грузинский язык. Поток осетинских слов в грузинском языке якобы был настолько велик, что это обусловило постепенное его обособление от остальных кавказских языков и сближение с осетинским. Автор этих слов – В. Кузнецов. Он, который перечисляет слова, якобы вошедшие из осетинского в грузинский: cavi, bevgi, kudi, ludi, orno, xidi. Оказывается, и женское имя Тамар грузины позаимствовали у осетин.

Особое место в книге отводится И.Яглузидзе как просветителю. Примечательно, что он первый разработал осетинский алфавит

в 1802 г., но от читателя скрывают, что разработанный И. Яглузидзе алфавит опирался на грузинский.

Название одной из глав – «Источники о прошлой истории конфликтующих сторон». И как многие главы, она тоже начинается со статьи Кузнецова, по которой «В III тыс. до н.э. на территории Северной и Южной Осетии существовала одна культура, а ее творцы и носители составляли одну древнюю народность». В.Кузнецов – явно весьма активный автор осетинской русскоязычной прессы. В одном из номеров газ. «Социалистическая Осетия» за 1991 год он «утверждал», что осетины в Лиахвском ущелье проживали уже с VII века, подкрепляя свое мнение С.Еремянновским новым прочтением «Армянской географии». Как до сих пор, так и в этой книге между осетинскими и их друзьями – русскими авторами не согласовано время переселения осетин в Грузию, упорно именуемой ими Закавказьем. Выше мы видели, что предки осетин якобы издревле жили в Грузии, археологическая культура, обнаруженная на территории т.н. Южной Осетии (I тысячелетие до н.э.), оказывается творчеством предков осетин. Чуть выше мы видели, что Кузнецов такой датой считает VII в.н.э. В статье Ясенко, помещенной в той же книге и перепечатанной из газ. «Северная Осетия» за 1993г., читаем, что сарматы занимали склоны Кавказа в IV в.до н.э. Этот автор утверждает, что страну сарматов, вопреки исторической традиции, грузинские историки упорно именуют политическим неологизмом «Шида Картли». Согласно Ясенко, «Шида Картли» – недавно возникшее в грузинском языке словосочетание и, если мы назовем эту территорию Сарматией, то восстановим историческую справедливость. Как видим, читатель, мифотворчество не имеет границ.

Г.Цхинвали для осетин - большое место. Они прекрасно знают, что в Цхинвали, объявленном советской властью центром т.н. Южной Осетии, в то время не проживало ни одного осетина. Кроме статистических данных, есть и живые свидетели. В книге приводится статья некоего А.Алазниспирели, напечатанная в газ. «Цнобис пурцели» от 1897 г.: «Местечко Цхинвали является городом евреев и осетин, а грузины и армяне составляют одну четвертую часть общего населени». К счастью, начиная с Вахушти Бвгратиони, у нас имеются точные данные о Цхинвали. Вахушти писал: «Здесь к северу от Никози, на берегу Диди Лиахви, имеется малый город Цхинвали, с хорошим климатом, где живут грузины, армяне и евреи» (*КЦ 1973: 370*). В Цхинвали нет осетин ни в одной книге

переписи населения. Например, по семейным спискам 1886 года (описана каждая семья в полном составе с указанием фамилии, отчества и имени) в этом городе не жил ни один осетин (*Топчишвили «Советская этнография» № 6, 1989 г. с.113*). Не было осетин в Цхинвали и в первом двадцатилетии XX в. По «Кавказскому календарю» 1910 года его основными жителями были грузины. Что главное, так же, как другие ойконимы «Южной Осетии», Цхинвали – грузинский топоним. Наименование «Цхинвали» (Krchinvali) происходит от названия дерева gchila (груз. krchila) – граб.

Выше мы отметили, что составители книги имеют тенденцию объявлять осетинами представителей других национальностей. Так присваивают они античного философа Анахариса и историка VI в. Иордана. Речь шла и о Церетели, которого осетины выдают за осетина по происхождению. Так же внесли в список осетин Сталина по его фамилии Джугашвили и многих известных деятелей или спортсменов другой национальности. Сталина (Джугашвили) считают осетином, и этим хотят прославить Осетию, хотя и нет ни одного исторического источника, ни одного документа, поддерживающего это желание осетинских авторов. Это обыкновенный нонсенс. Даже если допустить осетинское происхождение Джугашвили, это не станет доказательством принадлежности Сталина к осетинской нации. Как известно в мировой этноисторической науке, национальность определяется не происхождением, а самосознанием. Если же применить постулируемый осетинами принцип, то признанный «великим и гениальным» поэт Коста Хетагуров или дважды олимпийский чемпион Сослан Андиев не окажутся осетинами. Известно, что Хетагуровы – по происхождению кабардинцы, переселившиеся на рубеже XVI-XVII вв. в Двалети. А предки Андиева мигрировали в Осетию из Ингушетии; что же касается фамилии Джугашвили, то она из села Матани (Кахети), где и сегодня проживает до ста семей, носящих эту фамилию. Со своей стороны, и они попали в Кахети из пшавского села Ахади на рубеже XVI - XVII вв. Кроме того, в Грузии, в той же Кахети есть село Джугаани и село Джугиси в Арагвском ущелье. Простым сходством одной фамилии – Джугашвили с другой – Дзукаев в современной науке происхождение фамилий не устанавливается.

Осетины грузин обвиняют в геноциде и даже в «дважды геноциде». Они не знают значения этого слова. Грузин, борющихся и

в 1918 г. и в начале 1990-ых против раздробления исторических территорий Грузии, они называют фашистами. Как же можно считать жертвами геноцида осетин, павших в бою, который вели грузины за сохранение территориальной целостности? Такие жертвы, и большие притом, были и со стороны грузин. Говоря об осетинских беженцах, ни словом не упоминают грузинских беженцев, изгнанных с мест исконного проживания осетинскими сепаратистами. Мы, со своей стороны, можем с уверенностью сказать, что жертвы с обеих сторон – следствие осетинского сепаратизма, пожелавшего отторгнуть исконные грузинские территории и создать осетинское государство. Нельзя умолчать и о том, что в раздувании конфликта осетинским сепаратистам помогли и российские имперские силы (официальные и неофициальные), которые поощряли и наставляли их. Жаль, что грузины вовремя не догадались: русские с помощью осетин плетут нам сеть вот уже почти век.

В книге «Осетия и осетины» столько лжи, что полное ее разоблачение составило бы толстую книгу. Вообще книга хороший образец провинциального, в данном случае, осетинского фашизма. Его уже век умышленно создавали осетинские авторы, чтобы одурачить представителей своей нации, простой осетинский народ.

Помимо рассмотренной книги, в Российской Федерации публикуются десятки книг, сотни статей, в которых сознательно фальсифицируются грузино-осетинские взаимоотношения. В публикациях те грузинские цари и князья, которые способствовали переселению осетин в Грузию, объявляются феодалами-агрессорами. Юго-Осетинская область и прилегающие к ней земли были объявлены древней осетинской территорией. Введение осетинского народа в заблуждение является заслугой осетинских историков, которые способствовали возникновению, а затем разжиганию грузино-осетинского конфликта. С этой точки зрения превзошла все ожидания книга Марка Блиева «Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений», изданная в Москве в 2006 году. Марк Блиев предстает великим фальсификатором истории, сказочником и мифотворцем. Между прочим это тот самый автор, опубликовавший в Москве толстый том, посвященный захвату Россией Кавказа (*Россия и горы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004*), в котором утверждается, что местные, коренные жители Кавказа – вайнахи, являются пришельцами, а

осетины – древнейшими уроженцами не только Северного Кавказа, но и Грузии; оказывается, Картлийское (Иберийское) царство ни что иное, как осетино-грузинский племенной союз; как-будто битва Вахтанга Горгасала с родоначальником осетин Ос-Бакатаром состоялась не на северо-кавказской равнине, а на территории т. н. Южной Осетии; оказывается, целью главноначальствующего Павла Цицианова, грузина по происхождению, обрусевшего, проводившего имперскую царистскую политику в Грузии, являлось восстановление «Великой Грузии». М. Блиев не довольствуется фальсификацией источников и вводит в научный исторический оборот новый «источник» – литературный бред (в полном значении этого слова) т.н. классика осетинской литературы, некое Секи Гадиева. Этот автор обвиняет грузин, известных своей этнической и конфессиональной толерантностью и терпимостью, в русофобии и осетинофобии. Цель ясна – противопоставить грузинам не только русских и осетин, но и демократическую общественность всего мира. Чтобы ответить М. Блиеву, придется написать книгу того же объема – в 470 страниц. Это дело будущего. Однако не так легко ответить историку-фальсификатору, поскольку М.Блиев искажает источники; нигде не ссылается на литературу, на архивный фонд. Это ведь не наука. Разумеется, упомянутый историк все это делает умышленно, чтобы преподнести обществу фальсифицированную историю. Что касается грузинского происхождения П.Цицианова, целью которого, оказывается, было восстановление «Великой Грузии», то напомним М.Блиеву слова обрусевшего П.Цицианова, с которыми он обратился к грузинам и которые напечатаны в книге, написанной с ненавистью к грузинам: «Неверные мерзавцы! Вы, наверно, считаете, что я грузин... Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моих посещений, и тогда не дом я ваши сожгу, вас сожгу, из детей, и жен ваших утробу выну...» (Леонтьев, Жуков 2008: 120).

Можно привести целый ряд фактов фальсификации истории. В качестве примера предложим лишь несколько таких фактов. В одной из отпечатанных в Москве книг читаем: «Процесс переселения отдельных осетинских родов с первоначального места проживания на новые места затронул и территорию нынешней Республики Южная Осетия. Весма показательной представляется история села Еред (груз. Ередви), ставшего в 1992-1993 годов одним из опорных пунктов грузинских вооруженных формирований. В 1830-1831 гг. в

данном селе проживали 9 осетинских и 1 грузинской фамилии. Позднее картина меняется, и в 1970-х гг. грузин в этом населенном пункте проживает уже значительно больше, чем осетин...» (*Захаров, Арешев, Семерикова 2010: 118*). Удостовериться в том, что приведенные строки лживы, очень легко. В Центральном государственном историческом архиве Грузии хранятся документы камеральной переписи как 1830-1831 годов, так и 1860 и 1873 годов, а также посемейные списки 1886 года. Согласно этим архивным документам, в селе Эредви проживали одни только грузины. Около 90 дымов грузин были представлены следующими грузинскими фамилиями: *Ломоури, Майсурадзе, Бериашвили, Метревели, Турашвили, Гамбашидзе, Миндиашвили, Христесашивили, Тариэлашвили, Борцвадзе, Цотниашвили, Вахтангишвили, Чиорели, Гвичинашвили* и др. Это были в основном крепостные крестьяне князей Палавандишвили. Там жили также государственные крестьяне. В XIX веке в описях не засвидетельствован ни один этнический осетин. Заинтересованный читатель может ознакомиться в Центральном государственном историческом архиве Грузии с документами соответствующей описи, составленными русскими чиновниками на русском языке (*фонд 254, опись 1, дело №1243, стр. 681-698; №1244, стр. 153-154; опись 2, дело №244, стр. 352-386*). Думается, это вполне доступно не только любому рядовому гражданину Грузии, но и гражданам России, в том числе, авторам книги, первый из которых – В.Захаров несколько лет назад находился в командировке в Тбилиси, в упомянутом архиве. Что касается посемейных списков 1886 года, то содержащиеся в них статистические данные опубликованы. В то время в Эредви проживало 215 дымов (1180 душ) грузин... (Свод... 1893). Читатель может легко удостовериться в далеко зашедшей бессовестности некоторых авторов, враждебно настроенных по отношению к грузинскому народу. Фальсификаторам напомним, что в селе Эредви стоит возведенный в 906 году храм, на котором имеется выполненная в том же году грузинская надпись, в которой упоминается ктитор Тедрэ Таплаисдзе. Или может быть и Таплаисдзе – осетинская фамилия? Что касается документов вышеупомянутой камеральной переписи 1830-1831 годов, то соответствующие подлинники прилагаются к настоящей статье.

То, что авторы упомянутой книги имеют тенденциозное, примитивное и, конечно же, предвзятое представление об истории

Грузии и ареале расселения осетин в Грузии, хорошо видно из приводимой ниже цитаты: «На юге границы Осетии простирались до Горийской равнины и иногда, в различные исторические эпохи, доходили до города Гори» (*Захаров, Арешев, Семерикова 2010: 126*). К цитате не прилагается никакого указания на источник, на литературу. Не прилагается потому, что ничего такого не существует. В Грузии не было никакой Осетии, так как представители этого этноса до середины XVII века здесь не проживали. Очевидно, что их уже не удовлетворяют границы автономного образования советского периода – т.н. Южной Осетии, они претендуют также на равнинную часть Шида Картли. Положим, непрофессиональные авторы не доверяют историческим источникам и документам, но как быть с возведенными грузинами памятниками христианской культуры, на которых выполнены надписи на грузинском языке? Или и грузинские эпиграфические памятники объявят осетинскими? Грабители истории не постыдятся и этого. Куда они денутся от имеющих прозрачную этимологию грузинских топонимов, которые документально зафиксированы и пока не исчезли? Хотя эти авторы уже решили истребить «язык земли» и, наверное, Цхинвали переименуют в Кокойтыград.

Некоторые историки идут настолько далеко, что жителей находящихся выше Цхинвали девяти грузинских сёл, оказавшихся беженцами на собственной родине вследствие российской агрессии, объявляют осетинами по происхождению. Вот, что пишет осетинский автор в выходящей в Цхинвали газете «Республика» (№ 9-10, 2011 г.): «Те сёла (речь идет о сёлах Курта, Ачабети, Кехви, Монастери, Тамарашени, Гуджабаури, Кемерти, Хеити, Свери, Сабацминда... – Р.Т.), о которых вы говорите, в древности никогда не были грузинскими, они огрузинили в 20-е годы, после вторжения национал-шовинистов во главе с Жордания. На этих территориях всегда жили осетины, еврей и лишь в небольшом количестве армяне и грузины. Один мой знакомый по фамилии Басишвили, который проживал здесь до 1989 года, говорил мне, что его предки, несколько поколений которых жили в селе Ачабет, в XIX веке носили фамилию Басита. Его дед вспомнил, что ожидании вторжения меньшевиков в 1920-х годах они, уже не понаслишке зная о кровожадности грузинских националистов, боясь расправы (а здесь жило множества семей), изменили свою фамилию на грузинский вариант. Более того, опасаясь, что бандиты осквернят могилы их предков, они на

кладбище перевернули надгробные плиты своих усопших близких, на которых были указаны фамилии и другие данные на осетинском или русском языках». Что можно сказать об этих бреднях и невежестве? Просто, мы имеем дело с фактом присвоения не только территории Грузии, но и истории, с фактом хищения. Автору приведенных строк (Зарбегу Дзабиты) можно присвоить роль первооткрывателя в теории этнической истории народов – для любого автора, знакомого с теорией этноса, изменение этнического сознания под влиянием одного ружейного залпа станет открытием. Причем, осетины, по-видимому, вовсе не имели этнического сознания, если из страха, напуганные, превратились в грузин. В действительности же, в населенных деревнях, также как и в современной т.н. Южной Осетии всегда жили грузины. Историко-фальсификатору мы можем привести уйму подтверждающих это фактов. Он считает, что население Ачабети и Курта, Кехви и Тамарашени, Хеити и Кемерти в советский период, в 20-е годы XX века обосетинилось, но любой заинтересованный читатель может ознакомиться с хранящимися в вышеупомянутом фонде №254 Центрального государственного исторического архива Грузии документами камеральной переписи населения и посемейными списками, составленными Российской империей. На указанных страницах описей 1830-1831 годов и 1860 года (*фонд 254, опись 1, дело №1243, стр. 735-840*) представлено население не только упомянутых выше грузинских сёл Лиахвского ущелья, но и других сёл т.н. Южной Осетии, в которых также проживали грузины и куда в тот период происходила интенсивная миграция из горных селений Шида Картли. Ниже мы перечислим фамилии только крупных грузинских родов из упомянутых сёл Диди Лиахви, которые фигурируют в документах описи и, по словам осетинских авторов, огрузинились вследствие одного ружейного залпа: *Ромелашвили, Хаделашвили, Пехшвелашвили, Мамисаивили, Гочашвили, Шеразацишвили, Гамреклашвили, Човелидзе, Метревели, Гогидзе, Майсурадзе, Касрадзе, Отинашвили, Геркенашвили, Хетерели, Даташвили, Чулухидзе, Хачапуридзе, Бабуцидзе, Хабарели, Отиашвили, Миндиашвили, Багаладзе, Небиеридзе, Меланашвили, Блядзе, Басишвили...* Что касается последней фамилии, Басишвили, которая, оказывается, до 1920-х годов писалась как Басита, то в описи села Курта зафиксировано восемь дымов Басишвили (фонд 254, опись 2, дело №244, стр. 724-735). Ко всем жителям этих сёл и,

конкретно, к Башишвили приписано: «Все грузины». Грузинская фамилия Башишвили в селе Курта упоминается и в книге присяг 1773 года. Кроме Георгия Башишвили в данном документе названы также другие грузины – его соседи: Шошиа Сакварелидзе, Гогиа Хабарели, Хосиа Бабуцидзе, Хвтисиа Хекашвили и др. (*ЦГИАГ, фонд 1450, оп.45, док. №164*). Более того: эта грузинская фамилия и раньше не раз упоминалась в исторических документах, например: Сухита и Гиуна Башишвили фигурируют как свидетели в жалованной грамоте, выданной в 1690 году роду Мачабели; представители рода Башишвили названы свидетелями в договорной грамоте, выданной неким Надира Метревели Малхазу Мачабели (*Аннотированный словарь лиц, I, Тб., 1991, стр. 474*).

Оказывается, огрузинившиеся осетины, стремясь стереть свои осетинские корни, переворачивали могильные камни, чтобы не были видны осетинские и русские надписи. Фантазия имеет широкий диапазон, но и здесь можно разоблачить фальсификаторов и грабителей истории, если, конечно, осетины за последние два года не использовали могильные камни грузин в качестве строительного материала. Эпитафии на могильных камнях делались с трех сторон, и разве на остальных двух сторонах перевернутого камня не были бы видны русские и осетинские надписи? Могильные камни ущелий обеих Лиахви хорошо изучены Иосифом Мегрелидзе, и со всей категоричностью можно утверждать, что все они были выполнены на грузинском языке не только в упомянутых выше сёлах, но и в горных осетинских. Разве были у осетин мастера могильных камней, и разве существовала осетинская письменность? И какой мастер-каменщик в XVIII, или даже в XIX веке знал русский язык?

По 3.Дзабиты, в вышеупомянутых грузинских сёлах, где всегда говорили на чистом грузинском языке, вместе с осетинами, оказывается, жили евреи, и лишь в небольшом количестве – армяне и грузины. Мы уже отмечали, что осетины никогда здесь не жили, а что касается остальных этнических единиц – евреев и армян, то они проживали вместе с грузинами только в городе Цхинвали и, в незначительном количестве – в примыкающем к Цхинвали селе Тамарашени. Они тоже были крепостными князей Мачабели. В 1830-1831 годы в Тамарашени жили только 13 дымов грузинских евреев: *Иосебашвили, Дедиашвили, Биниашвили, Хухашвили*. Тогда в этом селе проживало и четыре осетинских семьи, которые, как указано в документе, в 1820-е годы мигрировали из сёл Джавского

ущелья (Мугути и Крожа) (ЦГИАГ, фонд 254, оп.1, дело № 1243, стр. 786-799).

Что касается Цхинвали, то здесь единичные осетинские жители появились лишь в 10-е годы XX столетия. Согласно данным всех известных нам переписей того столетия (1818, 1830, 1860, 1873 и 1886), в Цхинвали не проживал ни один этнический осетин. Только в описании 1830 года в Цхинвали зафиксирована единственная семья этнических осетин (пять душ), пришедшая сюда с гор в 1828 году и очень скоро же покинувшая город (ЦГИАГ, фонд 254, опись 1, дело № 1244, с. 170-191; см. здесь же: 254 – 1 – 1243; 254 – 1 – 541; 254 – 1 – 252). Говоря об этническом составе Цхинвали, в научной литературе часто указывают посемейные списки 1886 года, статистические данные которых официально опубликованы российскими властями (Свод... 1893). В означенный период в Цхинвали действительно не проживал ни один осетин (Заинтересованный читатель может посмотреть: ЦГИАГ, фонд 254, опись 3, дело № 1717). Как и в средние века, город был населен грузинами, грузиноязычными армянами и грузинскими евреями. По сведениям автора первой трети XIX века, естествоиспытателя Э. Эйхвальда, путешествовавшего по Кавказу, «осетины жили за Цхинвали, в горах. Раньше они беспрестанно грабили город и убивали его жителей. Теперь же осетины просят грузин, жителей Цхинвали, крестить их детей». Только в 1922 году впервые в Цхинвали было зафиксировано осетинское население – 613 человек, а в 1926 году их было уже 1 152 человека (население города тогда полностью составляло 5 352 человека). Прирост населения, естественно, был механическим. Осетинское население в Цхинвали превысило грузинское только в последние годы советской власти, когда здешние грузинские евреи массово эмигрировали в Израиль и на их месте (в их домах) поселились осетины, спустившиеся из Джавского района.

С научной точки зрения нонсенсами пестрит интервью упомянутого автора, З.Дзабиты. Возможно на него, ввиду его примитивности, вовсе и не стоило обращать внимание, но ведь целью этого автора и подобных ему «ученых» является внушение молодежи ненависти к грузинскому народу. Под конец предоставим читателю еще один «шедевр» из данной публикации: «В народе издревле говорят, что территория Алании-Осетии распространялась минимум до Мцхета. Издревле данный духовный комплекс грузины

называли Осетицховели, в последние годы официальное название приобрело новую интерпретацию «Светицховели». Находящийся на горе аланский монастырь, который Тбилиси называет не иначе как символ средневековой Грузии, носит название Джвари. Тут перевод, думается, излишен. Тем более, что слово «дзуар»-«крест», перешло в грузинский язык из осетинского». Интересно, какие еще научные сюрпризы предложат нам в будущем осетинские авторы? Тот, кто это написал, судя по всему, никогда не видел ни монастыря Джвари, ни Светицховели. Нанесенные на них грузинские надписи в будущем, наверное, представят как памятники осетинской письменности. А учитывая заявление о заимствовании грузинским языком осетинского слова *дзуар* в виде *джвар-и* «крест», можно предположить, что в ближайшем будущем нам скажут: в Грузии христианство распространяли осетины. Чтобы немного серьезнее подойти к вопросу, приведем следующую цитату: «Всякое святилище, как и божество, называется у осетин дзуаром, от грузинского «джвари» (крест); почти под таким же названием святилища известны у некоторых северокавказских народов, например у адыгов – «джор» (*Калоев 1971: 241*). «Чаще всего из культовых терминов в топонимии Осетии встречаются названия, имеющие в своем составе дзуар, восходящей к груз. джвари, означающий «церковь», «святой», «священный», «святилище» (*Цагаева 1971: 128*). Неужели современные сказочники уже не считаются и с соображениями признанных осетинских авторов?

Не удивительно, что претендуя на уникальные памятники грузинского зодчества, находящиеся довольно далеко от т.н. Южной Осетии, осетины считают своими все грузинские памятники культуры, расположенные в нагорной Шида Картли. Несмотря на многочисленные бесспорные аргументы, уже давно указанные памятники грузинской культуры объявляются ^{памятниками} осетинской культуры, что служит целенаправленной ^{фальсификации} истории этого края и истории Грузии в целом. Например, в передаче «Особое мнение» радиостанции «Эхо Москвы» (11 августа 2008 года), которую вел Матвей Ганапольский, два его собеседника А. Кибовский и А. Рахаев без стеснения объявили памятники грузинской христианской культуры, расположенные на территории «Южной Осетии», осетинскими. Более того, по словам А. Кибовского, «грузинские варвары», якобы, стерли с лица земли не только эти памятники, но и целый ряд осетинских деревень.

Возмутительно! Ведь дело обстоит с точностью до наоборот! Многовековые селения Лиахвского ущелья, в которых проживает исконно грузинское население, к сожалению, полностью разрушены и уничтожены в результате российской агрессии. Участники этого телевизионного «шоу» размахивали фотографией якобы взорванного грузинами христианского храма. Наверное, даже не следует комментировать слова А. Кибовского (приводим их дословно. – Р. Т.): «...раннехристианский храм... 9-10 века... просто специализированно был уничтожен с тем, чтобы там просто изничтожить православную общину, которая там была. Вообще, для справки скажу, что на территории Южной Осетии находится 600 памятников истории и культуры... Ведь эти же осетинские памятники». А. Кибовскому, по-видимому, стало как-то неловко называть памятники грузинской христианской культуры осетинскими, поэтому он говорит: « ... в чем трагизм ситуации, ценность памятника, например, этого храма, который помнит византийцев, который помнит многие поколения, это намоленные стены, как говорят служители церкви. Это намоленные, они исчезли». Исчезнувшему византийскому этносу нет нужды объявлять памятник чужой, в данном случае грузинской, культуры своим. Храмы Шида Картли являются молитвенным местом только грузинских верующих, и те многие поколения, которых помнят стены этих храмов, - это поколения грузин. Еще более категоричен А. Кибовский в отношении крепостей и башен: «Но еще 52 населенных пункта Южной Осетии располагают памятниками различного достоинства, различной ценности, но это тоже памятники истории осетинского народа. Это и сторожевые башни». Вероятно, он не знает, что осетины и на своей исторической родине не умели строить башни - для этого они приглашали ингушей. Поскольку господин Кибовский упоминает «намоленные» места, вряд ли ему удастся «замолить» тот грех, который он берет на душу, когда умышленно фальсифицирует историю и без зазрения совести приписывает достояние многовековой грузинской культуры другому народу.

Двалети и Шида Картли входили в единую церковную организацию – в Никозское епископство. Говоря словами Вахушти Багратиони, «верую они издревле христиане». Расселенные во времена Вахушти в Двалети осетины христианами считались лишь формально: они «не крещены по христианскому обычаю, у них нет

священника, а те, которые поселились в Картли и Рача, обращены в христианскую веру». Повествуя о том же периоде, Вахушти пишет: «Язык у них древний, двалский, но нынче двалы говорят на осетинском, как на собственном», – следовательно, их языковая трансформация под влиянием осетин уже была завершена. В то же время историк-очевидец замечает, что некоторые живущие в Двалети осетины, которые часто переходят в Картли и Рача, говорят и на грузинском. В Двалети, наряду с многочисленными памятниками христианской культуры, было немало характерных для нагорья дохристианских молелен, которые в осетинском языке обозначались грузинским термином «дзуар» («джвари» по-грузински «крест»). (Аналогичным термином – «джвари» – обозначались дохристианские молельни и в других горных историко-этнографических краях Восточной Грузии). Осетины, расселившиеся в Двалети, переняли нравы, обычаи и верования местных горцев. Например, они праздновали «Атинагис Дзуари» («Атенгеноба») – религиозный праздник, распространенный в горных районах Восточной Грузии и очень почитаемый здешними горцами, особенно хевсурами и тушинами.

Попытки исказить историю начались давно, еще с советских времен. Если «старший брат» мог позволить себе интерпретировать историю, то и «младший брат» не отставал от него в создании мифологем. В последний период ведется тотальная фальсификация истории, причем не только посредством монографий и научных трудов, но и средствами массовой информации. Один из типичных примеров этого мы уже привели выше. Но надо сказать, что и в России есть честные, объективные ученые, не боящиеся говорить правду. Одним из них является заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН академик Сергей Арутюнов. В беседе с корреспондентом радиостанции «Эхо Москва» 9 декабря 2008 года он сказал: «Посмотрите сейчас на карту. Ингушетия. Это как кусок хлеба. И вот этот кусок, как будто из него выгрызли полукругло зубами такими. И то же самое Грузия. Массив какой-то. И эта Южная Осетия тоже полукругом, как будто зубами выгрызли. Первое из Грузии выгрызли, это Орджоникидзе сделал в свое время, когда искусственно создал эту Южную Осетию. Она потом стала Осетией. Никакой Осетией она сначала не была. Это просто была Шида Картли, это было Самачабло. Это была Внутренняя Грузия. И то же

самое Терский район, район Ангушта – это исконно ингушские земли, их выхватили во время депортации...» Вот где истина!

Данные об истории осетин, фактически, зафиксированы лишь в грузинских источниках и исторических документах. Еще в советский период осетинские ученые преднамеренно искаженно переводили некоторые исторические документы, изменяя их содержание. Например, из одного документа следует, что в находящемся в ущелье Диди Лиахви селе Земо Джава в середине XVII века осетинское население пока не проживало: «Вымерла Верхняя Джава и не стало там осетин...» (*Документы... 1940: 364*). В документе речь идет о том, что в Земо Джава местное население было уничтожено в результате набегов и разбойничьих нападений осетин. Опустошенную Земо Джава один феодал выкупил у другого. В том же документе говорится об истребленных грузинских родах. Несмотря на это, осетинские ученые перевели его искаженно, представив дело так, будто было уничтожено осетинское население Земо Джава (Искаженный перевод годами переходит из одной книги в другую). На самом деле следовало перевести так: «Вымерла Верхняя Джава и опустошена (буквально: обезлюдена) осетинами... так вымерла, что никаких признаков людской жизни там не было». Согласно этому документу, коренными жителями Земо Джава были: *Дзиганадзе, Эпениашвили, Гурджишвили*. Носители этих фамилий проживали в равнинной Картли в XVIII веке.

Изменено содержание также документа Ираклия Второго от 1782 года. Прежде, чем приведем его полный текст, вначале познакомимся с цитатой русского автора: «Любопытно, что картлийцы, притесняемые турками и персами, сами притесняли соседние народы, в том числе осетин. 1782 г. был издан свод законов, запрещающих бракосочетание между осетинами и грузинами. В нем предписывалось: «если какой-либо христианин выдаст дочь за осетина и сроднится с ним – посчитаем это как вероломство и крепко взыщем» (*Широкорад 2009: 9-10*). Автор цитирует книгу историка-фальсификатора М.Блиева. Последний предвзят неполноценную выдержку из памятника грузинского права следующими словами: «Грузинские тавады, а вместе с ними и царский двор придерживались ксенофобии как идеологической системы. Особенностью ее являлись крайние виды человеконенавистнической психологии, жестокостей, насилия и воинствующей дискриминации «инородцев». В Восточной Грузии, и нигде больше

на Кавказе, общественное сознание вполне воспринимало примитивный расизм как нечто естественное. Грузинский царевич в 1782 году издал свод законов, запрещавших бракосочетание между осетинами и грузинами» (Блиев 2006: 29).

Что же в действительности написано в памятнике грузинского права, который озаглавлен «Постановление о равнинных и горных местах»? Сеющие ненависть между народами авторы сознательно искажают содержание памятника и отрывают его от следующего предложения. Памятник в полном виде звучит так: «Если какой-либо христианин отдаст женщину осетину и породнится с ним, с него мы спросим как с изменника и крупно оштрафуем. А если осетин даст вам женщину в жены, то ее берите; но должны ее окрестить, без крещения нельзя» (ЛПП 1965: 451). Ясно, что в документе речь идет не об этническом осетине, а об осетине-нехристианине. Поселившиеся в горных районах Грузии осетины весьма далеки были от христианства. И Двалети, и Шида Картли целиком входили в Никозский епископат. Говоря словами Вахушти Багратиони, «По вероисповеданию они прежде были христианами». Жившие в Двалети осетины во времена Вахушти лишь «именовались христианами... не имели священника и не были крещенными, кроме тех, которые приняли крещение в Картли и Рача». Царский двор пытался обратить в христианство осетин, вступавших в брак с грузинами. Под *осетинами* в то время грузины подразумевали нехристиан. Когда осетины принимали крещение, они могли свободно заключать брак с христианами, т.е. грузинами. Ведь в памятнике права нигде не упоминаются грузины, поскольку в средние века нигде, в том числе и в Грузии, этническая принадлежность во внимание не принималась; главным для светских и церковных кругов было вероисповедание. А какой грязью обливают М.Блиев и А.Широкорад грузинский народ, какими только отрицательными эпитетами его не награждают! Ведь после прихода России на Кавказ основной целью империи было распространение православия среди осетин. Какая православная церковь согласилась бы обвенчать человека некрещенного? Грузинская, русская, византийская, сербская....? Тот же принцип проводился католической и армянско-григорианской церковью. Между прочим, сохранился указ, изданный Ираклием Вторым в 1775 году, в котором говорится, что горийский Тамаза женился на девушке католического вероисповедания; обвенчал их армянский священник. Следуя закону,

мдиванбег (главный судья) Теймураз оштрафовал горийского Тамаза, но царь проявил милосердие, так как новобрачный был неимущим (*Документы, выданные Ираклием Вторым 2008: 105*). Документ, содержание которого сознательно исказили авторы-грузиноненавистники, примечателен и в другом отношении. Как уже отмечалось, он составлен в 1782 году; именно с этого времени началось переселение осетин с гор в предгорья и равнины, они оказались непосредственными соседями грузин, и два народа стали сочетаться браками друг с другом. А грузинские власти были призваны обратить мигрировавших осетин в христианство. Вообще в XIX-XX веках из негрузинских этнических единиц наиболее часто грузины сочетались браком с осетинами, особенно в зоне контакта. Особенно старались породниться с грузинами жившие в горных районах осетины, крестными для своих детей они выбирали грузин. Им нужны были близкие на равнине, нужно было иметь пристанище и покровителей, когда приезжали торговать или по хозяйственным делам. Если бы грузины и их власти проявляли к осетинам ксенофобское или расистское отношение, то последние не стремились бы селиться в заброшенных сёлах Грузии. А отражающие эту миграцию документы осетинские авторы тщательно скрывают от читателя. Например, по документу, относящемуся к 1634-1658 годам, царь Ростом приказывает своим чиновникам не наносить никакого вреда пришедшим из Осетии и поселившимся выше Джава осетинам, а если кто-либо еще переселится из Осетии, то и их не притеснять (*ЦГИАГ, фонд 1448, док. № 10326*).

Исторически жившие в Грузии негрузины пользовались полной свободой. Они в совершенстве владели грузинским языком и осознавали себя гражданами Грузии. Жан Шарден писал, что в Грузии «встретите армян, греков, евреев, османов, персов, татар, московитов и европейцев. Им предоставлена свобода. Здесь (в Грузии) имеешь право жить по своим обычаям и со своим вероисповеданием, рассуждать о нем и защищать его» (*Путешествие Жана Шардена... 1975: 297-298*). Это же отмечал и другой европеец, Гюldenштедт: «Правительство и духовенство проявляют полную веротерпимость по отношению к религиям армянского, католического, магометанского и еврейского населения, которое вовсе не принадлежит к греческой церкви, и оно не подвергается гонению» (*Путешествие Гюльденштедта... 1962: 209*). Несмотря

на то, что грузины и армяне постоянно противопоставлялись друг другу на религиозной почве, а мусульмане вели захватнические войны против грузин, последние были терпимыми. Грузином создано такое народное стихотворение: «Все мы сыны Адама, татарин тоже наш брат, // между нами и армянами нет преград».

«Исследованием» грузино-осетинских взаимоотношений зачастую занимаются такие авторы, у которых нет элементарного представления об истории Грузии; судя по всему, для них главное – как можно быстрее состряпать книгу, охаивающую грузин. Например, автор приведенной выше цитаты пишет вот что: «11 сентября 1795 г. на Круанисском поле картлийский царь Соломон был разбит Ага-Магометом» (*Широкорад 2009: 12*). В одном этом предложении автор книги, содержащей 350 страниц, допустил несколько ошибок: а) В Грузии не существует Круанисского поля, битва произошла на Крцанисском поле; б) Не существовало Картлийского царства, следует писать *царство Картл-Кахети*; в) Царем этого царства был не Соломон, а Ираклий Второй. Между прочим, поражению грузин способствовала сама Россия, которая развязала руки Ага-Магомет-хану, не выполнив пункты, предусмотренные Георгиевским трактатом 1783 года. Российской империи прямо предписывалось защищать перешедшее под ее покровительство царство Картл-Кахети. А один русский автор винит грузин даже в нашествии Ага-Магомет-хана: «В конце XVIII века будущие грузины попробовали бунтовать, и в 1795 году иранские войска Ага махаммед-хана вторглись в Закавказье, захватив и разграбив Тбилиси» (*Шейн 2009: 7*). В русской литературе читаем и такое: «Манифест о присоединении Грузии был подписан 18 декабря 1800 г., а 28 декабря скончался Георгий XII. Манифест умалчивал о династических правах династии Багратидов» (*Широкорад 2009: 14*). Издание манифеста императором было нарушением Георгиевского трактата. То, что в манифесте ничего не говорится о династических правах Багратионов, это тоже было односторонним нарушением Трактата. Грузины не просили Россию отменить царство. Перешедшие под покровительство единой России, они были обмануты империей и оказались лишенными царства. А раньше Грузинское царство и династию Багратионов даже персы-мусульмане не отменяли.

Историк М.Блиев создал легенду об агрессивности грузинских феодалов, о «персидской модели» грузинского феодализма,

восточном деспотизме, варварской форме феодализма. Цитата из книги М.Блиева: «С этого времени (с XVI в. – Р.Т.) в Восточной Грузии, ставшей персидской провинцией, началось утверждение «персидской модели» феодализма, характерной особенностью которой являлось идеология восточного деспотизма» (*Блиев 2006: 25*). Автор этих строк является тем единственным авторитетом для русских историков и политологов, чьи «соображения» часто повторяют и цитируют. Однако М.Блиев – самый крупный фальсификатор и грабитель истории. Его «суждения», как попугаи, повторяют разные авторы. Ниже приводим выдержки из одной такой книги: «С этого времени (XV в. – Р. Т.) в Восточной Грузии, ставшей персидской провинцией, началось утверждение «персидской модели» феодализма, характерной особенностью которой являлось идеология восточного деспотизма». «В целом они меняли не только социальную систему, но и базисные духовные ценности грузинского общества, основанные на православной религии» (*Кочетков А., Мартинов А., Пискорский М. 2009: 23*). «Первым варварские формы феодальной идеологии проявил Г. Саакадзе. Женатый на осетинке, дочери Нугзара Эристави, Саакадзе, благодаря военной поддержке осетин, возвысился как моурав, разгромил персидские вооруженные отряды, затем обрушился на осетин – своих верных союзников, и установил в Южной Осетии свое феодальное господство» (*Кочетков, Мартинов, Пискорский 2009: 24-25*). «На протяжении двух веков в грузинских княжествах окончательно сложились персидские и турецкие формы феодализма» (*Кочетков, Мартинов, Пискорский 2009: 25*). «Грузинский феодализм, обильно сдобренный идеологией шахского деспотизма, был ориентирован на экспансию и установление режима, приводившего к геноциду. Отдельные села Южной Осетии, расположенные на равнине и соседствовавшие с грузинскими владениями моуравов, нередко становились жертвой подобной экспансии; грузинские хроники XVI, XVII, XVIII веков изобилуют сведениями о походах в южные районы Осетии с целью сбора дани и захвата людей» (*Кочетков, Мартинов, Пискорский 2009: 27*). Повторим, что приведенные выдержки взяты из фальсификаторской книги М.Блиева. А реальные факты говорят о другом. Все это не заслуживает ответа. Остановимся лишь на нескольких положениях:

а) Оказывается, грузинский феодализм с XV века превратился в социальную систему, аналогичную восточному (персидскому и

турецкому) феодализму. Общеизвестно, что в упомянутых странах не было феодальной системы. В основе феодализма лежала в первую очередь личная собственность на землю, чего в Турции и Иране не существовало. Там земля принадлежала государству и, соответственно, султану и шаху. В Грузии ни иранцы, ни сельджуки личную собственность на землю отменить не смогли. Академик Нико Бердзенишвили писал: «Установление иранского владычества в Картли не коснулось природы ее феодальных отношений» (*Бердзенишвили 1973: 258*). Даже в годы господства кызылбашей феодалы Картли в изменившихся политических условиях полностью сохранили свое социально-экономическое положение. Агрессоры знали, что замена грузинских феодальных отношений кызылбашскими вызовет жестокое сопротивление. Поэтому они воздерживались от этого шага. Нигде никто ни в каком источнике или научном труде не сможет вычитать, что в позднее средневековье в грузинских царствах и княжествах изменилась социальная система. Между прочим, в деле спасения грузин наряду с другими факторами важную роль сыграло и сохранение феодальных социальных отношений. Бывшим в их зависимости крепостным крестьянам феодалы не назначали больших налогов. В то же время, осевшие на государственной земле и на земле грузинских феодалов этнические осетины чаще всего не относились к категории крепостных крестьян. Доказательством тому служит, например, противопоставление «крестьянина» и «осетина» в выданном Ираклием Вторым в 1779 году документе. Под «крестьянином» подразумевался грузинский крепостной, который в течение ряда поколений был закреплен за феодалом, был его собственностью, а под «осетином» – пришедший на землю феодала «хизан», пользующийся личной свободой. Поэтому, будучи «хизанами», осетины имели личную свободу и могли свободно перейти на другое место. Их поселяли на земле только с тем условием, что они должны были выплачивать владельцу земли определенный, не слишком большой налог.

б) Фальсификаторы истории считают грузинский феодализм деспотическим, и грузинских феодалов тоже объявляют деспотами и агрессорами. Свидетельствующих об этом фактов якобы немало сохранилось в грузинских хрониках, согласно которым, грузинские феодалы устраивали походы в южные районы Осетии. Ведь деспотизм - это неограниченная власть. В Грузии такой власти никогда не было. Разве можно говорить о деспотизме, когда хизан,

переселенный самими царями и феодалами в свои владенья, не платит феодалу налогов? В Двалети и в горной части Восточной Грузии засвидетельствовано всего три факта неподчинения осетин (неуплаты оброка): в 1626 году, в 1711-ом и в 1740-х годах. Грузинские власти вынуждены были это пресечь. Жившие в Двалети осетины проявили неповиновение и царские власти, разумеется, предприняли соответствующие меры. В 1711 году, при Вахтанге VI, повторилось то же самое - осетины из ущелья Трусо заявили об отказе выполнять феодальные обязательства. Одной из главных причин похода Ираклия Второго в ущелье Трусо были также регулярные набеги осетин на предгорные и равнинные сёла, грабеж имущества и взятие людей в плен (*Документы, выданные Ираклием Вторым 2008: 64, 98, 133, 178, 189, 206, 213, 215*). Приказом от 6 июня 1774 года царь Ираклий обращается к жившим в Трусо осетинам по поводу возвращения похищенных из Картли людей и отобранного скота: «Ваши злодеяния в Картли весьма умножились, все жалуются на вас, теперь посылаем Амилахори и еще других князей. Им и заложников отдайте, и скот верните, и от нашего гнева тогда не пострадаете. А кто из вас нам неверен и не подчинится этому приказу, так жестоко с тем поступим, как ни с кем не случалось» (*Документы, выданные Ираклием Вторым 2008: 98 – ЦГИАГ, ф.1448, док.№ 1379*). Разве должны были сидеть сложа руки грузинские властители, когда приглашенные ими и поселенные на землях их страны осетины объявляли о неповиновении? И это – деспотизм, восточный феодализм и агрессия? Еще один факт: агрессия деспотичных грузинских феодалов по отношению к осетинам, оказывается, проявлялась в южных районах Осетии – на равнине. Но откуда взялись осетины в XVII-XVIII веках южнее территории, которая в советский период именовалась Южной Осетией? Что поделаешь, хотят уверить читателя, что в тогдашних источниках упоминается термин «Южная Осетия», и что в то время осетины жили и на равнине, причем не только в т.н. Южной Осетии, а и близ г.Гори.

В позднее средневековье, когда происходила миграция осетин с Северного Кавказа в Грузию, феодалы снизили подчиненным налог, что имело свои причины: под влиянием внешнего фактора сложилось катастрофическое демографическое положение, уменьшилось количество крепостных крестьян-производителей, а жившие на землях феодалов производители пользовались целым

рядом льгот; на протяжении нескольких лет, пока крестьянин обустроивал хозяйство, он освобождался от всех повинностей. В аналогичном положении были этнические осетины. Их поселение в качестве хизан подразумевало такие же льготы. Более того, в первые годы после поселения государство и феодалы помогали вновь прибывшим. В этом отношении этнической принадлежности не придавалось никакого значения. В качестве свидетельства достаточно привести обещание, данное в 1799 году Георгием XII осетинам-тагаурцам: прежде чем приметесь-мол пахать и сеять, мы вам поможем запастись провиантом. Во время праздничных застолий при дворе феодала для крепостных крестьян всегда накрывался отдельный стол. И это деспотизм?

Где вычитали осетины, что арагвские Эристави были этническими осетинами? Даже если бы Эристави имели осетинское происхождение, разве это значит, что они были осетинами? Неужели осетинским и русским ученым не известно, что этническую принадлежность человека определяет не происхождение, а сознание? Если будем придерживаться точки зрения упомянутых выше авторов, то большая часть российских князей и дворян, а также еще большая часть российской интеллигенции окажется нерусской. Но оставим в покое Россию. То, что осетины объявляют грузин осетинами по происхождению, имеет определенные цели. Еще в период «перестройки» Г.Мамиты около ста грузинских фамилий объявил осетинскими по происхождению, задавшись целью представить дело так, будто осетины поселились в Грузии гораздо раньше, чем это было в действительности: хотя-мол сегодняшние осетинские фамилии появились в Грузии 10-12 поколений назад, однако и раньше здесь жили осетины – «прежние осетины», которые были огрузинены «шовинистами грузинами». И это огрузинивание, оказывается, происходило путем переделывания осетинских фамилий на грузинские. Не только-мол в простом населении больше огрузинившихся осетин, но и среди князей и дворян. Помимо ксанских Эристави в список огрузинившихся осетинских князей, составленный историком И.Гаглойты, попали и Мачабели, которые были основными владельцами территории т.н. Южной Осетии. Вот, как доказывает доктор исторических наук осетинское происхождение Мачабели: «...В 1962 г. в Цхинвали для сбора материала об абхазском происхождении фамилии Мачабели приехал известный абхазский этнограф и фольклорист Сергей Зухба.

Он остановился у своих близких знакомых. Когда он ознакомил их с целью своего приезда, то глава семьи, ведущий уролог Южной Осетии И. А. Парастаев сообщил своему гостю, что в областной больнице у них работает Мачабели, которая, очевидно, сможет ему помочь, и организовал эту встречу. И когда С. Зухба спросил ее, что она знает о происхождении их фамилии, то получил такой ответ: «Мы, Мачабели – Бортишвили, на русской службе назывались Бортниковыми и являемся осетинами по происхождению» (*Гаглойти 2007:224*). Сочинение мифологом воистину не имеет пределов. Как видно, представители рода Мачабели веками скрывали свое осетинское происхождение, и Вахушти Багратиони тоже сознательно заявлял об их абхазских, а не осетинских корнях, чтобы скрыть факт изначального проживания осетин на территории «Южной Осетии».

Осетины проживавшие в Грузии (в Двалети и в нагорье Шида Картли), после аннексии Российской империей Картлийско-Кахетинского царства долгое время оказывали сопротивление российским властям. После упразднения Картлийско-Кахетинского царства Российской империи пришлось силой добиваться покорности осетин, проживавших в нагорье Шида Картли и в Двалети. Осетины проявляли неповиновение в отношении новых властей: наряду с похищением грузин и продажей пленных на Северном Кавказе, они нападали и на стоявших в Картли русских военных. Первую карательную экспедицию против осетин российская администрация предприняла в 1802 году – в Шида Картли был направлен военный отряд под предводительством полковника Симоновича (*Акты...т. I, 1866; т. II, 1868; т. III, 1870; Ткавашивили 2009*). В русских документах того времени подчеркивается, что жившие в горах Шида Картли и в Двалети (Нара, Заха) осетины испокон веков подчинялись грузинским царям, находились в вассальной зависимости от них. В документах 1802 года нигде не употребляется термин «Южная Осетия»; осетины упоминаются только в контексте «грузинские осетины», «осетины, издревле подвластные Грузии» (*АКАК 1866: 585, 588; Ткавашивили 2009*). Надо заметить, что, исходя из марксистских позиций, подобные экспедиции российского руководства осетинские историки квалифицируют как «классовую борьбу против непокорных осетин». Вскоре, вслед за первым военным походом, в 1804 году в ответ на разгром осетинами казачьего полка российские власти вновь

предприняли экспедицию в Шида Картли. Против российских колонизаторов в 30-х годах XIX века вновь произошло восстание осетин. Наиболее рьяно сопротивлялись осетины фамилии Томаевых из села Роки (*Калоев 1999: 268*). О длительном сопротивлении двалетских осетин русскому правлению наглядно свидетельствуют этнографические очерки Косты Хетагурова, в которых читаем: «В настоящее время в Нарской котловине, да и во всей Осетии, нет ни одной сохранившейся в целостности башни, все они, по распоряжению русского правительства, были разрушены в сороковых и пятидесятых годах прошлого (19-го. – Р. Т.) столетия». (*К. Л. Хетагуров. Официальные письма и деловые бумаги <http://osetins.com>*).

Как известно, в 1783 году между Грузией (Картлийско-Кахетинским царством) и Россией был заключен так называемый Георгиевский трактат. И к моменту заключения этого договора, и в 1801 году, когда Россия нарушила договор и аннексировала Грузию, как Двалети, так и северная часть Шида Картли (иначе говоря, советская «Южная Осетия») оставались неотъемлемой частью Грузии. Указанную территорию никто не называл Осетией. Если оставить в стороне грузинские источники, этот факт подтверждают и все без исключения русские источники. Например, вскоре после заключения трактата командированный в 1784 году в Грузию полковник С. Бурнашов составил Генеральную карту грузинских царств и княжеств вместе с сопредельными регионами. На этой карте топонимом «Осетия» отмечено именно то место, где она находилась на самом деле, – на Северном Кавказе, а на месте советской «Южной Осетии» написано «Картли». Присоединение Двалети – ныне осетинские историки называют этот край Центральной Осетией – к России произошло вместе с присоединением к ней (вернее, покорением ею) Грузии. Этот факт зафиксирован и основоположником осетинской литературы Костой Хетагуровым: «С присоединением Грузии жители Нарской котловины со всеми осетинами с искренней радостью и полным доверием перешли в подданство русских царей». (В данном случае осетинский классик не до конца искренен. Ведь в том же очерке он говорит и о неповиновении осетин русским властям, следствием которого явилось уничтожение русскими военными отрядами осетинских башен в Двалети и Шида Картли в 1840–1850-х годах.). О том, что Двалети является неотъемлемой частью Грузии, говорит и тот факт,

что Коста Хетагуров и его сородичи (однофамильцы) пытались доказать российской знати свое дворянское происхождение на основе грамот, выданных им в XVII–XVIII веках грузинскими царями (это значит, что Двалети и жившие здесь осетины находились под юрисдикцией грузинского государства, и именно грузинские правители могли пожаловать им тот или иной титул).

То, что «деспотичные» и «агрессивные» грузинские феодалы и властители способствовали переселению живших на Северном Кавказе осетин в Грузию, хорошо видно из одной грамоты, выданной последним царем Картл-Кахети Георгием XII. Согласно Иоаннэ Багратиони, в селении Дигоми или близ него жили осетины. То, что они там поселились временно, выясняется из камеральных переписей XIX века: уже в 1804 году осетины в Дигоми не засвидетельствованы. Георгий XII поселил осетин-тагаурцев в Дигоми в 1799 году. Из упомянутой грамоты следует, что они выразили желание переселиться в Грузию; царь послал в Осетию дворянина Ниния Габашвили для того, чтобы передать этим осетинам, что они будут государственными крестьянами. Первое время им предлагали остановиться в Дигоми, а затем обещали подобрать для них такое место, какое бы им понравилось. И прежде чем они принялись бы пахать и сеять, им бы помогли запастись провиантом (Национальный центр рукописей Грузии, док. №1617). То, что осетины проживали близ Дигоми, подтверждается и этнографическими материалами: на рубеже XVIII-XIX веков здесь жили 32-33 дыма осетин. Ввиду того, что они воровали (дигомским крестьянам не оставили даже постромки и ремни), дигомские крестьяне прогнали осетин хлыстами и дубинками. Они довели осетин до Бебрисхихе (Мцхета). То, что в последнюю четверть XVIII века осетины стали активно переселяться с севера на юг, хорошо видно из документа 1779 года, согласно которому, житель Зарамагского ущелья Двалети, Элканашвили, пожелал поселиться в равнине: «Господь... да обратит невзгоды государя на... зрамагского Элканашвили Иванэ... Когда вы осенью изволили пребывать в Гори, приказали мне, приезжай-мол и дам тебе имение. По вашему приказу я съехал и прибыл; с женой и сыном нахожусь в Цхинвали. Если желаете оказать мне милость, в Ачабети у вас есть три государственных имения, одно мне пожалуйте; на те два надела тоже найду человека, там осядем. Кроме того, мы два дня здесь, в Цхинвали, у меня с собой нет продовольствия ни на одну неделю...

Немного припасов пожалуйста»... [Царский указ]: ...тот, кто цхинвальский мамасахлис, те три государственных (участка) земли, которые у нас в Ачабети, один отдай этому Элканашвили и тех двух когда на поселение привезет, там скажи поселить» (*ИГТ 2010: 73*). Вот вам и агрессивный и деспотичный грузинский феодализм! Значит, пришедший в равнинное село и поселившийся в государственном оброчном имении этнический осетин не должен был платить оброк? По логике М.Блиева – нет. Думается, что данному документу никакие комментарии не нужны. Но все же заметим, что три семьи осетин, жившие в Двалети (Зрамаге) и при поддержке царя мигрировавшие на равнину, были государственными крестьянами. Еще один документ, датированный 1789 годом, это – записка Ираклия II мамасахлису Зурабу: «Мамасахлис Зураб, дай гуптинцам – двенадцати осетинам – на сегодня три тунги вина, три литры (литра – древнегрузинская мера – Р.Т.) говядины и четыре литры ячменя» (*ИГТ 2010: 236*).

Мигрировавшие в горные районы Грузии осетины большей частью принимались как хизаны, что хорошо видно из документов описи XIX века. А хизаны – это, как известно из исторических источников и соответствующих исследований, крестьяне, съехавшие с мест прежнего обитания и нашедшие пристанище в другом месте. В феодальной Грузии хизаны были определенной категорией крестьян, которые, в отличие от крепостных, пользовались личной свободой, а их зависимость от помещика-феодала определялась использованием земель последнего. В грузинских источниках хизаны всегда противопоставляются коренному населению, так как они – пришлые крестьяне. Хизан жил на хозяйской земле и хозяину только платил оброк. Он мог свободно уйти к другому хозяину...

Самый выдающийся создатель мифологем и фальсификатор истории – вышеупомянутый М.Блиев не оставил без внимания и топонимы. То, что он мастер вводить читателя в заблуждение, ясно видно также из приводимой ниже цитаты - ведь русские и русскоязычные читатели не могут разобраться в том, что объявленные осетинскими топонимы в действительности являются грузинскими: «Среди князей, претендовавших на осетинское крестьянство, наиболее влиятельным 30-х годах XIX века являлся сенатор, генерал-лейтенант Г.Е. Эристави. Именно он и Верховное правительство Грузии вступили в острую борьбу с Паскевичем по поводу Южной Осетии... При этом со ссылкой на Верховное

грузинское правительсто и указ Александра I (1803 год) Г.Е. Эристави перечислял осетинские ущелья, на претендовали сородичи сенатора. Любопытно, что к названиям этих ущелий, имеющим в основе осетинские топонимы, он добавлял грузинское «хеоба», т. е. ущелье: Джамурис-хеоба, Лиахвис-хеоба, Гвидис-хеоба, Шуацверис-хеоба и Маграндолетис-хеоба. Иская осетинские топонимы, воспроизводя их с грузинского языка, сенатор подчеркивал, что все ущелья «без изъятия принадлежали фамилии Эристовых и постороннего владения в оных никогда не было. Генерал Панкратьев, «доикавшись» до более ранних актов, установил, однако, что, кроме Джамурского ущелья, Эристави не были управителями в других ущельях» (Блиев 2006: 140).

Таким образом, осетинские топонимы, оказывается, еще в начале XIX века искажались грузинами, произносились на грузинский манер. Прошу читателя не верить М.Блиеву ни в отношении перечисленных им топонимов, и вообще не доверять ему ни в чем. Ведь подделывание – не наука. В первую очередь отметим, что все пять упомянутых гидронимов датированы и не раз встречаются в древнегрузинских источниках и документах. Не только у второго их компонента, но и у первого – прозрачная грузинская этимология. *Жамурское ущелье* – находится в верховьях р.Ксани; осетинский вариант этого названия – *Дзимир*. В отличие от данного варианта, *Жамури*, как говорилось выше, часто фигурирует в древнегрузинских источниках и документах, где говорится, что это было владение князей Эристави. А позже им стали владеть отделившиеся от рода Эристави дворяне Ратишвили (им же принадлежало село Канчавети близ Ахалгори, где сейчас русские разместили военную базу). Княжество ксанских Эристави охватывало не только Ксанское ущелье, оно простиралось намного дальше, и именно в него входили упомянутые выше ущелья и еще другие земли. Теперь о гидронимах:

а) У названия *Жамури* грузинские и корень, и суффикс. Разве какие-либо осетинские топонимы оканчиваются на *-ур*? Толковать корень этого слова можно на основании сванской речи. В Сванети, в Энгурском ущелье находится селение *Жамуши*, название которого содержит тот же корень *жам-*; между прочим, в Жамури было девять сёл, и названия всех их были грузинскими. В том же Жамури находилась известная в Грузии крепость – Берцихе, о которой Вахушти Багратиони писал: «А западнее Карчохи есть на Ксани Жамури. Ныне его жители – осетины. В середине Жамури есть

крепость под названием Берцихе, стоящая на Ксани и скале» (КЦ 1973: 360). Может и это название представляет собой искаженный грузинами осетинский топоним? Согласно свидетельству I половины XV века, Жамури входило в Самтависскую епархию (*ИГТ 2010а: 108*).

б) *Лиахви* – тоже грузинский гидроним. Он толкуется двояко:

1) Лиахви берет начало в горе, называющейся *Лиа*. На этой горе произрастало растение *лиа*, поэтому так стала называться и гора. 2) По сей день в мегрельской речи *лиа* означает «болотистое место», «топь». Что касается *хви*, то в сванской речи это слово обозначает «ручей» (*Отинашвили 2002: 161-162*). *Лиангви* в лечхумском диалекте грузинского языка означает «поток». Словом, данный топоним восходит к древнегрузинскому языку;

в) Шуацверского ущелья не существует. В ущелье Патара Лиахви есть ойконим *Шуацхвири*. Село с таким названием находилось на правом притоке Патара Лиахви – Потриси / Потниси. *Шуацхвири* – грузинский топоним с прозрачной этимологией, состоит из двух компонентов: *шуа* «средний», «между» и *цхвири* «нос». В книге пожертвований князя Эристави Икортскому монастырю от 1662 года *Шуацхвири* упоминается как *Шуацхавери*. Село *Цхавери* / *Цхевери* впервые фигурирует в документе IX века. Что касается *Потриси* / *Потниси*, то это название восходит к слову *поторо*, которое на древнегрузинском языке означало «обрыв». В одном документе 1779 года ущелье Потриси / Потниси упоминается как *Поторо*.

г) Возвышенность *Маграндолети* / *Маграндвалети* находится в самом начале ущелья Диди Лиахви. Там были расположены девять селений. Шестью из них владели Эристави, тремя – Мачабели. Название *Маграндвалети* образовано от двух основ: *магран-* + *двалет-*. Этот топоним появился в XI веке, после переселения двалов из Двалети в верховье Лиахвского ущелья. *Маграни* восходит к *Магнари* и является результатом метатезы (перестановки согласных). В древнегрузинском языке *магнари* означало «лесистый», следовательно, Магран-Двалети толкуется как «Лесистая Двалети». Село под названием Маграни существовало в Кахети, близ города Ахмета.

д) *Гвидисский овраг* простирается от горы Эредви до ущелья Гери, расположен на правом берегу Патара Лиахви. Там же находится село *Гвидиси*, которое в документах иногда упоминается

как *Гудиса* (в речи местных грузин встречается чаще в форме *Гудиси*). И Гвидиси, и почти целиком ущелье Патара Лиахви на протяжении всего средневековья принадлежали ксанским Эристави. В документе 1771 года читаем: «Мы дали вам клятву... *Эристави Давид* и брат мой *Иэсэ* нашему двоюродному брату Куларага *Георгию*... начали раздел. Господа судьбы долю за старшинство передали мне... как долю меньшего брата тебе передали ахалгорский дворец... Тебе уступаем как удельное имение: ...Лиахви, то, что в управлении *Пуццеладзе*, осетин и грузин с этой и той стороны, Потриси, до верхней части той скалы Кного, кроме подворья *Хадури Эдишера*, что наше государственное. Гвидиси, что наше государственное, кроме церковных крепостных. Двалила целиком, на равнине – Марана, всех дворян и крестьян... В Крцхинвали *Григола* и семейство *Папиасвили*...» (*ИГТ 2010*: 78). А теперь обратимся к документу 1779 года: «Мы... Ираклий Второй... клятвенную грамоту пожаловали вам всем вместе - дворяням, чиновникам, слугам, *крестьянам* и *осетинам* ущелья Патара Лиахви, а также осетинам Гвидиси и Потриси, жителям Тли и Чипрана, потому что вы издавна были подданными ксанских Эриставов...» (*ИГТ 2010а*: 57). Корень *Гвидиси* – *гвид-* / *гуд-*, суффикс – *-ис*. В Грузии уйма топонимов с этим суффиксом, достаточно привести Тбилиси, Лиси, Дманиси и др. Встречаются в Грузии также другие топонимы с корнем *гвид-*, например, в Мтиулету есть село Гвидаке.

Заявление М.Блиева о том, что «Кроме Джамурского ущелья, Эристави не были управителями в других ущельях», является полнейшим нонсенсом. Князьям Эристави принадлежали горные и предгорные районы Ксанского ущелья, ущелье Патара Лиахви, шесть сёл Магран-Двалети в верховье Диди Лиахви, ущелье Меджуда – включая село Меджврисхеви, начало ущелья Лехура. После описания ущелий Диди и Патара Лиахви Вахушти Багратиони отмечает: «А сколько осетин мы записали в этих местах, (езде там) вначале жили грузинские крестьяне. Позднее от своих господ переселились осетины, а грузины спустились на равнину, потому что на равнине из-за врагов людей убыло» (*КЦ 1973*: 363-364).

В приведенной выше цитате М.Блиева встречается еще одна величайшая нелепость: оказывается, в 1830-е годы существовало «Верховное правительство Грузии». Но откуда взялось после 1801 года Грузинское государство и его верховное руководство? Ведь

Грузия была колонией России! М.Блиев надеется, что рядовой читатель, которому предлагается лживая и фальсифицированная история, не догадается о его мошенничестве. Для него главное – скрыть тот факт, что жившие в горах Грузии осетины не подчинялись российским властям. Современный осетин, как видно, должен быть уверен, что его предки никогда не оказывали сопротивления Российской империи; ее врагом не только в XVIII веке, но и в XIX-м был только лишь грузинский народ, и в течение полувека он выступал с военными походами против осетин, а главное, это осуществляло «Верховное правительство Грузии».

В опубликованных в России книгах часто встречаются высказывания о том, что Северная и Южная Осетия были одной страной и что они вместе присоединились к России в 1774 году. Хотя в этом вопросе между авторами имеется некоторая несогласованность. Согласно одному из них, «Осетия, важно отметить, присоединилась к России еще в 1770 году» (*Шейн 2009: 7*). Другие отмечают, что: «В состав России Северная Осетия вошла в октябре 1774 года, Южная – в 1801 году. К слову, в составе Российской империи Осетия была единым образованием» (*Леонтьев, Жуков 2008: 280*).

Историческая наука опирается на источники и документы. Фальсификаторы ни на что такое не ссылаются; да и не смогут сослаться, так как соответствующих свидетельств не существует. Грабителям истории не известны и методы исследования. Им это не нужно. Вероятно, в будущем нам сообщат и о том, что в 1783 году Российская империя заключила Георгиевский трактат с Южной Осетией, а в январе 1801 года манифест Павла Первого касался упразднения не Грузинского царства, а царства «Южной Осетии». Чего еще ждать от авторов-безбожников?

Таким образом, русские и осетинские авторы превратили поддельную, фальсифицированную историю в подсобную область политики. Они целенаправленно прибегают к грабежу истории и культуры. Думается, что это такой факт воровства, ограбления истории, подобного которому наука не знает. О тенденциях к мифотворчеству кавказских авторов указывает и известный ученый Ю. Ю. Карпов: «В условиях распада прежней политической системы и идеологии и дальнейшей болезненной трансформации определенных идеологических установок обращение к мифотворчеству актуализировалось. Оно проявилось в поисках особой роли

кавказцев в истории человечества либо в легендарной истории своего большого или, напротив, малого народа, наконец, особой, ниспосланной свыше судьбы своей социальной группе до уровня сельского сообщества или фамилии» (Карпов 2010: 173). Еще одна цитата из научного труда: «Подобное мифотворчество в значительной степени актуализируют социально-политические тенденции и явления, наблюдаемые в современном мире в целом, а в Кавказском регионе едва ли не особенно часто. Эти тенденции и явления анализируются многих авторов... Они отмечают, что в последние полтора-два десятилетия лет на Кавказе... историческая наука дали значительный крен в сторону их политизации и «национализации», стали играть политизированную роль фактора в социальной практике – как в идеологии, так и в решении конкретных вопросов современной жизни...» (Карпов 2010: 174).

Под конец остановимся еще на одном факте: авторы всех упомянутых выше книг отличаются крайней ненавистью к грузинскому народу – издеваются над грузинской историей и культурой; доходят до того, что связывают возникновение грузинской нации с советским периодом. Слава Богу, для грузинского народа подобное не характерно: русский народ для него – единоверная нация, создавшая великую культуру.

Литература

Аннотированный Словарь 1991 – Аннотированный Словарь личных имен по грузинским историческим документам. XI-XVII вв., I, Тб., 1991. – Груз.

Акты 1866, 1870 – Акты собранные Кавказской Археографической Коммиссией, под ред. Ад. Берже, Тифлис, т. I, 1866; т. II, 1868; т. III, 1870.

Багратиони 1986 – Багратиони И. Описание Картли и Кахети // Изд. Т. Т. Энукидзе и Г. Бедошвили. Тб., 1986 – Груз.

Бердзенишвили 1970 – Бердзенишвили Н. Вопросы истории Грузии. кн. VI, Тб., 1970. – Груз.

Блиев 2006 – Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. – М., 2006.

Блиев 2004 – Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004.

- Волкова 1973** – Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказ. – М., 1973.
- Гаглойти 2007** – Гаглойти Ю. С. Аланно-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. – Владикавказ: Ир, 2007.
- Документы 2008** – Документы, выданные Ираклием Вторым: 1736-1797 годы, Тбилиси, 2008. – Груз.
- Документы 1940** – Документы по социальной истории Грузии, I, крепостнические отношения, XV-XVIII вв. Под редакцией Р. Бердзенишвили, Тб., 1940. – Груз.
- Захаров, Арешев, Семерикова 2010** – Захаров В.А., Арешев А. Г., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания: Исторический и современный контекст. – М.: 2010.
- ИГТ 2010, 2010а** – История Грузии в топонимии (корпус исторических топонимов Грузии). **Ред. Д. Мухелишвили** (Составители: Д.Бердзенишвили, М.Канделаки, Д.Мухелишвили, М.Сургуладзе, Н.Шиолашвили, Г.Чейшвили), Тбилиси, т. I, 2010; т. II, 2010а – Груз.
- Калоев 1971** – Калоев Б. Осетины. М., 1971.
- Калоев 1999** – Калоев Б. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999: 268.
- Карпов 2010** – Карпов Ю.Ю. Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб, 2010.
- КЦ 1973** – Картлис Цховреба (История Грузии), Том IV, Вахушти, История Грузии. Тб., 1973. – Груз.
- Кочетков, Мартинов, Пискорский 2009** – Кочетков А., Мартинов А., Пискорский М. Южная Осетия: Вооруженная агрессия и миротворческая война. М.
- Леонтьев, Жуков 2008** – Леонтьев М. В., Жуков Д. А. «Независимая» Грузия: бандит в тигровой шкуре. - М.: 2008.
- Осетия и осетины 1994** – Осетия и осетины. Составитель К. Челехсаты, Владикавказ-Санкт-Петербург, 1994.
- Отинашвили 2002** – Отинашвили Н. Ономастика Лиахвского ущелья. Тбилиси, 2002. – Груз.
- ПП 1965** – Памятники грузинского права. Т. II, Тб., 1965. – Груз.

- Путешествие Гюльденштедта 1962** – Путешествие Гюльденштедта в Грузии. Т. 2 // Изд. Г. Гелашвили. – Тб., 1962 – Груз.
- Путешествие Жана Шардена 1975** – Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока (сведения о Грузии). Перевод с французского, исследование и комментарии М. Мгалоблишвили. Тбилиси, 1975 – Груз.
- Свод 1893** – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. – Тифлис, 1893.
- Скаков 2010** – Скаков А.Ю. К вопросу о выделении археологических культур в западном Закавказье. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб, 2010.
- Советская 1965** – Советская историческая энциклопедия, том 6, М., 1965.
- Ткавашвили 2009** – Ткавашвили М. Экспедиция Симоновича в Северные районы Картли (1802г.)//Кавказский этнографический сборник. XI. Тбилиси, 2009. – Груз.
- Топчишвили 1989** – Топчишвили Р. Посемейные списки Тифлисской губернии 1886 г. как этнографический источник. – Советская этнография № 6, 1989 г.
- Топчишвили 1997** – Топчишвили Р. Вопросы переселения в Грузии осетин и этноистории Шида Картли. Тб., 1997. – Груз.
- Цагаева 1971** – Цагаева А. Топонимия Северной Осетии. Часть I. – Ордж-дзе, 1971.
- Широкорад 2009** – Широкоград А.Б. Кавказский капкан. Цхинвал – Тбилиси - Москва, М.: 2009.

АРЕАЛ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ПРЕДКОВ ОСЕТИН – АЛАНОВ

Грузинский народ стоит перед лицом тяжелых испытаний. Российская империя, обуреваемая великодержавными амбициями, пытается прибрать к рукам исконно грузинские земли, используя для этого осетинских и абхазских сепаратистов. И осетины, и абхазы, как и их подстрекатели, находят «оправдание» и «историческое обоснование» захвату земель путем фальсификации истории и создания разного рода мифологем. Целенаправленное искажение истории ведется уже на протяжении нескольких десятилетий. Грузинские ученые всегда реагировали на подобные факты, но, за редким исключением, их труды в основном издавались на грузинском языке. На русском языке при содействии истинного патриота Грузии Шалвы Киртадзе вышла книга «Грузино-осетинские этноисторические очерки», посвященная отношениям двух народов, но малочисленный тираж книги (всего 200 экземпляров), естественно, не дает возможности представить ее широкой публике, в отличие от оппонировавшей стороны, которая, к сожалению, располагает большими возможностями средств массовой информации и пропаганды. На грузинском языке в 1997 году, также благодаря поддержке еще одного патриота и общественного деятеля Ростом Чхеидзе, была опубликована монография о миграции осетин в Грузию. Сегодня, как известно, большой интерес к вопросам расселения осетинского этноса в Грузии и грузино-осетинским отношениям проявляют и в Европе, однако удовлетворить этот интерес нам пока не удастся в силу отсутствия соответствующих книг на английском и других иностранных языках. В этом направлении, безусловно, реальные шаги должны предпринять руководящие круги страны.

Факт позднего переселения осетин на территорию современной Грузии (с середины XVII века) считается настолько бесспорным, что в свое время грузинские ученые даже не считали нужным его изучение. После того, как российские власти активно включились в дело фальсификации истории, думается, что и грузинское руководство не должно оставаться в стороне и должно исполнить свой гражданский долг, в частности, дать достойный ответ всяким измышлениям и мифологемам истории. Одним из главных шагов в этом направлении нам представляется издание на

английском и русском языках обширной научной литературы, существующей по грузино-осетинской и грузино-абхазской проблематике.

В нижестоящей книге выявлены ареалы первоначального расселения предков осетин – аланов. В этом плане большую помощь нам оказало исследование современного каталонского ученого-историка, профессора Агусти Алеманя, который добыл все существующие в мире разноязычные источники об аланах и родственных им племенах, перевел и снабдил эти материалы соответствующими комментариями. Таким образом, все исторические источники об аланах сосредоточены в одном труде. Почти следом за изданием объемной книги на каталонском языке вышел ее английский перевод. Спустя три года, в 2003 году, был издан русский перевод книги (*Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Издательство «Менеджер». – 608 с.*). Работа Агусти Алеманя оказала нам неоценимую услугу. Согласно всем собранным в ней источникам, этногенез аланов произошел очень далеко от Кавказа – ареалом их расселения до нашествия гуннов были только бескрайние степи Евразии, а после их нашествия – долины Северного Кавказа. В книге детально рассматриваются многие аспекты аланской проблематики.

* * *

На территории современной Грузии осетинский этнос расселился довольно поздно, с середины XVII века (*Топчишвили 1997*). Осетины переселились сюда с гор Северного Кавказа. Установлено, что ираноязычные племена осетин не являются коренными обитателями Кавказа; так же, как и тюркоязычные народы, они являются пришлыми для этих мест. Несмотря на неопровержимые факты, в осетинской историографии предпринимаются попытки перенесения даты поселения предков осетин на Кавказе (в том числе и в Грузии) в очень далекие времена. Более того, добытые на территории Кавказа образцы материально-археологической культуры разных эпох преподносятся лжеучеными как памятники, принадлежащие ираноязычному этносу, т. е. предкам осетин.

Грузинскими учеными достоверно установлено, что переселение осетин в Кавказские горы произошло в период монгольского нашествия – именно тогда осетины-«степняки» стали горцами.

Справедливости ради следует заметить, что предки осетин аланы обитали в кавказском нагорье и несколько ранее, только на другом, западном его участке, на территории современных Балкарии и Карачая. Здесь они непосредственно соседствовали с историко-этнографическими краями Грузии – Абхазией и Сванети. Превращение предков осетин в кавказцев было обусловлено нашествием гуннов, двинувшихся в направлении с востока на запад и оттеснивших аланов в горы. Из четырех обществ (ущелий) современной Осетии в раннее средневековье аланы-осетины проживали только в Дигории. Как мы уже отмечали выше, ареалом расселения аланов были и нынешние Балкария и Карачай. Однако аланы-осетины, проживавшие в Приэльбрусье, т. е. на территории Балкарии и Карачая, были ассимилированы тюркоязычными племенами кипчаков (половцами), мигрировавшими во времена монгольского ига из кавказской равнины и южнорусских степей. Ассимиляции избежали дигорцы, хотя и в них достаточно тюркской примеси (Калоев 1999). Факт проживания аланов-осетин на территории современных Балкарии и Карачая (Западный Кавказ) подтверждается и грузинскими историческими источниками. По мнению некоторых ученых, в горах Западного Кавказа аланы-осетины поселились во времена нашествия гуннов, т. е. после 70-х годов IV века н. э. В указанный период аланы-осетины действительно осваивают северокавказскую низменность, но письменных источников, удостоверяющих, что тогда же часть их расселилась в горах, в Приэльбрусье, не существует. На наш взгляд, их переселение в горы произошло несколько позднее, в VI–VII веках н. э.

В это же время, наряду с аланами-осетинами, Кавказ заселили и другие племена, в частности родственные тюркоязычным гуннам савиры (савиары), которые очень скоро смешались с аланами-осетинами. Доказательством тому может служить именование балкар грузинской этнографической группой сванов «савиарами». В указанный период одновременная миграция смешанных этнических элементов и их совместное поселение не были редкостью. И в последующий период, во времена монгольского нашествия, мигрировавшие в Алагирское, Куртатское и Тагаурское ущелья Северного Кавказа осетины поселились вместе с ногайцами. Однако ногайцы вскоре вернулись в свой прежний ареал кочевания, а часть их в горах Кавказа смешалась с осетинами. Появление некоторых присущих для осетин монго-

лоидных элементов хронологически относится именно к этому времени.

Не вызывает сомнений одно обстоятельство: ни грузинскими и ни зарубежными историческими источниками факт проживания осетин на территории Грузии ни разу не засвидетельствован до эпохи позднего средневековья. Их миграция на южные склоны Главного Кавказского хребта была обусловлена сложившейся тогда на Северном Кавказе политической ситуацией. Вместе с тем, причиной переселения осетин явились и природно-географические и экономические факторы.

Так откуда же пришли ираноязычные племена – предки осетин – на Кавказ? Каково было направление их миграции? Какой путь они прошли? – Вот вопросы, которые встают перед каждым из нас и которые вообще не возникают у представителей осетинской историографии, поскольку они полагают, что еще во II–I тысячелетии до н. э. Кавказ был обиталищем ираноязычных племен. Для объективного исследователя данные проблемы очевидны. Но ввиду того, что история сегодня весьма политизирована, происходит ее предумышленное искажение, создаются разные мифологемы с целью захватить и присвоить чужие этнические территории и затем «оправдать» эти действия на основе собственных же интерпретаций истории, – исходя из всего этого, наш долг дать исчерпывающий ответ на указанные вопросы. Осетинские ученые в своих мистификациях заврались даже настолько, что доказывают, будто осетины обитали на Кавказе раньше вайнахов и что чеченцы и ингуши (народы иберийско-кавказского происхождения) являются мигрантами. Более того, по их утверждению, в Шида Картли аланы-осетины жили раньше грузин (*Блиев 2006*).

До сегодняшнего дня у ученых имелись ответы на данные вопросы, однако дело осложнялось тем, что исторические источники, в которых предками осетин упоминаются ираноязычные народы (аланы, сарматы, роксоланы, аорсы), были менее доступны для широкой публики. Аланы и другие ираноязычные племена упоминаются во многих западных и восточных источниках. К счастью, в последнее время появился исследователь, которому удалось собрать воедино все существующие об ираноязычных этносах исторические документы. Автором этого источниковедческого исследования является вышеназванный каталонский историк Агусти Алемань, книга которого в начале нынешнего

столетия сразу же была переведена на английский язык («Sources on the Alans»), а затем и на русский (*Алемань 2003*).

Историко-источниковедческое исследование Агусти Алеманя опирается на древнегреческие, древнеримские, раннесредневековые и средневековые латинские, византийские, арабские, армянские, каталонские, грузинские (к сожалению, не в полной мере), иудейские, иранские, монгольские, китайские, сирийские и русские источники. Разумеется, не все источники имеют одинаковую ценность и значимость. От внимания автора ускользнули некоторые немаловажные источники; видимо, ему не знакомы также отдельные научные исследования. В частности, Агусти Алемань не вводит в научный оборот значительные сведения об осетинах, имеющиеся в сочинении Вахушти Багратиони, в то время как он наверняка знаком с этой книгой, поскольку в одном месте своего труда даже цитирует ее.

В современной историографии общепризнано, что предками осетин являются ираноязычные племена аланов. Этот взгляд нашел отражение во всех научных трудах XX века, посвященных алано-осетинской теме. Кроме того, в пользу данного соображения говорит и тот факт, что автономно-государственное образование Российской Федерации – Северную Осетию иначе именуют «Аланией». Хотя, следует подчеркнуть, что этноним «алан» осетинам был совершенно не знаком. Под этим термином их не знают и другие народы. В то же время, в научной литературе часто отмечается, что с этнической точки зрения аланы не были однородным племенем. Высказано и другое соображение, согласно которому аланы первоначально вовсе не были ираноязычными, а происходили от одного из тюркских племен (*Мизиев 1986*). Общепризнано также, что аланы представляли собой большие группы кочевых племен, впервые упоминаемых во II веке до н. э. в анналах китайской Сунской династии, в которых ареал их обитания указан довольно далеко от Кавказа – в восточной части евразийского пространства. Упоминание аланов в китайских источниках свидетельствует о том, что они попадали в поле зрения китайцев. В указанном китайском источнике не упоминается ни один кавказский народ; крайней западной обозреваемой точкой для китайских анналов является восточное побережье Каспийского моря. То, что этногенез иранских этносов и их этническая история связаны с бас-

сейнами Аральского и Каспийского морей, является общеизвестным фактом в мировой историографии. Можно привести пример из монографии известного историка, этнолога и географа Льва Гумилева: «Во II в. до н. э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II в. н. э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланами, которых около 158 г. хунны оттеснили на запад, за Волгу» (Гумилев 2002: 284). Что касается трудов классических авторов, аланы упоминаются в них среди варварских кочевых племен, обитавших к северо-востоку от Римской империи, только с I века н. э. Здесь же заметим, что, согласно всем историческим источникам, к моменту вступления в контакт с римлянами аланы занимали степи между северными участками Черного, Каспийского и Аральского морей. Примечательно также и то, что в указанной степной зоне упоминаются и многие другие этносы, в том числе другие ираноязычные племена или объединения племен – скифы, сарматы, аорсы, роксоланы, – с которыми аланы имели тесные связи.

Немецкий ученый Рюдигер Шмит подчеркивал: «Под натиском народов, двигавшихся в западном направлении (сначала гуннов, позднее монголов и других), аланы со временем были постепенно оттеснены в горные районы Кавказа, где они под именем осетин проживают до сих пор» (Алемань 2003: 18).

На сей раз в сферу наших интересов не входит перечисление всех исторических источников, в которых упоминаются аланы. Но в первую очередь остановимся на этнониме «алан». Этим вопросом заинтересовался и А. Алемань, предлагающий этимологизацию этнонима в исследовательской части монографии. Следует заметить, что под указанным этнонимом аланы известны как в западных (латинских, греческих), так и в восточных (китайских) источниках. Согласно одной версии, термин «алан» тюркско-монгольского происхождения и означает «гора». По сведениям исследователя Хармата, на юго-востоке Туркмении и ныне проживают потомки племен, переселившихся сюда, по преданию, с Мангышлакского полуострова (северо-восток Каспийского моря), где находилась крепость «Алан-кала». Версии тюркского происхождения этнонима «алан», предложенные разными авторами, собраны в книге В. Томашека. Необходимо сказать и об уже

отвергнутой сегодня версии, связывающей происхождение этнонима «алан» с санскритским «арана», означающим «чужой», «отдаленный» и берущим начало от индоевропейского слова «элен». Думаем, что данное предположение нельзя полностью игнорировать. Бесспорно одно: аланы – этнос гетерогенного происхождения, в чем действительно нельзя не согласиться с Агусти Алеманем, который пишет: «Аланы возникли как гетерогенная племенная конфедерация благодаря объединению ряда североиранских групп под кличем общего «арийского» происхождения» (Алемань 2003: 31). Каталонский ученый детально рассматривает и этноним «асы» («ясы»), полагая, что этимология этого слова неясна. Вместе с тем он приводит наблюдения некоторых авторов, зафиксированные в разных источниках. Так, например, Иосиф Флавий в истории «Иудейской войны» пишет: «...язык же ясьский введом есть, яко от печенежского рода родися, живуща подле Тани и Меотьскаго моря». Небезынтересна и этимология этнонима «роксоланы» – народа, проживавшего на рубеже старого и нового летоисчисления в Восточном Приднепровье, затем – в междуречье Днепра и Дуная и наконец – у границ римских провинций Дакии и Мезии. По одной версии, «роксоланы» – те же волжские аланы, и это название возникло в результате соединения двух слов, одно из которых «Рокс» («Ра») – древнее название реки Волги. Согласно другому соображению, под этим названием подразумеваются «белые/светлые аланы», поскольку в дигорском диалекте осетинского языка, характеризующемся архаизмами, «рокс» означает «свет».

Как отмечалось выше, аланы упоминаются в исторических источниках многих народов мира. Остановимся на некоторых из них. Прежде всего, обратимся к первым латинским источникам, датированным I–II веками н. э., в которых упоминаются предположительные предки современных осетин – аланы, аорсы и роксоланы. На так называемой **Пейтингеровой таблице ареал расселения аланов приблизительно в 350–360 гг. н. э. обозначен севернее Кавказа, в южнорусских степях.** Согласно сочинению Гая Плиния Старшего (Секунд), жившего в 23/4–79 гг. н. э., **разные иранские племена – сарматы, аорсы, аланы и роксоланы – обитали на восточных берегах реки Дунай. Римский поэт и общественный деятель того же периода Сенека тоже называет местом проживания аланов придунайские степи** (Алемань 2003:

54). По нашему мнению, река Дунай в те времена являлась крайним западным рубежом кочевания аланских племен.

Латинские литературные источники IV–V веков в основном повествуют об участии аланов в Великом переселении народов. В частности, в них речь идет о покорении аланов гуннами и миграции отдельных групп аланов вместе с гуннами на запад. С этой точки зрения заслуживают внимания сочинения Марцеллина, Амвросия и Авзония. Они главным образом рассказывают о том, что аланы, будучи наемными воинами Римской империи, участвовали в походах на Северную Италию и Испанию. Амвросий (ок. 339–397 гг.) писал следующее: «...мы слышали! Гунны устремляются против аланов, аланы против готов, готы против тайфалов и сарматов; в Иллирике готы, изгнанные из своей земли, в свою очередь, изгнали нас, и это ещё не конец!» (*Алемань 2003: 66*). **Из этого источника явствует, что считающиеся предками осетин аланы упоминаются в ареале, географически весьма отдаленном от Грузии (и от Кавказа в целом).** Из цитаты видно, что аланы потеснили готов, а готы, как известно, тогда обитали на Крымском полуострове и на северном побережье Черного моря.

На латинском языке написано сочинение историка эпохи распада Римской империи Аммиана Марцеллина, бывшего по происхождению греком из Антиохии. Сочинение Марцеллина считается наиболее совершенным источником об аланах, в котором содержатся как важнейшие исторические (периода 375–378 гг.), так и географические и этнографические сведения. Об Азовском море (*palus Maeotis*) римский историк пишет: «**Около этого народа обитают массагеты, аланы и саргеты, а также многие неизвестные народы, но ни названия их, ни обычаи нам неведомы**» (*Алемань 2003: 67*). Марцеллин обозначает ареал обитания аланов, наряду с массагетами и саргетами, еще дальше – **в северной части Крымского полуострова**. В другом месте своего сочинения Марцеллин, сравнивая прибрежную полосу Черного моря с прогнутым скифским луком, пишет: «**...в середине этого лука, представляющего собой весьма широкую протяженность, в пятнадцать дней пути для хорошего пешехода путника, живут европейские аланы, костобоки, и бесчисленные племена скифов**. Небольшая часть этих их питается плодами полей, все же остальные **кочуют по широким степям**, не тронутым сохой, не знавшим посева, одичалым и покрытым инеем.

Они питаются по-звериному, свои семейства, жилища и скудный домашний скраб они укладывают на кибитки, покрытые корой, и, когда появится желание, беспрепятственно передвигаются, направляя свои повозки, куда вздумают» (*Алемань 2003: 68*).

Таким образом, в вышеприведенной цитате Аммиана Марцеллина многие моменты заслуживают внимания: ареал обитания аланов, их хозяйственный быт, нравы и обычаи. **Ареалом расселения аланов по-прежнему являются обширные северные участки Черного и Каспийского морей.** Из источника явствует, что аланы ведут именно кочевой, а не оседлый, образ жизни и не занимаются земледелием. Более того, часть их живет собирательством. Аланы не имеют жилых домов, и так же, как и для всех кочевников, их жилищами являются крытые повозки. Аланы перемещаются дальше на северо-запад, поскольку в тех степях, где они кочуют, рано наступают холода. В труде Марцеллина заслуживает внимания еще одно обстоятельство: он говорит о европейских аланах, а это значит, что существовали и азиатские аланы, сведения о которых мы приведем ниже.

Аммиан Марцеллин повествует о бактрийцах, согдийцах и саках – ираноязычных этносах среднеазиатского происхождения. После их описания историк пишет: «...в местах, где заканчиваются горы, называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов. Зброшенные в отдаленный угол земли, привычные к пустыне, они живут в далеко от стоящих одно от другого обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием» (*Алемань 2003: 69*). Таким образом, в данном отрывке монографии Марцеллина повествуется уже об азиатских аланах, «зброшенных в отдаленный угол земли». Таким образом, в 70-х годах IV века н. э. аланы кочевали на обширной территории – от северо-восточных берегов Каспийского моря вплоть до бассейнов рек Преголь и Вистуль, расположенных вдали от причерноморских степей, к северу от них.

Об ираноязычных племенах Марцеллин говорит и в другом месте своего сочинения: «Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство

скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы» (Алемань 2003: 71). Таким образом, и из данного отрывка очевидно, что аланы кочевали в евразийском пространстве. Они были племенами не моноэтнического, а гетерогенного происхождения. Под наименованием аланов, кроме собственно аланов, были известны и другие народы. Аланы проводили «аланизацию» покоренных этносов. Приведем еще один пассаж из сочинения Аммиана Марцеллина: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя **они кочуют как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет, питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они ни зашли, там у них родной дом»** (Алемань 2003: 71). «Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (Алемань 2003: 72). А. Алемань опять-таки повествует о культуре и быте аланов, присущих только кочевым, а не оседлым народам. Ведь лошадь – неотъемлемая часть образа жизни кочевника, они фактически срослись друг с другом. Продолжим описание аланов Марцеллином: «Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов (естественно, здесь историк не имеет в виду их антропологический тип), но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и

охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора – с одной стороны, и до Армении и Мидии – с другой» (Алемань 2003: 72). В приведенной цитате Марцеллин описывает обширный ареал грабительских набегов аланов, простирающийся на юге вплоть до Южного Кавказа и Малой Азии. Очевидно также, что аланы не вторгались (вернее, не могли вторгнуться) в Колхиду и Иберию, поскольку в Мидию и Армению они проникали со стороны Каспийского моря, а не через Дарьяльские ворота, вблизи которых в IV веке н. э. аланы еще не обитали. «Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, называются выродками и трусами. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша...» (Алемань 2003: 72). Думается, приведенная цитата не нуждается в комментариях: кочевое племя, естественно, не могло иметь ни храмов, ни других молелен, ни постоянных жилых домов. Молельней для аланов служил воткнутый в землю меч, которому они поклонялись с благоговением, почитая его как покровителя той земли (страны), где они кочевали. Будущее аланы предсказывали следующим образом: «...связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. О рабстве они не имели понятия, все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (Алемань 2003: 72). Из вышеприведенного пассажа хорошо видно, что **по вероисповеданию аланы язычники, их святилищем является только меч, который они превозносят и благодаря которому живут, т. е. меч, по сути, средство их существования.** Среди аланов в IV веке не было никакой социальной дифференциации и вождем выбирали того, кто в походах и набегах отличился ловкостью, изворотливостью и обладал качествами лидера.

Подведем итоги вышесказанному: **к концу IV века аланы – предки осетин – не обитали еще ни в одном регионе Кавказа; в**

то время они вели типично кочевой образ жизни и одним из средств их существования (выживания) были походы, разбойные нападения на оседлые народы. Аланы кочевали в обширных степях Евразии; крайняя западная граница их кочевого пространства проходила по Дунаю, а восточными пределами являлись обширные территории Средней Азии. Аланы делились на две большие группы: европейских аланов и азиатских аланов. В то же время, с этнической точки зрения, аланы не были однородным народом, в их подчинение входило множество разных первобытных племен, также именовавшихся аланами. Фактически, аланы были правителями (владельцами) империи кочевников.

Агусти Алемань справедливо замечает, что, согласно Марцеллину, большинство покоренных аланами народов являются просвещенными народами, поскольку они упоминаются в исторических источниках восемью веками раньше. А. Алемань особо выделяет слова Аммиана Марцеллина «Halani orienti acclines», подчеркивая, что в них непременно подразумеваются закаспийские аланы. **Римский историк проводит границу между азиатскими и европейскими аланами по реке Танаис, т. е. по Дону.** Древние аланы без уважения относились к своим пожилым сородичам, о чем наглядно свидетельствует нартский эпос, в котором описываются случаи суицида (самоубийства) стариков. Подобные факты среди аланов замечены и французским историком Дюмезилем.

И наконец, Аммиан Марцеллин, сообщающий нам много сведений об аланах, является единственным автором, повествующим о покорении аланов гуннами. Часть европейских аланов или, по крайней мере, аланы, обитавшие на реке Танаис (Дон), после поражения с гуннами стали союзниками последних и двинулись на запад, выступив против остготов. Отдельные разбойничьи отряды аланов находились в непосредственном подчинении гуннов. В этнической истории аланов решающую роль сыграла миграция гуннов на запад. Аланы, кочевавшие на обширной территории Евразии, внушавшие прежде страх многим народам и подчинившие себе немало разных племен, теперь сами оказались в чужой зависимости. Бесчинствовавшие по всей Европе, аланы (как и гунны) смешались с другими этносами. После столкновения с гуннами часть аланов обосновалась на северокавказской равнине. Здесь

аланы перешли к оседлому образу жизни и создали свое государственное образование, с которым с V века н. э. имело отношения грузинское государство. С тех самых пор проход из Грузии на Северный Кавказ стал называться «Дарьял» – это иранский топоним, а не алано-осетинский. После нашествия гуннов, приблизительно в V–VII веках, аланы, вместе с одним из племен гуннов – савирами (савиарами), расселяются в западном горном крае Кавказа (территории нынешних Балкарии, Карачая и Дигории). Именно здесь, с этой территории на протяжении всего раннего средневековья аланы граничили с грузинами, в частности с историческими областями Грузии Абхазией и Сванети. Что касается расселения аланов в Центральном Кавказе (Алагирь, Тагаури, Куртаули), сюда они переместились в результате нашествия с востока новых кочевников – монголо-татар.

Следует обратить внимание на перечень западноевропейских народов, приведенный античным (латинским) деятелем IV–V веков Юлием Гонорием. Перечисленные им этнонимы делятся на две группы: названия древних галльских племен и названия германских и иранских племен, вторгшихся на земли галлов. В числе последних Гонорий приводит аланов и сарматов (*Алемань 2003: 92*). Аланов упоминает еще один автор V века Капела, описывающий регион, расположенный к северо-востоку от Черного моря: «... [за Дунаем] скифский берег заселяют множество различных варваров, как то: геты, даки, сарматы, гамаксобии, троглодиты, аланы и германцы» (*Алемань 2003: 101*). Здесь подразумеваются те аланы, которые выжили во времена нашествия гуннов и не пошли на запад. Именно эти, оставшиеся здесь аланы, спустя некоторое время, заселяют северокавказскую низменность, переходят к оседлой жизни и создают алано-осетинское государственное образование. По мнению А. Алеманя, Капела приводит перифраз Плиния, но, в отличие от последнего, он не упоминает аорсов и роксолан, которые к тому периоду уже исчезли. Вообще, всем римским историкам IV–V веков аланы хорошо известны. **Из европейских источников очевидно: на всем протяжении IV–V веков аланы упоминаются в одном ряду с гуннами и готами как грабители и захватчики, появляющиеся и бесчинствующие то в одной европейской стране (области), то в другой. Жителями Кавказа (и тем более, Южного Кавказа) в этом отрезке истории они не называются ни в одном источнике.**

Интересные сведения об аланах содержатся в сочинениях древнегреческих авторов. В них в основном говорится о географической локализации аланов и их походах на Южный Кавказ в первые века христианской эры. Так, например, в сочинении историка Арриана Флавия из Никомерии (ок. 95–175 гг. н. э.) впервые находим сведения о вторжении аланов в Каппадокию в 135 году (*Алемань 2003: 125*). Согласно этому источнику, аланы преимущественно были вооружены мечами и копьями. **Здесь же Каспийские ворота описаны как территория, прилегающая к Алании. Каспийские, или Дербентские (Дарубандские), ворота упоминаются как сопредельная территория Алании потому, что именно через этот узкий проход аланы шли походом на Парфию.**

Для нас весьма интересны сведения римского историка и высокого государственного чиновника Диона Кассия (ок. 150–235 гг.). В 135 году аланы вторглись в Албанию и Мидию, дошли также до Армении и Каппадокии; их триумфальное шествие остановили только богатые дары и подношения. Согласно источнику, конфликт был спровоцирован иберийским царем Фарсманом Вторым, открывшим аланам путь – Каспийские ворота – для того, чтобы они напали на Албанию, Атропату Мидийскую и на те страны, которые находились в вассальной зависимости от парфянского царя Вологеза. Последний был вынужден направить послов в Рим с тем, чтобы предъявить обвинение Фарсману. Согласно комментариям А. Алеманя, аланы отправились походом на Армению и Каппадокию по собственной инициативе. Не вызывает сомнений то, что иберийский царь обвиняется абсолютно напрасно, поскольку Каспийские ворота не находились на территории, подвластной иберийскому правителю; так что аланы при содействии грузин никак не могли попасть ни в Албанию и ни гораздо южнее её. В этом же источнике говорится о роксоланах и языгах, в частности, последние упоминаются в 174 году в связи с Дакией. А. Алемань пишет, что «сарматское племя «языгов-переселенцев» населяло территорию между Дунаем и Тиссой (современная Венгрия); что касается роксоланов, они занимали регион Северной Мезии Inferior и Восточно-Дунайской границы» (*Алемань 2003: 132*).

Следующим греческим автором, который упоминает аланов, является Дионисий Перигет, написавший в 124 году геогра-

фическую поэму. **В пространстве между Дунаем и устьем Меотийского озера он называет многие племена, в том числе сарматов и аланов. Местом обитания последних подразумеваются западные берега Днепра.** В комментариях к поэме Дионисия Евстафий Солунский отмечает, что **«горы аланов находятся в Сарматии; отсюда и происходит аланский народ, который, по словам Дионисия, бесстрашен и имеет очень много коней».**

Несколько пассажей об аланах находим в сочинении иудейского историка проримской ориентации Иосифа Флавия (37/8–100 гг.), который вообще является первым историком, упомянувшим аланов. Он пишет, что «...Тиберий с помощью больших сумм денег пытался склонить царей иберов и аланов без колебаний вступить в войну с Артабаном. Те со своей стороны, однако, отказались, но призвали против Артабана аланов, открыв Каспийские ворота и дав проход через свои земли. Армения была отвоевана, и земли парфян охвачены войной» (*Алемань 2003: 138*). Это, как мы уже сказали, первое упоминание аланов на историческом поприще (в данном конкретном случае Тацит, вместо аланов, называет сарматов). В латинском же переводе более позднего периода фигурируют «скифы». Данное сведение источника отчасти ввело в заблуждение некоторых современных ученых. В частности, несколько непонятно рассуждает еврейский ученый первой половины XX века Тойблер, который пишет, что «Каспийские ворота» находятся слишком далеко к юго-востоку, чтобы быть под контролем иберов и албанов» (*Алемань 2003: 139*), и что греческий историк просто-напросто ошибается – вместо «Каспийских ворот» должен быть «Дарьял». Если это так (т. е. речь должна идти о Дарьяльских воротах), тогда возникает вопрос: при чём тут Албания? Разумеется, в тексте ошибки нет – аланы действительно перешли в Албанию через «Каспийские ворота»; албанцы свободно могли контролировать «Каспийские ворота», или Дербент, поскольку они (ворота) находились у границ их государства.

После окончательной аннексии римлянами Комагены в 72/3 году н. э., согласно вышеприведенному источнику, набеги аланов продолжают: **«...аланы, которые суть скифский народ, населяющий берега Танаиса и Меотидского озера, как мы объяснили выше, задумав тогда совершить грабительский**

набег на Мидию и даже дальше, вступили в переговоры с царем гирканов». Согласно комментарий английского исследователя Босворта, «...эти аланы, возможно, закаспийского происхождения, обошли Каспийское море». Думается, данное соображение ученого следует принять во внимание: в источнике, действительно, речь идет об аланах, обитающих в Азии.

Относительно европейских аланов сведения имеются и у греческого географа Маркиана (ок. 400 г.). По его информации, «река Рудон течет с горы Алан; по соседству с этой горой и областью живет широко расселившийся народ сармат-аланов; там находится исток реки Борисфена, которая впадает в Понт. За аланами область вдоль Борисфена населяют так называемые европейские хуны» (Алемань 2003: 145).

Приведем несколько отрывков из «Географии» знаменитого александрийского ученого II века Птолема Клавдия. Согласно его сочинению, под топонимом «Сарматия» подразумевается вся Восточная Европа до реки Волги, откуда начинается Скифия. Что касается Дона, он является водоразделом Европы и Азии, по этой реке проходит граница между европейской Сарматией и азиатской Сарматией: «Сарматия также окружена другими горами, которые называются: Тевка (или Певка), Амадокийские горы, гора Будин (или Бодин), гора Алавн, вышеупомянутая гора Карпат, Венедские горы и центральная часть Рипейских гор» (Алемань 2003: 148). Следующий пассаж того же автора: «Самые большие народы, населяющие Сарматия: венеды – по всему побережью Венедского залива и, за Дакией, певкины и бастерны (или бастарны); по всему побережью Меотиды – языги и роксоланы и, последними в глубь страны, – гамаксобии и скифы-аланы» (Алемань 2003: 148). И далее следует комментарий А. Алеманя: «Согласно тексту, роксоланы занимали северное побережье Азовского моря, а далее на север находились гамаксобии и алавны-скифы... Аорсы помещаются вблизи Балтийского моря (=Рижский залив), слишком далеко к северу» (Алемань 2003: 149).

Повествуя об азиатской Сарматии, т. е. о территории между Доном и Волгой, Птолемей не упоминает аланов, хотя говорит об асах. Зато в одной из глав сочинения, в которой автор касается Центральной Азии от Гиндукуша и Гималаев до Волги, мы находим достаточно много сведений об аланах: а) «горы Скифии на этой стороне горы Иманон – так называемые

Аланские и, далее к востоку, Гиперборейские»; б) «вся область к северу от этой Скифии, вблизи неизвестной земли, разделена между так называемыми аланами-скифами, субенами и аланорсами». Там же упоминаются разные народы, в том числе асиоты и аорсы; в) ниже, к югу, источник называет и «Аланские горы». Весьма интересен для нас комментарий А. Алеманя: **Аланские горы – это, по-видимому, горы Мугоджары в степях Казахстана, естественное продолжение Южного Урала к северо-востоку от Каспийского моря. Аланорсы, конфедерация алан и аорсов, возможно с «неарийскими» народами аланами-скифами, живут севернее этой Скифии, к востоку от Волги; аорсы и их соседи асиоты, с другой стороны, обнаруживаются снова слишком далеко, около яксартов, народа у Сыр-Дарьи** (Алемань 2003: 151).

Таким образом, для нас чрезвычайно важно вытекающее из всего вышесказанного заключение: **Аланские горы находятся на территории современного Казахстана, на северо-восточном побережье Каспийского моря, и, следовательно, здесь же находился ареал первоначального расселения аланов. Не менее значителен и другой вывод: аорсы обитали южнее аланов, у реки Сыр-Дарья.** Кем были аорсы по происхождению – ирано-язычными племенами или представителями другого этнического мира – это на данный момент не имеет для нас существенного значения.

Остановимся подробнее на сочинении знаменитого греческого географа Страбона (64/3 г. до н. э. – 23 г. н. э.), являющегося первым автором, сообщающим нам о роксоланах и аорсах. **Греческий ученый, рассказывая о роксоланах, аорсах и языгах, говорит о них, как о населении, живущем в кибитках.** Роксоланы, согласно Страбону, самые северные племена (скифы), обитающие в долинах рек Танаис и Борисфен. Они кочуют в поисках пастбищ, зимуют в Меотидской низменности, а лето проводят в долинах (Алемань 2003: 155). Все ученые, комментирующие страбоновские сведения о роксоланах, отмечают, что греческий автор локализует их севернее Чора, между Днепром и Доном. Участие роксоланов под предводительством Таиса в военных походах, предпринятых понтийским царем Митридатом VI Евпатором против крымских скифов, подтверждает движение

скифов на юг (когда Страбон помещает их на побережье Азовского моря).

Заслуживают внимания сведения Страбона об аорсах: а) «Согласно этому распределению, первую часть (подразумевается Северная Азия. – Р. Топчишвили) от областей, лежащих на севере и в сторону к океану, – некие скифы, номады, живущие в кибитках; далее в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, которые простираются на юг до Кавказских гор; часть из них – кочевники, часть же – живущие в шатрах земледельцы». б) В конце первой части относительно Кавказа читаем: «Народы же, что следуют далее, между Меотидой и Каспийским морем, уже кочевники: набианы, пагианы и сразу за ними сираки и аорсы. Эти аорсы и сираки, кажется, являются изгнанниками племен того же имени, находящихся дальше к северу, причем аорсы – самые северные из них. Когда Фарнак правил Боспором, Абеак, царь сираков, мог выставить двадцать тысяч всадников, Спадин же, царь аорсов, – двести тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью и господствовали чуть ли не над наибольшей частью Каспийского побережья, так что вели торговлю перевозимыми на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидийцев; благодаря богатству они носили золотые украшения. Аорсы, кроме того, живут по течению Танаиса, а сираки – по течению Ахардея, который течет с Кавказа и впадает в Меотиду» (*Алемань 2003: 156–157*). Комментарий А. Алеманя следующий: «Главным источником этих двух пассажей является, по-видимому, Посидоний. Локализация аорских племен – между Доном и северо-западным побережьем Каспийского моря – более правдоподобна, чем у Птолемея, – около Балтийского моря и Сыр-Дарьи». В то же время автор допускает мысль о наличии двух главных групп аорсов, хотя они не были разделены: «Сираки, также сарматский народ, жили, по-видимому, к северо-западу от Ставрополя, в долине реки Егорлык, притока Маныча, который в свою очередь впадает в нижнее течение Дона» (*Алемань 2003: 158*).

Аланы не раз упоминаются в латинских источниках VI–IX веков, но последние для нас менее значительны, поскольку авторы этих источников в основном повторяют сведения, уже известные из сочинений предшествующих авторов. Исключение составляют только сочинения франкского историка Григория Турского и

Иордана. После VI века аланы исчезают из поля зрения западных европейцев, поэтому особый интерес у нас вызывает «История готов» Иордана (VI век), бывшего по происхождению готом. Иордан является единственным, после Аммиана Марцелина, автором, повествующим о покорении аланов гуннами. По его сведению, аланы пришли в Паннонию, оттесненные гуннами, приблизительно в 380–385 годах (*Алемань 2003: 189*). После битвы близ Недао некоторые группы варваров потребовали у императора места для поселения: «Скиры, садагари и некоторые аланы со своим вождем по имени Кандак получили Малую Скифию и Нижнюю Мезию» (*Алемань 2003: 194*). Это произошло приблизительно в 450–460 годах. Историки затрудняются локализовать реку Недао. Предположительно, битва при Недао имела место в 454/5 году, и в ней аланы выступали союзниками гуннов.

Заслуживают внимания латинские литературные памятники XIII–XIV веков. Монах-францисканец Бенедикт Поляк, бывший спутником Платона Карпини в путешествии по Монголии, в Каракорум, в своем кратком отчете пишет: «В апреле 1246 г., после отъезда из ставки принца Бату на берегах Волги, францисканцы покинули земли, населенные команам (т.е. кипчаками. – Р. Топчишвили)». В записи о путешествии миссионеров через эту область сообщается: «Братья, которые шли через Команию, имели справа от себя землю саксинов, которых мы считаем готами, и которые являются христианами; далее аланов, которые христиане; затем газаров (т.е. хазар. – Р. Т.), которые христиане; в этой стране находится Орнам, богатый город, который татары захватили, затопив его водой; затем чиркассов (т.е. Черкесов. – Р. Т.), которые христиане; далее, георгианов, которые христиане» (*Алемань 2003: 208*). По замечанию А. Алеманя, под «Команией» мы должны понимать русские степи между Днепром и Уралом и территории, расположенные южнее Урала. Этот маленький отрывок из отчета Бенедикта Поляка заслуживает внимания с той точки зрения, что в нем, на наш взгляд, с абсолютной точностью определен ареал расселения этносов в Южной Руси в середине XIII века. По пути в Монголию францисканцы прошли земли, населенные кипчаками. Справа от кипчаков, т.е. южнее их, обитали готы, аланы, хазары, черкесы и, наконец, грузины. **Предки современных осетин – аланы – локализованы между готами и хазарами.** Как известно, готы в те времена населяли Крым и северное побережье Черного

моря, а по соседству с ними, т. е. в Приазовье и в степях Северного Кавказа, жили аланы. В северокавказских степях с аланами соседствовали также потомки тюркоязычных хазар, к югу от них обитали черкесы, а еще южнее черкесов, на южных склонах Главного Кавказского хребта, – грузины. Весьма значительно то обстоятельство, что в указанный период (в 1246 году) аланы-осетины по-прежнему жили в северных долинах и что их поселений вблизи Кавказских гор еще не было.

Приблизительно в 1440 году Фра Ц. Де Бридиа переписал сочинение, написанное в 1247 году неизвестным автором, возвращающимся вместе с Плано Карпини из Каракорума. В сочинении упоминаются и аланы. В частности, здесь речь идет о том, что Чингисхан посылает своего старшего сына Джучи на покорение команов (кипчаков), проживавших в западном направлении. В источнике команы упоминаются как господствующие над азами (асами). В следующем отрывке аланы упоминаются вместе с газарами (хазарами): «...и [Бату – Батый, сын Джучи] пошел на Орнас, очень большой город, полный христиан, а именно газаров и аланов, а также различных сарацин из разных земель. Город стоял на реке, которая питала обширный участок моря и пересекала город. Татары запрудили верхнее течение реки, а затем открыли путь бурному течению воды, и она затопила город со всем, что в нем было» (*Алемань 2003: 209*). Аналогичное сведение находим в записях Плано Карпини. Таким образом, и в данном пассаже аланы упоминаются как жители равнины (низменности). В указанном источнике есть еще одна интересная информация: среди покоренных татарами народов упоминаются и аланы, «которые называют себя азаами» (*Алемань 2003: 210*). Подобное сведение имеется у того же Плано Карпини. Исходя из приведенной цитаты, этноним «алан» для аланов являлся экзоэтнонимом (т. е. внешним наименованием, которым их называли другие этносы).

Для локализации страны аланов определенное значение имеет еще один отрывок из данного источника: «И когда сын Угедэя, двоюродный брат Бату, возвратился, тайно узнав о смерти своего отца, то на обратном пути завоевал страны газаров и аланов, затем страну †Th 'et и, наконец, страну тартаров. Это земли христианские, но разных языков, и находятся на юге, близ моря» (*Алемань 2003: 210*). Из приведенного эпизода явствует, что **страна аланов находится по соседству со страной хазар, к югу**

от нее, у моря. А этим морем, несомненно, является Азовское море, вблизи которого и располагалась страна аланов. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что под указанным морем А. Алемань подразумевает не Азовское, а Каспийское или Черное море.

Несколько значительных сведений по интересующей нас проблеме находим у вышеупомянутого итальянского монаха-францисканца Джованни дель Пиано Карпини (Иоанна де Пано Карпини), побывавшего в Каракоруме в 1246–1248 годах. Он тоже говорит о затоплении города Орнас: «Этот город был чрезвычайно многолюдный, ибо было много христиан, а именно газар, русских, аланов и других, а также сарацинов; однако власть над городом принадлежала сарацинам» (*Алемань 2003: 211*). Далее Пано Карпини говорит о покорении монголо-татарами двадцати двух народов, в том числе «аланов и ассов» (*Alani sive Assi*). Там же он подчеркивает, что некоторая часть аланов все не подчинялась монголам, продолжая оказывать им ожесточенное сопротивление. Заметим, что Пано Карпини является первым автором, упоминающим, наряду с расселенными на низменности аланами, аланов, живущих в горах: «...ибо, когда [монголы] приступают к осаде крепости, то осаждают ее много лет, как это происходит ныне с одной горой в земле аланов, которую, как мы полагаем, они осаждали уже двенадцать лет; но те оказали мужественное сопротивление и убили много татарских воинов и вельмож» (*Алемань 2003: 212–213*). На какой же конкретной территории кавказского нагорья аланы-осетины отбивались от натиска монголо-татар? Вероятно, здесь имеются в виду Центральный Кавказ или Западный Кавказ – территории современных Балкарии и Карачая, где аланы-осетины уже проживали приблизительно с VI–VII веков. Не исключено и то, что в «горной земле» аланов подразумевается какой-либо предгорный участок Северного Кавказа.

Приведем еще один интересный пассаж из сочинения францисканца, в котором опять-таки идет речь о соседстве аланов и команов: «Страна команов (*Comania*) граничит на юге с аланми, чиркассами, газарами, Грецией, Константинополем, а также с землей иберов, с татами, брутахиями, о которых говорят, что они иудеи и бреют голову, – и с землей зикков [западные черкесы], и с георгианами, арменами, и землей турков» (*Алемань 2003: 214*).

Естественно, у Платона Карпини несколько аморфное представление о народах и странах, расположенных южнее территории расселения команов и аланов, поскольку он перечисляет их на основе свидетельств прежних авторов; однако Карпини фактически не ошибается в отношении кавказских соседей команов, **локализуя аланов в том же ареале, на который указывали его предшественники, – в степях Северного Кавказа. Ареал расселения аланов приходился между кипчаками и черкесами**, южнее которых жили грузины, хотя последних он упоминает под двумя разными этнонимами – «иберы» и «георгианы».

Фламандский францисканец Гийом де Рубрук был послом французского короля Людовика IX в Монгольской империи. Он оставил нам заметки о своем дальнем путешествии в 1253–1255 годах. По справедливой оценке ученых, записи Гийома де Рубрука имеют определенное значение не только с исторической, но и с антропологической, этнологической и географической точек зрения. Значительное место в них уделяется и аланам.

Первый пассаж: «Татарин Скататай, князь Крымской провинции (Gazaria), спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс, то есть кобылье молоко. Ибо находящиеся среди них христиане – русские, греки и аланы, которые хотя крепко хранить свой закон, не пьют его и даже не считают себя христианами, когда выпьют...» (*Алемань 2003: 215*). Таким образом, согласно сочинению Рубрука, аланы находились в подчинении крымчан (хазар), населяли Крымскую провинцию.

Второй пассаж: «...накануне Пятидесятницы [7 июня 1253 г.] пришли к нам [в Крым] некие аланы, которые именуются там аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем есть мяса, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего, имеющего отношения к христианскому обряду, за исключением только имени Христова» (*Алемань 2003: 216*). Небезынтересно и то обстоятельство, что аланы ничего не продавали на золото и серебро, а только обменивали на ткани продукты питания. Причем, из последних

аланы предлагали только коровье молоко, которое, по словам путешественника, было кислым на вкус и имело специфический запах.

Третий пассаж: «Из Крыма они [аланы] прибыли в большую степь, в ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат, немцы же называют их валанами, а область Валанией. **Исидор же называет страну от реки Танаида до Меотидских болот и Данубия Аланией**» (*Алемань 2003: 217*). (Исидор был епископом Севильи в начале VII века, и в его сочинениях мы находим важные исторические сведения об аланах. – Р. Т.). Таким образом, некогда господствовавшие в южнорусских степях аланы были притеснены кипчаками, и, соответственно, страна Алания стала называться страной кипчаков.

Четвертый пассаж: «К югу у нас были величайшие горы [sc. Кавказ], на которых живут по бокам, в направлении к пустыне (т.е. степи. – Р. Топчишвили), черкисы и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар» (*Алемань 2003: 217*). В этом отрывке для нас важно то, что в XIII веке аланы-осетины жили в степной полосе и все еще не покорялись монголо-татарам.

Пятый пассаж: «К западу от Каспийского моря находятся Аланские горы, лесги, Железные Ворота и горы георгианов... Вся эта страна от западной стороны того моря, где находятся Железные Ворота Александра и горы аланов, до северного океана и Болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно назывались Албанией [=ошибочно, вместо Алания!]]» (*Алемань 2003: 218*). Таким образом, в середине XIII века евразийское пространство по-прежнему называлось Аланией. И главное, Кавказские горы названы «горами георгианов» (т. е. грузинскими) и упоминаются отдельно от «гор аланов», следовательно, это совершенно разные горы.

Возвращавшиеся с востока на запад послы французского короля прошли вдоль по течению Волги и побывали в городе Золотой Орды Сарай, в котором жили аланы и сарацины.

Шестой пассаж: «11 или 15 ноября 1254 г. брат Виллем прибыл на Кавказ... Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения стад на равнине, которая простирается между

владениями Сартаха, аланами и Железными Воротами, отстоящими оттуда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка. Между морем и горами живут некие саррацины, по имени лесги, горцы, которые также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас до Железных Ворот...» (Алемань 2003: 219).

По справедливому замечанию А. Алеманя, **«Железные ворота» – это Дербент на территории Лезгистана. Здесь ни в коем случае не подразумевается «Дарьял», поскольку по прохождении этих ворот никто не попадал в страну виноградников и виноделия.**

Для нашего исследования определенный интерес представляют сведения, содержащиеся у архиепископа Султании (северо-западной провинции Ирана) Иоанна III. В заметках архиепископа, написанных в 1404 году на основе его путешествия, зафиксировано много исторических и этнографических сведений о народах Северного и Южного Кавказа: «В этой стране [Великой Татарии] много христиан, а именно: греки, много армян, зики (Ziqui), готы (Gothi), таты (Thati), влахи (Volathi, Valaci), русские, черкесы (Tarcazi), леки (Ivlati), асы (Assi), аланы (Alani), авары (Avari), казикумыки (Kuminqui), и почти все они говорят на татарском языке» (Алемань 2003: 222). Автором, по сути, представлена этническая палитра Южной Руси и Северного Кавказа того времени. Примечательно, что аланы и асы у архиепископа упоминаются как разные народы. **Он отдельно описывает Грузию и добавляет: «Здесь живут различные народы, такие, как грузины (Jorgiani), армяне, сарацинцы и евреи, занимающиеся торговлей. На границах, в горах, живут двалы (Duelli), аланы, асы (Assi) и т. д.»** (Алемань 2003: 222). По комментарию А. Алеманя, «что касается Duelli, – это, по-видимому, Twaltae или южные осетины». К сожалению, при идентификации двалов и южных осетин зарубежный автор опирается на негрузинских исследователей. Ему не известно, что двалы никакие не осетины и никогда ими не были. И главная ошибка: перечисляя народы, он называет аланов и асов (осетин) после двалов в пределах Грузии. **Согласно приведенному Алеманем источнику, двалы живут у северной границы Грузии, в горах, а аланы-осетины – подальше от границ внутри страны, в чем автор, путешествовавший на Кавказе, конечно же, не прав: в начале**

XV века ни на территории исторической, ни на территории современной Грузии аланы-осетины еще не проживали.

Придворный священник венгерского короля Ласло IV Шимон Кезаи написал историю Венгрии с мифологических времен до 1282 года. В дополнении к этому источнику говорится и об аланах: в 1239 году венгерский король Бела IV разрешил команам (кипчакам) во главе с вождем Котеном, спасающимся от монгольского ига, поселиться в Центральной Венгрии. Предположительно, среди пришлых племен (около 40 тысяч «кибиток») были и группы аланов. Вероятно также, что одна группа аланов пришла в Венгрию самостоятельно, без кипчаков. Постепенно, на протяжении нескольких поколений, проходила их ассимиляция с местным населением. Георг Вернер из Силезии в 1543 году писал: «Сегодня в Венгрии все еще существует народ языгов, которые называют себя сокращенным именем *Jáz*, и сохраняет свой природный и особый язык, который отличается от венгерского» (Алемань 2003: 226).

По свидетельству историка Ференца Фориша, в 1693 году уже все ясы говорили на венгерском языке. Занимаемая ими область поныне называется Яшиг (Куншаг – ср. «Cumania») и расположена к востоку от Будапешта, между Дунаем и Тиссой. В приложении к сочинению того же венгерского летописца читаем, что в 1323 году в Юаньской империи «также есть там добрые христиане, называемые аланы, тридцать тысяч которых получают жалованье от Великого царя [монгольского императора]» (Алемань 2003: 228).

Значительные сведения содержатся в византийских источниках. Византийский историк Агати́й (ок. 536–582 гг.) подробно рассказывает историю Колхиды 552–558 годов, в частности, пишет о восстании мисимиан. Согласно источнику, к северу от мисимиан (на Северном Кавказе) была граница с аланами – переход в страну аланов находился в верхнем течении реки Гипус (=Кодори) (Алемань 2003: 238). Наряду с обитавшими по ту сторону Кавказского хребта аланами, в источнике упоминаются и сваны.

Сын византийского императора Льва VI Мудрого Константин VII Багрянородный родился в 905 году и самостоятельно правил империей в 945–949 годах. Его сочинение также содержит сведения об аланах. В десятой главе сочинения, повествуя о хазарах, Константин отмечает: «...поскольку девять областей

Хазарии прилегают к Алании, и аланы, если они хотят, могут грабить их и таким образом причинять большой ущерб и бедствия, потому что вся жизнь и изобилие Хазарии зависят от этих девяти областей» (*Алемань 2003: 240*). В одиннадцатой главе «О крепости Херсон и крепости Боспор» читаем: «Известно, что эксусиократор (правитель. – Р. Т.) Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу с императором ромеев, и если хазары не желают хранить мир и дружбу с василевсом, он может причинить им много вреда, устраивая засады на их путях и нападая на них врасплох при переходах к Саркелу, областям и Херсону. И если этот эксусиократор постарается перекрыть их путь, то Херсон и области пользуются длительным и полным миром; ибо хазары, опасаясь нападения аланов и будучи не в состоянии идти с войском на Херсон и области, не имея сил воевать против тех и других в одно и то же время, будут вынуждены соблюдать мир» (*Алемань 2003: 240*).

Отдельную главу византийский историк уделяет печенегам и отмечает, что их области «находятся за рекой Днепр по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и остальных областей. Другие четыре рода располагаются по эту сторону реки Днепра». Затем добавляет: «...земля печенегов находится в пяти днях пути от Узии и Хазарии, от Алании – в шести днях, от Мордии – в десяти днях, от России – в одном дне, от Венгрии – в четырех днях, от Булгарии – в половине дня пути» (*Алемань 2003: 241*).

42-я глава сочинения Константина посвящена географическому описанию территории между Дунаем и Кавказом: «**За Касаксией находятся Кавказские горы, а после этих гор – страна Алания.** У побережья Зихии имеются острова, один большой остров и еще три... где зихи укрываются во время набегов аланов» (*Алемань 2003: 241–242*). **По свидетельству византийского автора X века, Алания находится за Кавказскими горами.** Еще один пассаж: «Печенеги населяли область Леведию, к северу от Азовского моря, откуда они были изгнаны венграми около 900 г., и находились в шести днях пути от Алании» (*Алемань 2003: 243*).

Интересные сведения содержатся в сочинении Прокопия Кесарийского (VI век). Он описывает богатую событиями эпоху византийского императора Юстиниана (527–565 гг.). Пассаж первый: «Река Воас (Чорохи? – Р. Т.) берет свое начало где-то у

Цаники (Чаники? – Р. Т.), из пределов армян... где направо лежат пределы ивиоров, а прямо напротив оканчивается гора Кавказ. Здесь обитают, среди многих других народов, аланы и авасги, которые являются христианами и друзьями ромеев; также зихи и, за ними, гунны, называемые савирами» (Алемань 2003: 264). Пассаж второй: «Всю страну, которая простирается от горы Кавказ до Каспийских Ворот, населяют аланы, народ независимый, из которого большая часть является союзниками персов и выступает против ромеев и других их врагов» (Алемань 2003: 264). Пассаж третий: «За пределами авасгов по горе Кавказа обитают врухи, которые находятся между авасгами и аланами» (Алемань 2003: 265).

Таким образом, и согласно сведениям Прокопия, в VI веке граница страны иберов проходила по Кавказскому хребту, по ту сторону которого проживали аланы. Источник подтверждает проживание в горах Кавказа, вслед за зихами (т. е. джиками), савиоров, или гуннов, что является неоспоримым историческим фактом, поскольку и сегодня горцы Западной Грузии – сваны – савиарами именуют проживающих на Кавказе балкарцев. По нашему глубокому убеждению, в V–VI веках в окрестностях Эльбруса аланы расселились вместе с савирами (гуннами). С течением времени гунны претерпели деэтнизацию, и их этноним был перенесен на тюркоязычных балкарцев, пришедших сюда несколько позднее, после монголо-татарского нашествия. Именно результатом совместного проживания в нагорье Кавказа аланов и савиоров, вероятно, является то обстоятельство, что вышеназванные грузинские горцы этноним «савиар» иногда применяли и в отношении осетин. «Врухи», обитающие между абхазами и аланами, – это, по всей видимости, народ адыгского происхождения убыхи, как справедливо полагают некоторые ученые (Томашек, Лавров).

Сведения об аланах имеются у монаха-летописца Феофана, скончавшегося в 818 году и написавшего «Хронографию» (810/1–814/5 гг.). Пассаж первый: «...в 6064 г. от сотв. мира (571/72г.) гунны, которых мы обыкновенно называем турками, направили к Юстину посольство через земли аланов». Пассаж второй: в 717–741 годах «...Юстиниан послал его в Аланию с деньгами, чтобы поднять аланов против Авасгии, так как сарацины подчинили Авасгию, и Лазику, и Иверию. Прибыв в Лазику, он

оставил деньги на хранение в Фасисе и, взяв с собой нескольких местных жителей, **отправился в Апсилию, перешел Кавказские горы и прибыл в Аланию»** (Алемань 2003: 270). Примечательно, что правитель Авазгии (Абазгии) называет аланов соседями. Согласно летописцу, **между абазгами и аланами есть горный переход**. Аланы же нападают на Абазгию и истребляют ее население, а многих берут в плен, переводя их через перевал. Таким образом, **из Апсилии, Абазгии был переход через Кавказские горы в Аланию**. По свидетельству Феофана, Абазгия, Лазика и Иберия находились в руках сарацин (арабов), и тем самым был блокирован путь из Алании в Римскую империю.

Вместе с грузинами аланов упоминает греческий историк и государственный деятель, афинянин Лаоник Халкокон (ок. 1432–1490 гг.), написавший историю о периоде с 1298 по 1463 год. **Автор считает Себастополь (нынешний Сухуми. – Р. Т.) мегрельским городом, входящим во владения феодалов Дадияни.** «С городами верхней Иверии граничат аланы, гунны и эмбы. Аланы, по-видимому, простираются до подножия Кавказа» (Алемань 2003: 301).

Богослов и писатель XII века Никифор Василак пишет об аланах: «Там, у подножья высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветком скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев» (Алемань 2003: 305).

В первой половине XIII века епископ Алании Феодор, путешествовавший по Крымскому полуострову, побывал в Херсоне (современный Севастополь). Он пишет: «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно новое ограждение и охрана города...» (Алемань 2003: 313). Автор указывает на поселение аланов около Херсона и там же добавляет, что ареал расселения этого племени простирается до предгорий Кавказа и что «аланы христиане только по имени». Таким образом, **в XIII веке аланы все еще обитают на равнинной части Кавказа и в Северном Причерноморье.**

В VII веке, когда арабы вторглись в восточные районы Южного Кавказа, Кавказ был разделен на две части. Если в Северном Кавказе преимущественно обитали кочевые племена, то в более развитом и цивилизованном Южном Кавказе был распространен оседлый образ жизни. С этого периода Кавказ

превращается в арену борьбы двух больших монотеистических религий. В арабских литературных источниках содержится немало интересных сведений о народах Кавказа, в том числе об аланах. Согласно одному документу IX века, царство дагестанских хундзов (аваров) находилось между страной аланов и Дербентом (*Алемань 2003: 325*). **«Иранец ал-Бируни (973–1050 годы) говорит о «племени аланов и асов», которые населяли бывшую «землю печенегов» в нижнем течении реки Амударья, между Хорезмом и Гурганом, но из-за изменений в расположении русла реки переселившихся вместе с печенегами на побережье Каспийского моря»** (*Алемань 2003: 333*). Согласно ал-Бируни, в то время их (аланов) язык представлял собой смесь хорезмского и печенежского языков. А. Алемань там же замечает, что это один из редких случаев, когда аланы зафиксированы на восточном побережье Каспийского моря. Каталонский автор признает это сведение достоверным, поскольку ал-Бируни являлся уроженцем хорезмского города Кыта (Бируни). Мы полагаем, что это те аланы, которые сформировались в результате смешения ираноязычных аланов с тюркоязычными печенегами и которые в конце концов отюркились и поселились на территории современного Туркменистана под этнонимом «аланы». Во времена ал-Бируни их язык еще был смешанным, но, в конечном счете, как и на всей территории Средней Азии (за исключением Таджикистана), победила тюркская речь. Из приведенного сведения хорошо видно, что тюркизация ираноязычного населения в Средней Азии продолжалась довольно длительное время и завершилась, фактически, в XI веке. Так что, **аланский этнос достаточно долго обитал на территории современной Средней Азии, на своей изначальной этнической родине.**

По информации арабского историка и богослова ал-Дахаби (1274–1348 гг.), «в 105 г.х./724 ал-Джаррахб, Абд Аллах ал-Хаками вторгся в Хазарию через Дарьяльский путь ... и на следующий год собрал подати с аланов, как подушную, так и поземельную» (*Алемань 2003: 334*).

В сочинении «Избранное из времен о чудесах суши и моря» арабского автора ал-Димашки (скончался в 1327г.), повествуется: «...к западу от Каспийского моря шестой климат включает землю аланов, дагестанских аварцев, землю дунайских болгар, Грузию, Крымское море и Сугдайу» (*Алемань 2003: 334*). «Татары, про-

двигаясь по побережью Черного моря, уничтожили племена аланов, западных черкесов, русских, венгров, башкиров и кипчаков» (Алемань 2003: 335). Следующий пассаж: «**Аланы и дунайские болгары, так же как и западные черкесы, граничат с русскими** и, как считается, являются их братьями; все они – христиане». «Аланы также находятся в пятом климате – который является чрезвычайно холодным» (Алемань 2003: 336).

Арабский историк Ибн ал-Асир (1160–1233 гг.) предоставляет нам интересные сведения о вторжении монголо-татар на территорию аланов: «В 1222, после нападения на лесгов, татары двинулись на территорию аланов. Узнав об этом, те обратились к кипчакам за помощью, и вместе с ними встретили захватчиков в сражении. Однако, ни одной из сторон не удалось одержать победы. Тогда татары послали к кипчакам вестников, взывая к тюрко-монгольскому братству и предлагая им часть предыдущей добычи в обмен на их отступничество: «Мы с вами – одного рода, эти же аланы вам не родня, даже по религии они являются христианами, а вы другой веры». Так между ними было заключено соглашение о ненападении, и, получив товары, о которых было уговорено, кипчаки ушли. Сразу после этого, татары напали на аланов и перебили их, совершая все виды злодеяний, грабя и захватывая пленников. Однако, они не сдержали свое слово и беспощадно обрушились на кипчаков, которые, доверяя соглашению, разошлись и, оказавшись застигнутыми врасплох, были вынуждены искать убежища в горах и болотах» (Алемань 2003: 337). Так в 20-х годах XIII века завершилось продолжительное господство тюркских кипчаков (команов, половцев) в южнорусских степях, пришедших сюда в середине XI века. Тем не менее, кипчаки по-прежнему составляли основное этническое ядро Золотой Орды. С этого периода начались коренные этнические изменения на Кавказе.

Арабский путешественник и писатель Ибн Баттута (1304–1368 гг.) в 1333 году побывал в ставке хана Золотой Орды Узбека. Повествуя о столице Орды Ал-Сарай (Сарай Ал-Жедид), он отмечает, что здесь живут шесть разных народов: монголы, представляющие собой собственно жителей страны и ее султанов – некоторые из них мусульмане; аланы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и другие западные народы, которые все

христиане. Каждый из них живет в своем районе города, и у каждого свой базар.

Тунисский историк Ибн Халдун (1332–1406 гг.) пишет: **«К северу от Каспийского моря лежит земля хазаров и аланов»** (*Алемань 2003: 341*). «В восточной части пятой секции шестого климата находится страна аланов с ее главным поселением Савтали, расположенным на Черном море; на севере, в шестой секции того же самого климата, находится остальная часть страны аланов, которая здесь расширяется, простираясь на север». «На севере мира есть отдельные народы и многочисленные племена, называемые различными именами: тюрки, славяне, тогуз-огузы, хазары, аланы...» (*Алемань 2003: 341*).

Арабский географ Ибн Руста в своем сочинении, написанном в 903–913 годах, сообщает: **«Путешествуя в левую сторону (на запад) от царства дагестанских аварцев, три дня странствуешь среди гор и лугов, чтобы дойти до царства аланов. Царь аланов – христианин в сердце, но все люди, населяющие его царство, – язычники, поклоняющиеся идолам. Затем проходишь расстояние в десять дней пути среди рек и лесов и достигаешь крепости, называемой «Аланские ворота».** Она стоит на вершине горы, у подножия которой проходит дорога; крепость окружена высокими горами. Тысячи людей из числа ее обитателей охраняют ее стены днем и ночью. Народ аланов состоит из четырех племен» (*Алемань 2003: 343*). У этого арабоязычного автора X века находим важнейшее для нашего объекта исследования сведение, не встречающееся ни у одного другого автора, а именно: **от страны аланов до Дарьяла десять дней ходьбы, а это означает, что аланы были расселены довольно далеко от горных и предгорных районов Кавказа – на низменности данного региона, в степях.**

Более интересные сведения содержатся в сочинении другого арабского историка и путешественника ал-Масуди (скончался в 956 г.): **«Царство аланов граничит с дагестанскими аварцами. Между царством аланов и Кавказом (в Дарьяльском ущелье) есть так называемый Замок Аланских ворот и мост на большой реке (Терек). Эта твердыня была построена персидским царем Исандийаром б. Биштасфом, который оставил там гарнизон, чтобы препятствовать аланам доходить до Кавказа»** (*Алемань 2003: 347*). Следующий пассаж: «Правитель аланов – могуществен-

ный, очень сильный и влиятельный среди царей, может выставить 30 000 всадников. Его владения состоят из непрерывного ряда поселений, расположенных настолько близко друг к другу, что если кричат петухи, то они откликаются друг другу от одной стороны царства до другой...». «Между Кавказом и Каспийским морем сасанидский царь Кисра Ануширван построил город Дербент и стену от моря до крепости, именуемой *Табарсаран*, чтобы создать непроходимый барьер против вторжений хазаров, аланов, различных тюрков, аваров и других неверных» (*Алемань 2003: 349–350*). Последующий пассаж: «По соседству с царством аланов, между Кавказом и Черным морем, живут черкессы; аланы превосходят могуществом этот народ, который не мог бы справиться с аланами, если бы не имел для защиты укреплений на морском побережье» (*Алемань 2003: 350*). Вывод из всего этого может быть однозначным: **в X веке аланы были соседями черкесов, а не вайнахов**. Автор подчеркивает слабость черкесов по сравнению с аланами и пишет: «Причиной их слабости по отношению к аланам является их нежелание назначить царя, чтобы он правил ими; иначе ни аланы, ни какой-либо другой народ не могли бы устоять перед ними». «К западу от страны хазаров и аланов находятся четыре тюркских народа, каждый с собственным царем, которые живут в мире с царем хазаров и правителем аланов». «Около страны аланов живет народ абхазов, которые являются христианами и имеют своего царя; их территория простирается до самого Кавказа, но они недостаточно сильны, чтобы бороться с аланами» (*Алемань 2003: 351*).

Замечательный знаток этносов евразийских степей Лев Гумилев в своем труде, посвященном хазарам, говорит и об их соседях в VII–VIII веках: «Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и булгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар». И далее: «**Но эти степи были не нужны уграм... и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном**» (*Гумилев 2002: 388*).

В заключение, нельзя не отметить одно важное обстоятельство. На основе сочинения ал-Масуди А. Алемань резюмирует, что «различные народы, проживающие в горах Кавказа, прибыли из Ару и являются потомками Амура б. Тубила б. Йафита б. Нуха (библейская генеалогия): лесги, аланы, хазары, абхазы, аварцы и черкесы» (*Алемань 2003: 351*).

Аланы часто упоминаются также в иранских, армянских, монгольских, русских и, главное, китайских источниках. Но на данный момент они не имеют для нашей темы существенного значения.

На основе всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

I. Этногенез ираноязычных аланов, предков современных осетин, вернее, одних из предков, произошел на территории Средней Азии. Ареалом их первоначального расселения являлась территория от Гиндукуша и Гималаев до Волги. Упоминаемые в источниках «горы аланов» – это не что иное, как горы Мугоджары Южного Урала (территория современного Казахстана). Что касается аорсов, согласно источникам, они проживали южнее аланов, у реки Сыр-Дарья. Часть оставшихся в древних поселениях аланов, известных под тем же названием – аланы, но со временем отюркившихся, обитала в Средней Азии до конца X века. Кочевые племена аланов впервые упоминаются в китайских источниках II в. до н. э., и, согласно последним, ареал их расселения не выходит за пределы восточного побережья Каспийского моря. В поле зрения классических авторов аланы впервые попадают только в I в. н. э., после того, как они начали кочевать в европейской части евразийского пространства, отделившись от азиатских аланов.

II. С I века нового тысячелетия аланы все больше стали перемещаться к западу, кочуя в степях нынешней Южной России и Украины. С конца IV в. н. э. аланы и родственные им племена, вместе с примкнувшими к ним и признанными аланами другими этносами, фактически теряют указанный ареал обитания.

III. Своего рода переломной вехой в истории аланов явились 70-е годы IV в. н. э., когда в ареал их кочевания (с Северного Прикаспия до Азовского моря) стали вторгаться гунны, что повлекло за собой перемещение аланов. Одна часть аланов вместе с гуннами и различными германскими племенами отправляется на набеги на Западную Европу; другая часть расширяет ареал своего кочевого обитания до Дуная; третья поселяется в низменной части Северного Кавказа и создает государственное образование, с которым грузинское государство имело длительные отношения. После нашествия гуннов аланы расселяются не только на северокавказской низменности, но и вместе с частью гуннов (савиарами) – в горах, в Приэльбрусье. Здесь с аланами

(осетинами) непосредственно граничат грузинские горцы – сваны и абхазы.

IV. Обитавшие в долинах Северного Кавказа аланы в раннее средневековье были соседями тюркоязычных хазар и кипчаков. Аланы жили также в Крыму, соседствуя, до вторжения монголов, с обитавшими в Крыму и Северном Причерноморье готами. В эти же века местом зимовья аланов являлась Меотия (Приазовье). Что касается южных и северных рубежей, до монгольского нашествия с аланами на севере граничили половцы, а с юга – черкесы. Местом обитания тогдашних половцев являлись именно те земли, на которых между I–IV веками (до вторжения гуннов) жили аланы.

V. Распространенное мнение о том, что «Дарьял» – алано-осетинское слово, означающее проход к территории, заселенной аланами, не соответствует истине. На самом деле государство равнинных (степных) аланов-осетин находилось довольно далеко от Дарьяла, приблизительно в десяти днях ходьбы. «Дарьял» – название, данное этому месту иранцами и действительно означающее проход в страну аланов. Возникновение этого названия было обусловлено тем, что в то время аланы были единственным на Северном Кавказе народом, имевшим свое государственное образование. Другие местные кавказские этносы, обитавшие преимущественно в горах, были малоизвестны иностранным авторам.

VI. Новый перелом в жизни аланов-осетин начинается после монгольского вторжения. Несмотря на стойкое и продолжительное сопротивление аланов, монголам все-таки удалось сломить их. Они разбили также половцев, живших к северу от аланов-осетин, и отныне ареал расселения обоих этих этносов радикально меняется. В XIII в. аланы-осетины по-прежнему оказывают сопротивление монгольским завоевателям, хотя с середины этого века уже началось заселение ими (аланами) горных районов Центрального Кавказа. Миграция основной части аланов-осетин в горные ущелья Кавказа произошла в XIV–XV вв. (здесь мы не имеем в виду дигорцев – потомков аланов, пришедших в горы в VI–VII вв.). После этого равнинные аланы-осетины («степняки») становятся горцами, осваивая территории коренных, кавказских горцев, смешиваясь с ними и с ногайцами (народом частично монгольского происхождения), в результате чего фактически формируется новый этнос. Вследствие вышеуказанного этногенетического процесса в языко-

вом плане побеждает аланский (осетинский) язык иранской группы, а в сфере этнической культуры – местная, кавказская культура. Этногенетические процессы продолжались еще долгое время после миграции аланов-осетин в горы Кавказа, подтверждением чему служит ассимиляция ими в XVI–XVII вв. грузинских горцев – двалов. Более того, по свидетельству самих осетинских ученых (Б.Калоев), еще каких-то три-четыре поколения назад жители двалетского ущелья Заха (граничит с Трусом) были двуязычными – они говорили и на осетинском, и на грузинском языке, – что свидетельствует о продолжительном течении здесь этногенетического процесса.

VII. Аланы смешались со многими этносами евразийского пространства, в частности с европейцами, и в конечном итоге лишь меньшая часть тогдашнего довольно многочисленного народа аланов нашла пристанище в горах Кавказа.

VIII. На протяжении всего средневековья где только не обитали аланы-осетины – от Аму-Дарьи до Дуная (где поныне живут потомки ассимилированных с венграми аланов). Однако ни один источник не фиксирует аланов в Грузии. До вторжения монголов крайней южной точкой расселения аланов являлось предгорье Кавказа. Тот участок нагорья Северного Кавказа, который позже заняли аланы, до них населяли народы местного, кавказского происхождения, в том числе и грузинские горцы – двалы. В то же время надо сказать, что на протяжении всех средних веков аланы-осетины имели разного рода интенсивные отношения с грузинами. Установлено, что на территории как исторической, так и современной Грузии аланы появились довольно поздно: в Двалети, которую во второй половине XX в. осетинские ученые назвали Центральной Осетией, они поселились в XVI в., а в нагорье Шида Картли – с середины XVII в. Постольку, абсолютно безосновательны те мифологемы, согласно которым ираноязычные аланские (сарматские) племена являются коренным населением Грузии и что грузины отняли у них территорию Шида Картли, которая должна именоваться Сарматией. Исходя из рассмотренных источников совершенно очевидно, что территорией расселения аланских племен, признанных ответвлением сарматов, являются южнорусские степи и Южная Украина, расположенные довольно далеко от северокавказских степей.

IX. Согласно новым исследованиям, ранние аланы и ассы были абсолютно разными народами как на азиатском этапе развития, так и на европейском этапе формирования аланского этноса.

X. До вторжения гуннов аланы вели исключительно кочевой образ жизни – у них не было постоянных жилищ. Функцию последних у аланов выполняли кибитки (крытые повозки). Существовали они за счет грабежей, разбойных набегов и походов на другие народы. С этой целью они нередко нанимались также в услужение чужестранным правителям. Питались аланы мясными и молочными продуктами. Их переход к земледелию начался только в IV–V вв., после того как они осели в долинах Северного Кавказа. Как и у других кочевников, у аланов не было постоянного святилища (места, строения для молитвы). Они молились воткнутому в землю мечу. Перешедшие к оседлому образу жизни аланы со временем принимают христианство, но формально. После переселения в горы у аланов произошла фактическая реанимация язычества.

Литература

Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003.

Блиев 2006 – Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. – М., 2006.

Гумилев 2002 – Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – С-Пб., М., 2002.

Калоев 1999 – Калоев Б. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999.

Мизиев 1986 – Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории центрального Кавказа. – Нальчик, 1986.

Топчишвили 1997 – Топчишвили Р. Вопросы переселения в Грузию осетин и этноистория Шида-Картли. – Тбилиси, 1997. – Груз.

Топчишвили 2006 – Топчишвили Р. Грузино-осетинские этноисторические очерки. – Кутаиси, 2006.

ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ОСЕТИН

Ученые, исследующие вопросы этногенеза того или иного народа, прежде всего пытаются выяснить территорию и время его формирования, языковую принадлежность, антропологический тип, этническую культуру.

Кавказ населен как коренными, исконными кавказцами, так и пришлыми, мигрировавшими этносами. Неавтохтонные этносы поселились на Кавказе давно, и с течением времени они стали такими же кавказцами, как народы местного происхождения. Среди таких кавказцев Северного и Южного Кавказа сегодня можно назвать тюркоязычные и ираноязычные народы: азербайджанцев, кумухов, балкарцев, карачаевцев, осетин. Осетины живут как на Северном Кавказе, так и на Южном, в частности в Грузии. На территории Грузии осетинский этнос расселился довольно поздно, с середины XVII века (*Топчишвили 1997, Топчишвили 2009, Topchishvili 2009*). Осетины мигрировали сюда с гор Северного Кавказа. Установлено, что ираноязычные осетины не являются древнейшими исконными обитателями Кавказа.

В осетинской историографии предпринимаются попытки перенесения даты обоснования осетин на Кавказе (и в частности в Грузии) на весьма стародавние времена. Более того, обнаруженную здесь материально-археологическую культуру различных эпох объявляют принадлежностью ираноязычного народа, т. е. принадлежностью предков осетин. Возьмем, к примеру, так называемую кобанскую археологическую культуру. Все более или менее известные исследователи сходятся в том, что кобанскую культуру создали исключительно кавказцы и что ираноязычные аланы-осетины не имеют к ней никакого отношения. Для иллюстрации сказанного приведем отрывок из труда археолога В. Кузнецова: «На очерченной территории «скифского выступа» обитали (как и в горной зоне) аборигенные племена кобанской культуры, сформировавшейся еще в доскифское время (нижний хронологический рубеж – XII в. до н. э.) и генетически не связанной ни с древнеиранским миром вообще, ни со скифами в частности». «Согласно М. П. Абрамовой, и в сарматскую эпоху, т. е. III в. до н. э. – IV в. н. э., течение этнических процессов зависело от их приуроченности к той или иной ландшафтной зоне Центрального Кавказа: в горах продолжали обитать племена

позднекобанской культуры, характеризующейся устойчивостью древних традиций...» (*Кузнецов*). Однако осетинские ученые упорно заявляют, что их предки в те времена уже были обитателями Кавказа и что кобанская культура создана именно ими. Творцы мифологем истории особенно активизировались в последние два-три десятилетия. Цель очевидна: найти захвату чужих территорий историческое обоснование. Кроме того, они настаивают на том, что именно здесь, как на территории Северного, так и Южного Кавказа, произошел этногенез осетинского народа.

Где же реально произошло формирование осетинского этноса? Какие этнические компоненты слились вместе? У осетинских и русских ученых, работающих по этой проблематике, такой ответ на первый вопрос: на Кавказе. А относительно периода этногенеза осетин их версии радикально расходятся: одни связывают этот процесс с появлением на Кавказе аланов, другие более архаизируют его, считая предками современных осетин сарматов и скифов. Иначе говоря, начальный этап формирования осетинского народа эти ученые связывают с появлением на Северном Кавказе скифов в VII веке до н. э. В то же время антропологи и лингвисты подчеркивают, что пришлое ираноязычное население «наслоилось» на местных обитателей Кавказа, т. е. осетинский этнос является преемником не только пришлых ираноязычных аланов, сарматов и скифов, но и аборигенов Кавказа. Современный осетинский этнос, без сомнения, содержит местный кавказский элемент, но следует доподлинно установить, когда, при каких обстоятельствах происходило внедрение местных кавказцев в ираноязычное единство: обуславливало ли смешение кавказских и ираноязычных масс формирование нового этноса или просто-напросто имела место ассимиляция одним, уже давно сформировавшимся этносом других народов?

В теории этнологии известны два вида этнических процессов: 1) этногенез и 2) этническая история. Первый подразумевает возникновение нового языкового единства, нового этноса в результате смешения двух или нескольких этносов. Второй охватывает всю дальнейшую историю этноса, в ходе которой в один этнос инфильтрируются, внедряются представители другого этноса. Этого процесса не избежал ни один существующий в мире этнос, в том числе и пришедший на Кавказ ираноязычный аланский этнос, абсолютными языковыми и этническими преемниками которого

являются осетины. Все авторитетные ученые, в разное время касавшиеся вопроса этногенеза осетин, в один голос заявляют, что осетины – это те же аланы, потомки аланов.

Наш подход к этногенезу и этнической истории осетин заключается в следующем: надо четко разграничить этногенез аланов-осетин и этническую историю осетин, те этнические процессы, которые на протяжении веков сопутствовали осетинскому этносу. Поскольку исследователи сходятся в том, что осетины – потомки аланов, то заранее следует подчеркнуть, что этногенез аланов-осетин, так же как и всех других ираноязычных народов, произошел не на Кавказе; на Кавказе протекал процесс слияния, этнической ассимиляции представителей местных этносов с ираноязычной массой, сформировавшейся в Средней Азии и на ее сопредельных территориях и затем укоренившейся в указанном регионе. Здесь же следует заметить, что на определенном этапе истории с аланами-осетинами ассимилировались не только кавказцы, но и монголоидное население (только неизвестно, кто именно: гунны, монголы или ногайцы), и подобное слияние нельзя рассматривать как явление этногенеза, поскольку это был обычный этнический процесс, уместающийся в рамки этнической истории.

Наше заключение относительно этногенеза аланов-осетин и их этнической истории, опирающееся на все те источники, в которых они упоминаются, освящено также и в предыдущей части этой книги, что этногенез ираноязычных аланов, непосредственных предков современных осетин, произошел на территории Средней Азии. Ареал их первоначального расселения простирался от Гиндукуша и Гималаев до Волги. Упоминаемые в источниках «горы аланов» – это те же горы Мугоджары Южного Урала (территория нынешнего Казахстана). Что касается аорсов, согласно источникам, они были локализованы южнее аланов, у реки Сырдарья. Часть оставшихся в древних поселениях аланов, известных под тем же названием – аланы, но со временем отюркившихся, обитала в Средней Азии до конца X века. Кочевые племена аланов впервые упоминаются в китайских источниках II века до н. э., и, согласно последним, ареал их расселения не выходит за пределы восточного побережья Каспийского моря. В поле зрения классических авторов аланы впервые попадают только в I веке нового летоисчисления, после того, как они начали

кочевать по европейским просторам Евразии, отделившись от азиатских аланов.

С I века нового тысячелетия аланы интенсивнее стали перемещаться на запад, кочуя в степях нынешней Южной России и Украины. С конца IV века н. э. аланы фактически теряют указанный ареал обитания.

Своего рода переломной вехой в истории аланов явились 70-е годы IV в. н.э., когда в ареал их кочевания (с Северного Прикаспия до Азовского моря) стали вторгаться гунны, что повлекло за собой перемещение аланов. Одна часть аланов вместе с гуннами и различными германскими племенами отправляется в набеги на Западную Европу; другая часть расширяет ареал своего кочевания до Дуная; третья поселяется в низменной части Северного Кавказа, где создает государственное образование, с которым грузинское государство имело длительные отношения. После нашествия гуннов аланы расселяются не только на северокавказской низменности, но и вместе с частью гуннов – савиарами - в горах Северного Кавказа, в Приэльбрусье. Здесь с аланами (осетинами) непосредственно граничат грузинские горцы – сваны и абхазы.

Обитавшие в долинах Северного Кавказа аланы в раннее средневековье были соседями тюркоязычных хазар и кипчаков. Аланы жили также в Крыму, соседствуя, до вторжения монголов, с обитавшими в Крыму и Северном Причерноморье готами. В эти же века местом зимовья аланов являлась Меотия (Приазовье). Что касается южных и северных рубежей, до монгольского нашествия с аланами на севере граничили кипчаки, а с юга – черкесы. Местом обитания тогдашних кипчаков являлись именно те земли, на которых между I-IV веками (до вторжения гуннов) жили аланы.

Распространенное в историографии мнение о том, что «Дарьял» – алано-осетинское слово, означающее проход к территории, населенной аланами, не соответствует истине. На самом деле государство равнинных (степных) аланов-осетин находится довольно далеко от Дарьяла, приблизительно в 10 днях пешей ходьбы. «Дарьял» - название, данное этому месту иранцами, которое действительно означает проход в страну аланов. Возникновение этого названия было обусловлено тем, что в то время аланы были единственным на Северном Кавказе народом, имевшим государственное образование. Другие, местные

кавказские этносы, преимущественно запертые в горах, были мало известны иностранным авторам.

Новый перелом в жизни аланов-осетин начинается после монгольского вторжения. Несмотря на продолжительное сопротивление аланов, монголам все-таки удалось сломить их. Они разбили также кипчаков, живших к северу от аланов-осетин, и отныне ареал расселения обоих этих этносов радикально меняется. В XIII веке аланы-осетины по-прежнему оказывают сопротивление монгольским завоевателям, хотя с середины этого века уже началось заселение ими (аланами) горных районов Центрального Кавказа. Миграция основной части аланов-осетин в горные ущелья Кавказа произошла в XIV-XV веках (здесь мы не имеем в виду дигорцев – потомков аланов, пришедших в горы в результате вторжения на Кавказ аварцев в VI веке – после 558 года. В этот же период в западном нагорье Северного Кавказа, к западу от аланов, расселились гунны-савиры). После этого равнинные аланы-осетины («степняки») становятся горцами, осваивая территории местных, кавказских горцев, смешиваясь с ними и с ногайцами (народом частично монгольского происхождения). В языковом плане побеждает аланский (осетинский) язык иранской группы, а в сфере этнической культуры – местная кавказская культура. Этнические процессы продолжались еще долгое время после миграции аланов-осетин в горы Кавказа, подтверждением чему служит ассимиляция ими в XVI-XVII веках грузинских горцев – двалов. Более того, по свидетельству самого осетинского ученого Б. Калоева, еще каких-то три-четыре поколения назад жители двалетского ущелья Заха (граничит с Трусо) были двуязычными – они говорили и на осетинском, и на грузинском языке, – что свидетельствует о продолжительном течении здесь этого процесса. Доказательством картвельского происхождения коренного населения Захского и других ущелий Двалети является и множество местных грузинских микропонимов.

Аланы смешались со многими этносами евразийского пространства, в частности с европейцами, и лишь малая часть тогдашнего довольно многочисленного народа аланов нашла окончательное пристанище в горах Кавказа.

На протяжении всего средневековья где только ни обитали аланы-осетины – от Амударьи до Дуная (где поныне живут потомки овенгерившихся аланов). Однако ни один источник не

фиксирует аланов в Грузии. До вторжения монголов крайней южной точкой расселения аланов являлись предгорья Кавказа, т. е. полоса между гор и равнин. Тот участок нагорья Северного Кавказа, который позже заняли аланы, до них населяли народы местного, кавказского происхождения, в том числе и грузинские горцы – двалы. Хотя, надо сказать, на протяжении всех средних веков аланы-осетины имели разного рода интенсивные отношения с грузинами. Установлено, что на территории как исторической, так и современной Грузии аланы появились довольно поздно: в Двалети, которую во 2-й половине XX века осетинские ученые окрестили Центральной Осетией, они поселились в XVI-м, а в нагорье Шида Картли – с середины XVII века. Постольку, абсолютно бесосновательны мифологемы, согласно которым ираноязычные аланские (сарматские) племена являются коренным населением Грузии и что грузины отняли у них территорию Шида Картли, которая якобы должна именоваться Сарматией. Исходя из существующих источников совершенно очевидно, что ареалом расселения аланских племен являлись южнорусские степи и Южная Украина, довольно удаленные от северокавказских степей.

До вторжения гуннов аланы вели исключительно кочевой образ жизни – у них не было постоянных жилищ. Существовали они за счет разбойничества и грабительских походов на другие народы. С этой целью они нередко нанимались в услужение чужестранным правителям. Питались аланы мясными и молочными продуктами. Их переход к земледелию начался только на рубеже IV-V веков, после того, как они осели в долинах Северного Кавказа. Подобно другим кочевникам, у аланов не было постоянного молельного места (строения). Они молились воткнутому в землю кинжалу. Перешедшие к оседлому образу жизни аланы со временем принимают христианство, но формально. После переселения в горы у них произошла фактическая реанимация древних верований (язычества) (*Топчишвили 2008, Топчишвили 2009*).

Для иллюстрации вышесказанного приведем цитаты разных авторов:

«Во II в. до н. э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II н. э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланами, которых около 158 г. хунны оттеснили на запад, за Волгу» (*Гумилев 2002: 284*).

«Под натиском народов, двигавшихся в западном направлении (сначала гуннов, позднее монголов и других), аланы со временем были постепенно оттеснены в горные районы Кавказа, где они под именем осетин проживают до сих пор» (Алемань 2003: 8).

«Аланские горы – это, по-видимому, горы Мугоджары в степях Казахстана, естественное продолжение Южного Урала к северо-востоку от Каспийского моря. Аланорсы, конфедерация алан и аорсов, возможно с «неарийскими» народами аланамискифами, живут севернее этой Скифии, к востоку от Волги; аорсы и их соседи асиоты, с другой стороны, обнаруживаются снова слишком далеко, около яксартов, народа у Сыр-Дарьи» (Алемань 2003: 151).

Блестящий знаток этносов евразийских степей Лев Гумилев в труде, посвященном хазарам, говорит об их соседях в VII-VIII веках. Позаимствуем цитаты и у него: «Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и болгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар». «...Но эти степи были не нужны уграм и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном» (Гумилев 2002:388).

Еще одна цитата: «... первым народом, принявшим на себя гуннский удар, оказались аланы-танаиты. Со времен Птолемея, поместившего это племя «у поворота реки Танаис», все древние авторы непременно отводили ему территории между Северским Донцом и Днепром. То есть земли в европейской части Сарматии, а вовсе не тогдашней Азии – между Доном и Кубанью» (Коломийцев 2005: 117).

Таким образом, совершенно очевидно, что этногенез осетин, т. е. их предков аланов, произошел очень далеко от Грузии – на территории Средней Азии. Хотя, у них не было постоянного ареала расселения. Они кочевали сначала по среднеазиатским просторам, затем – в степях Евразии, а кавказцами они стали значительно позже, в IV-V веках, но не горскими, а равнинными кавказцами. Иранизация кавказцев происходила только в предгорных долинах, а не в горах. С VIII века в предгорной полосе на смену аланизации пришла тюркизация. Физический же тип и этнографическая культура современных осетин сформировались в горах только в XIV веке, что было обусловлено переменной этносферы и ландшафта указанного народа: **«Окончательное оформление**

физического облика осетин, их этнографической культуры происходит в XIV в. (на что указывают обильные материалы из склепа в Дзивгисе, раскопанного в 1982 г., но, к сожалению, пока не опубликованного), но это происходит уже не в предгорной равнине, а глубоко в горах и более не связано с этноязыковой иранизацией» (Кузнецов). Несмотря на это, осетинские ученые продолжают упорно доказывать читателю, что, хотя осетины и являются ираноязычным народом, формирование их этноса произошло в стародавние времена именно в кавказском пространстве вследствие смешения местных кавказских и ираноязычных групп.

Ныне осетины являются кавказцами. Не только потому, что они живут на Кавказе, но и потому, что, как это достоверно установлено, у них этническая культура была и есть кавказская, особенно это касается их материальной культуры и хозяйственного быта. И это вполне понятно, поскольку указанные компоненты этнической культуры формируются в основном под влиянием природно-географической среды.

Так же как и для любого другого этноса, для этногенеза и этнической истории осетин первостепенное значение имеет язык. Сегодня осетинский язык находится в окружении неиранских языков. Кавказ же никогда не являлся ареалом формирования ираноязычных этносов. Как мы уже не раз подчеркивали выше, территория их первоначального расселения (не только аланов-осетин, но и других ираноязычных народов) была локализована в Средней Азии и прилегающих к ней районах. Со временем ареал расселения ираноязычных племен, особенно кочевников, менялся. С течением веков их кочевое пространство (и территория оседлого местожительства) сменилось степями Евразии.

Все ученые единогласны в том, что упоминаемые в источниках II века до н. э. и позднейших периодов аланы являются предками осетин (хотя некоторые ученые ошибочно рассматривают такими же предками последних скифов и сарматов). Данный тезис разделяем и мы, хотя добавим, что современные осетины не представляют собой абсолютную «копию» исторических аланов. С пришедшими на Кавказ аланами смешались («наслоились») различные кавказские и некавказские этносы. Данное обстоятельство позволяет ряду ученых говорить о формировании в кавказской среде нового этноса.

В научной литературе аланов нередко принимают за ираноязычные племена сарматского происхождения. С нашей точки зрения, данный вопрос еще заслуживает скрупулезного исследования: являются ли аланы прямыми потомками кочевавших в евразийском пространстве сарматов или они совершенно другое, просто родственное им племя? Общность происхождения сарматов и аланов, возможно, соответствует действительности, но аланы не являлись одним из сарматских племен. В последнее время эту проблему исследовала Е. Галкина, которая вообще исключает сарматство аланов (Галкина 2005). Аланы под своим названием сформировались в Средней Азии. В евразийское пространство они пришли на рубеже старого и нового летоисчислений, хотя и после этого часть аланов продолжала обитать в Средней Азии. Если сарматы и аланы являлись одним этносом, тогда почему у них были разные названия? Общеизвестно, что в Северном Причерноморье и в степях Северного Кавказа сарматы сменили скифов в III веке до н. э., аланы же в северных участках Прикаспия и Приазовья появились на рубеже тысячелетий. Вместе с тем, как установлено, скифы и сарматы были хотя и родственными, но различными этносами: **«Скифы, конечно же, доводились последним [сарматам. – Р. Т.] родней, но все же это были два разных этноса. Любой историк без труда укажет десятки различий в обрядах, оружии и внешнем облике скифов и сарматов. Археологические исследования показывают – не было постепенного вытеснения сарматами скифов, как и не было медленного поглощения одной культуры другой»** (Коломийцев 2005: 63). Следовательно, с III века до н. э. скифы исчезают из ареала своего расселения. Так каким же образом современные осетины оказываются и их потомками?

О том, что предки осетин аланы были вытеснены на Кавказ под натиском азиатских орд, – об этом еще давно писала «Британская энциклопедия» (автор статьи Э. Минз). В статье подчеркивается, что аланы и, соответственно, их кавказские потомки – осетины – не являлись кавказцами и что они стали таковыми в результате засилья разных завоевателей: сначала гуннов, а затем монголов. Советская историческая энциклопедия также сообщает о том, что в II-IX веках аланы кочевали в долинах Северного Кавказа, на территории между нижним течением Дона и Южным Уралом.

В. Абаев и многие его предшественники большое значение в этногенезе осетин придавали нартскому эпосу. В. Абаев писал, что аланы пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим эпосом, и заключал, что в этногенезе осетин участвовало два компонента: пришлый, иранский и местный, кавказский (данное явление мы рассматриваем только в рамках этнической истории, а не этногенеза. Этнос, с которым смешивается другой этнос, но который сохраняет свой язык, естественно, не превращается в новый этнос, а только заимствует некоторые элементы культуры этого другого этноса).

В. Абаев всегда подчеркивал, что там, куда пришли аланы, до них уже обитало коренное население. Для иллюстрации сказанного, наряду с другими языковыми данными, он приводит и топонимы. В то же время осетинский ученый отмечал, что нет никаких свидетельств того, что эти аборигены вымерли либо куда-то мигрировали. Правда, существуют и иные, отличные от друг от друга гипотезы: 1. К моменту прихода аланов местного населения на той территории уже не было, а если и было, то очень малочисленное; 2. Коренного населения было гораздо больше, нежели мигрантов (Абаев 1967: 21).

Привилось, прикрепилось ли пришлое иранское языковое единство к единому этническо-языковому населению или носителям разных языков – данный вопрос тоже является спорным. В. Абаев утверждает, что в языковом плане кавказский элемент был разрозненным и пестрым. Одним из субстратов он считал двалов (туалов). Более достоверными сведениями о доаланском населении мы не располагаем, – пишет В. Абаев. Относительно данного тезиса осетинского ученого мы хотим сделать следующие комментарии: 1) во-первых, бесспорно, что двалский элемент вошел в осетинский этнос. Однако В. Абаев не дает лингвистическую характеристику двалов. Он просто признает их этносом, говорящим на одном из иберийско-кавказских языков. Здесь мы ничего не говорим о том, что двалы, согласно всем грузинским источникам, были грузинскими горцами, говорящими на одном из грузинских диалектов. Во-вторых, и это главное, – ко времени прихода в Двалети осетины представляли собой уже сформировавшееся этническое единство. С осетинами смешался оставшийся на месте грузинский элемент, точнее говоря, пришлое ираноязычное единство ассимилировало коренных грузинских

горцев, и этот процесс – этнический синтез – следует рассматривать только в контексте этнической истории, а не этногенеза; 2) В. Абаев в более ранних своих трудах, в частности в монографии «Осетинский язык и фольклор», особо указывал на наличие в осетинском языке картвельского субстрата: наиболее значительным пластом он считал занский элемент, а следующим – сванский (Абаев 1949: 323-330). В современном осетинском языке он вообще не находил вайнахский субстрат. Но в дискуссии по вопросам этногенеза осетин, состоявшейся в г. Орджоникидзе, он даже вскользь не упомянул указанные лингвистические факты. Таким образом, картвельский (занский и сванский) субстрат является прямым свидетельством того, что с пришедшими в горы Кавказа осетинами смешались картвельские языковые группы. Кроме собственно Двалети, двалы, по всем сведениям, обитали и в Алагирском и Дигорском ущельях. Тот факт, что у двалов и занов было много общего, в исторической науке уже достаточно аргументирован (Топчишвили 2009:1997, Топчишвили 2009: 44-65).

Проблемы этногенеза осетин касался и Е. Крупнов (Крупнов 1967), оценивший как «золотые слова» заключение В. Абаева о том, что в формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как посторонний, чужой фактор, но и как внутренний, органический фактор, как «подоснова», на которую наслоился иранский. Но вопрос в том, когда произошло это наслоение, смешение. Было ли это в период кобанской культуры, как полагают Е. Крупнов и некоторые другие археологи? Конечно, нет. К сожалению, эти исследователи интерпретируют археологический материал обособленно, без учета исторических источников. Со всей категоричностью заявляем: наслоение аланского элемента на местный кавказский не имеет никакого отношения к древнему археологическому материалу, и иранская принадлежность кобанской культуры – полный нонсенс. Например, Е. Крупнов отмечал, что наслоение иранского на кавказский было сравнительно новым явлением, начавшимся в раннее средневековье, и что оно свершилось не сразу, не единовременно, а продолжалось довольно длительный период, приблизительно на протяжении десяти веков – с эпохи гуннов до эпохи монголов включительно. По нашему мнению, смешение аланов с местными кавказцами после набегов гуннов произошло и в долинах Кавказа.

Е. Крупнов разделяет мнение некоторых осетинских ученых, безапелляционно заявляющих, что иранизация равнинных районов Северного Кавказа началась с первого же вторжения сюда скифо-сарматских племен, т. е. в VII-VI веках до н. э. Хотя там же отмечает, что это смешение не носило массовый характер и что истоки иранизации некоторых кавказских групп восходят к этому периоду. Не исключено, что археологический материал указанного периода действительно позволяет доказывать смешение скифо-сарматов с местным населением. Но какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу смешения аланов с кавказцами? Никакого! Речь идет о тех аланах, которые появились вблизи северных рубежей Кавказа, на территории между Азовским морем и Северным Прикаспием в начале нового тысячелетия. Или кем установлено, что произошла иранизация местных кавказцев? Ведь не существует источников, свидетельствующих об этом. Вместе с тем, прилегающие к Центральному Кавказу равнины вообще никогда не являлись ареалом кочевания скифов и сарматов. Е. Крупнов продолжает свое рассуждение: на рубеже IV-III веков до н. э. и позднее через весь Северный Кавказ пронеслись более мощные волны «степняков» – ираноязычных сарматов. Они продолжили иранизацию кавказских долин, которую в I веке н. э. завершили аланы (*Крупнов 1967: 40*). Но автор противоречит самому себе, подчеркивая, что данный процесс не был молниеносным, стремительным и однократным, для иллюстрации чего приводит следующее: характерные для аланов катакомбы в горах, особенно в Осетии, не появляются раньше VII века. Окончательный же вывод автора состоит в том, что иранизация Центрального Кавказа не могла произойти ранее середины I тысячелетия. Мы можем прокомментировать суждение Е. Крупнова так: если катакомбы действительно были характерны для аланов и эти погребения появляются на Центральном Кавказе в VII веке, тогда почему автор не делает прямой вывод о том, что в Западной Осетии, т. е. в Дигории, (наряду с территорией Балкарии) аланы появились с VII века? Какой ответ дают осетинские авторы на заключение Е. Крупнова? Те осетинские авторы, которые ищут алано-осетинский элемент и в Грузии с VII века до н. э.? Позитивная сторона тезиса Е. Крупнова состоит и в том, что он не рассматривает кобанскую культуру как алано-осетинскую, но считает, что язык носителей кобанской культуры был «перекрыт»

(подавлен) языком пришлых аланов. В этом он ищет ключ этногенеза осетин. Тот же Е. Крупнов полагает, что нельзя говорить о теории пришлости осетин, поскольку, хотя осетины в лингвистическом плане и являются иранцами, но в культурном и антропологическом отношении они – типичные кавказцы. Какова логика этого вывода автора? Логика никакой. Если основным носителем этноса является язык, если иранцы пришли (а это действительно так!), тогда следует признать и пришлость осетин. Что касается антропологического типа, то прежде всего надо выяснить, насколько сильно антропологически отличались обитавшие сначала в северокавказских степях, а затем пришедшие в горы аланы от кавказцев. И те, и другие – типичные представители европеоидной расы. Пришедшее на Кавказ чужое языковое единство, кроме смешения, безусловно, претерпевало внутреннюю трансформацию. Ведь это смешение произошло не сразу и не окончательно (раз и навсегда). Мигранты имели продолжительные этнокультурные контакты с местными горскими жителями. И еще: рассуждая об антропологическом типе, исследователи забывают одну немаловажную деталь – осетинам присущи ярко выраженные монголоидные признаки. Так что, от остальных кавказцев они отличаются и этими признаками и не аналогичны им. Отсюда вывод: аланы навязали кавказцам не только язык. Они пришли на Кавказ большой массой, во всяком случае, в зоне стыка и смешения с местными кавказцами – будь то в долине или в горах - мигранты явно превосходили аборигенов в численности. До сих пор никто не обращал внимания на то, какой характер носило заселение аланами Кавказа – будь то степей и долин Северного Кавказа под натиском гуннов, или предгорья и нагорья Центрального Кавказа под натиском монголов. Неужели местное население не оказывало им никакого сопротивления? Если численность этих местных жителей, в силу каких-то причин, не была сокращена по крайней мере вдвое, разве так легко они уступили бы аланам ареал своего расселения? Конечно же, нет. Тем более что имеем прецедент продвижения аланов на юге, в Двалети. Аланы-осетины своими разбойными набегами вынудили двалов покинуть исконное местожительство и искать пристанище в разных историко-этнографических краях Грузии, после чего сами без труда обосновались на их селищах. Аналогичная ситуация повторилась в нагорье Шида Картли. Теперь что касается культуры. На

формирование культуры, в первую очередь материальной, и хозяйственного быта того или иного этноса преимущественно влияют природно-географическая среда и контакты с соседями. К сожалению, это немаловажное обстоятельство фактически никто не принимает во внимание. Вполне закономерно, когда пришлое, причем численно превосходящее языковое единство осваивает, перенимает местную культуру, особенно материальный и хозяйственный быт, что в меньшей степени касается духовной культуры. То, что пришедшие в горы аланы-осетины значительно преобладали над местными кавказцами, подтверждается и нартским эпосом. Созданный в степях нартский эпос аланы принесли с собой и в горы и, главное, не забыли его, поскольку при смешении с кавказцами они представляли собой довольно мощный компонент, во всяком случае, местные жители явно не доминировали в численном отношении над мигрировавшим ираноязычным этническим единством.

По свидетельству Е. Крупнова (*Крупнов 1967: 40-41*), средневековые осетины антропологически почти не отличались от черкесов, кабардинцев и других аборигенов края, несмотря на явное языковое различие. Интересно, на основании каких параметров Е. Крупнов и ученые-антропологи, на сведения которых он опирается, устанавливают принадлежность средневековых погребений тому или иному этносу? Принадлежат ли костные останки и краниологический материал этих захоронений осетинам, черкесам, кабардинцам или другим кавказцам? Содержат кости указание на этничность покойника? Почему-то многие исследователи не учитывают того, что на Северном Кавказе на протяжении длительного периода в силу различных факторов этносы – в том числе и вышеупомянутые – нередко меняли ареал обитания. В то же время, если заглянуть в любую энциклопедию или справочную литературу, обнаружим, что аланы-осетины и этносы адыгского происхождения в антропологическом плане неоднородны. Таким образом, Е. Крупнов заблуждается, когда в этногенезе осетин ведущим субстратом считает кавказский элемент, а не пришлый иранский.

Е. Крупнов разделяет тезис В. Абаева о том, что этногенетический процесс осетин протекал на основе кавказского субстрата, что подтверждается данными археологии, антропологии, этнологии, т. е. в этногенезе осетин участвовал кавказский элемент. Его

заключение таково: одно из скифо-сарматских племен – аланы – смешались с местным автохтонным населением и передали ему свой язык. По нашему мнению, главный вопрос все-таки состоит в том, когда и на какой территориальной единице происходило это. Ответ таков: данный процесс протекал в Дигории с VII века, а в Восточной Осетии (Алагиря, Куртаули, Тагаури) – с XIII-XIV веков. Вышеуказанные же авторы переносят этот процесс в глубь истории.

Думается, очень важно решить: следует ли рассматривать смешение ираноязычных аланов-осетин с местными кавказцами как факт этногенеза или этнической истории? Наш предварительный ответ на этот вопрос однозначен: конечно, как факт этнической истории, поскольку в результате смешения мы не получили нового языка, победил язык пришлого этноса, а местное этническое единство не оставило сколько-нибудь заметного следа в мигрантах. С этнической точки зрения эти контакты должны рассматриваться исключительно как факты этнической истории. По мнению В. Абаева, кавказская среда в лингвистическом отношении была многообразна. Соответственно, в археологической (материальной) культуре Центрального Кавказа I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. археологи выделяют три локальных варианта, на основе чего, в свою очередь, заключают, что указанная территория являлась ареалом расселения трех различных племен или племенных групп (*Кузнецов 1967:44*). Заключение лингвистов и археологов находят прямое подтверждение в археологических и письменных источниках. На всем протяжении I тысячелетия н. э. в центральной части Северного Кавказа существовали различные материальные культуры, вошедшие в осетинский в качестве субстрата. Эти данные прямо указывают на то, что осетины действительно пришли сюда в I тысячелетии н. э. (естественно, в данном случае подразумеваются горные и предгорные участки Центральной Осетии). Если на указанной территории жили представители единого осетинского этноса, то в I тысячелетии н. э. мы должны были иметь здесь одну, а не несколько различных материальных культур.

Тут мы должны вернуться к одному вопросу. Все исследователи однозначно признают, что дигорский диалект осетинского языка архаичнее иронского. По заключению В. Абаева, дигорский диалект содержит переходные языковые нормы

от древнего иронского к современному иронскому диалекту, т. е. для дигорского говора характерны древние нормы. Это обстоятельство В. Кузнецов объясняет двумя миграционными волнами аланов на Кавказе, из которых первая (дигорская) хронологически более ранняя, а вторая (иронская) – более поздняя. Поэтому язык дигорских осетин, являющихся ранними мигрантами, затиснутыми в труднодоступных горах, сохранил большую архаичность. Это соображение подтверждают грузинские источники (и другие данные). Осетины, живущие в восточной части Центрального Кавказа (Алагири, Куртаули, Тагаури), поселились здесь довольно поздно, с конца XIII-го, а в основном в XIV-XV веках. Говор алагирских осетин, в отличие от западных (дигорских) осетин, длительное время формировался в долинах Северного Кавказа. Дигорские аланы-осетины мигрировали с равнин в горы в VI-VII веках. Согласно грузинским источникам, граница аланов-осетин с грузинами проходила именно в этой горной полосе (они соседствовали с Абхазией и Сванети). Эти сведения также делают безосновательными тезис различных ученых о древнейшем (якобы с незапамятных времен) обитании аланов-осетин в нагорье Центрального Кавказа.

К сожалению, эти сведения, намеренно или ненамеренно, обходят стороной осетинские ученые, работающие по проблемам этногенеза и этнической истории осетин.

Для изучения проблемы с этой точки зрения весьма ценные сведения содержит «Армянская география», согласно которой аланы живут за Дигорией, в области Ардоз Кавказских гор, откуда протекает река Армна, направляющаяся на север и пересекающая бескрайние степи. В тех же горах к востоку от ардозцев живут различные народы, в том числе двалы и цанары, «в земле которых [цанар] находятся ворота Аланские». Таким образом, и согласно «Армянской географии» аланы обитали только в окрестностях Дигории, а в восточной части Центрального Кавказа их не было. И, что самое примечательное, Дарьял (тот же Дариалан) находится на земле цанар – грузинских горцев. Это еще одно указание на то, что Тагаурское, Куртатское и Алагирское ущелья в VII веке являлись ареалом обитания местных кавказцев, а не аланов-осетин. До вторжения монголов этническая ситуация здесь фактически оставалась неизменной. По заключению В. Кузнецова, эти сведения подкрепляются и археологическими данными. В I тысячелетии н. э.

аланы жили в области Ардоз (как свидетельствует «Армянская география»), т. е. в долинах Осетии, на равнинной территории. Более того: согласно В. Кузнецову, в то время аланы были расселены не только в краю Ардоз, в осетинских долинах, но и на более обширной территории – от Пятигорья до Грозного (*Кузнецов 1967*).

Таким образом, согласно «Армянской географии», из двух родственных групп аланского племени в VII веке одна (западная) обитала в горах – в Ашдигоре, другая (восточная) продолжала жить в долинах Ардоза. Примечательно, что среди осетин многочисленной была именно эта, вторая группа, долгое время обитавшая на равнине и пришедшая в горы Кавказа гораздо позднее.

Осетинские ученые часто отмечают, что осетины происходят от скифов, вторгшихся на Северный Кавказ в VII веке до н. э. По мнению В. Кузнецова, это явление не повлекло за собой массовую иранизацию центральной части Северного Кавказа, а значит, этническая ситуация тогда не изменилась (*Кузнецов 1967: 66*). Более того, с VIII века н. э. в предгорных степях Центрального Кавказа и на Ставропольской возвышенности вследствие миграции тюрков процесс аланизации сменился тюркизацией. В тот период значительная часть аланов переместилась отсюда в верхнее течение рек Дон и Донец (*Кузнецов*). В XI-XII веках в восточной части Прикубанья – в ареале расселения аланов – начался второй этап тюркизации. Именно в результате этого процесса в начале XII века в Нижнем Архызе (ущелье Большого Зеленчука) была упразднена Аланская епархия. С рубежа XI-XII веков в указанной части Алании уже преобладают кочевники.

Этногенез осетин связывает со вторжением на Кавказ в VII веке до н. э. иранского элемента Ю. Гаглойти. Известно, что, согласно Геродоту, скифы пришли и на Южный Кавказ. Несмотря на то, что большинство авторов признают вторжение скифов сюда (на Южный Кавказ), а отсюда в Переднюю Азию по Дербентской дороге, Ю. Гаглойти все же утверждает, что они проникли сюда по перевалу Центрального Кавказа – через Дарьял и что якобы потомками этих самих скифов являются живущие на Южном Кавказе, т. е. в Грузии, осетины. Ю. Гаглойти говорит также о синхронном расселении скифов на Северном Кавказе: «Таким образом, до появления сармато-аланских племен на Северном Кавказе уже обитала большая группа скифских племен. Их

смешение с аланами и растворение в аланской среде свидетельствует о том, что скифский элемент представляет собой один из главных компонентов, вошедших в состав осетинского этноса» (*Гаглойти 1967: 76*).

Этот тезис Ю. Гаглойти всего лишь следствие идеи фикс. На основании чего он заключает об обитании скифов на территории Северного Кавказа или о «растворении» скифов в аланах, непонятно. Ю. Гаглойти высказывает предположение, которое затем выдает за аксиому, за непреложный факт. Почему? С какой целью? А с той, чтобы отнести этногенез осетин, их расселение на Кавказе к максимально отдаленным временам. Вместе с тем Ю. Гаглойти отодвигает в глубь истории и появление аланов в горах Северного Кавказа, датируя это явление I веком н. э.

Ю. Гаглойти считает, что этногенез осетин прежде всего был результатом длительного внутреннего развития на Северном Кавказе скифо-сармато-аланских племен. Соответствует ли это действительности? Конечно, нет! Современные осетины действительно являются непосредственными потомками смеси мигрировавших на Северный Кавказ в конце IV века н. э. аланов и кавказцев. У осетин нет ничего общего со скифами и сарматами. Никакими источниками не подтверждается то обстоятельство, что скифы обитали на Кавказе, тем более в горах и на Южном Кавказе. Эти суждения Ю. Гаглойти основаны только на навязчивой идее выдать желаемое за реальное с тем, чтобы «состарить» расселение осетинского этноса на Кавказе. Ю. Гаглойти делает одно заключение: иранские племена застали на месте население иберийско-кавказского происхождения, которое они ассимилировали, и приняли участие в этногенезе осетин (*Гаглойти 1967: 87*). «Мы имеем основание полагать, что языковая ассимиляция иберийско-кавказских племен началась с появлением на Северном Кавказе скифов, и этот процесс завершился в основном с приходом алан-сарматов» (*Гаглойти 1967:87*). Этнограф Б. Калоев также отмечал, что этнографический облик современных осетин формировался на протяжении веков в результате взаимодействия и органического синтеза двух этнических и культурных традиций: кавказской и североиранской (скифо-сармато-аланской). И этот автор подчеркивал то обстоятельство, что этногенез осетин произошел в глубокой древности и что в пришлому североиранском компоненте обязатель-

но подразумевается не только аланский, но и скифский и сарматский субстрат.

О том, что осетины не были аборигенами Кавказа, свидетельствует и нартский эпос. В ряде сказаний часто фигурирует ловля нартами рыбы в больших реках и в море. Согласно этнографическому материалу, горские осетины поклонялись божеству рыб и рыбаков – *Донбеттыр*, в честь которого устраивались ежегодные празднества и в тех горных районах Северной Осетии, где рек вообще не было. По данным того же Б. Калоева, топонимы явно указывают на участие в этногенезе осетин кавказского компонента. Многие названия горной Осетии, говорит он, нельзя объяснить посредством осетинского языка (и разных кавказских языков), что несомненно указывает на древний кавказский субстрат (*Калоев 1967: 107; Цагаев 1967; Цагаева 1971*). То есть, мы обнаруживаем еще одну тенденцию: стремление осетинских ученых к тому, чтобы этим субстратом не был какой-либо из живых кавказских языков. Здесь же еще раз отметим, что В. Абаев видел в осетинском языке прежде всего занизмы и сванизмы. Этот материал, к сожалению, абсолютно игнорируют осетинские ученые, занимающиеся вопросами этнической истории своего народа.

Особое внимание хотим заострить на соображении В. Виноградова, который фактически развенчивает положение Ю. Гаглойти, совершенно безосновательно связывающего этногенез современных осетин со скифо-сарматским периодом и утверждающего, что в VII-III веках до н. э. они прочно обитали в нагорье Центрального Кавказа. С полной категоричностью В. Виноградов заявляет (и его позиция подкреплена историческими и археологическими материалами), что ничем не аргументирована версия обитания в скифо-сарматскую эпоху ираноязычного народа в нагорье Центрального Кавказа, тем более в окружении автохтонного населения, и что первые ассимилировали вторых. Надо сказать, что античные авторы (Геродот, Страбон, Плиний и др.) имели весьма смутное представление о кавказских регионах, в частности о Центральном Предкавказье. Их сведения о той или иной группе кавказцев в большинстве своем ошибочны или приближительны. В. Виноградов справедливо замечает, что древние историки и географы, как правило, меньше интересовались этногенетическими проблемами варваров.

Скифы, кочевавшие в степях Предкавказья, в VII веке до н. э. не раз преодолевали Главный Кавказский хребет и вторгались на его южные склоны. Несколько позднее, в VI-V веках до н. э., скифы и родственные им савроматы (сарматы) установили первые контакты с коренными жителями ущелий и хребта (причем чаще посредством локализованных между ними этнических групп). Но поселились ли они в лесистом предгорье или тем более в горах? У археологии нет на этот вопрос положительного ответа. Памятники быта тех времен, оставшиеся от местных кавказских племен, полностью принадлежат кобанской культуре. В. Виноградов подчеркивает, что ни один могильный комплекс на территории Кабардино-Балкарии и Северной Осетии не имеет никакого отношения к этническим скифам и савроматам. Несколько образцов подобных скифских памятников известны только в пунктах предгорной равнины, расположенных на пути скифо-сарматского военного маршрута и благоприятных для ведения кочевого хозяйства. На основе археологической культуры указанного периода можно говорить лишь об умеренном влиянии здесь скифо-сарматской культуры, а не об этой культуре вообще. Согласно заключению В. Виноградова, в VII-IV веках до н. э. в лесистом предгорье Осетии и Балкарии жили только настоящие кобанцы – для археологов это бесспорная истина.

Какие сведения письменных источников свидетельствуют об обитании в высокогорье Кавказа скифских племен, на которые опирается Ю. Гаглойти? В. Виноградов считает лишеным всякого основания тезис осетинского автора об обитании на Кавказе ираноязычных племен – остатков скифских орд – «исединов», «меланклов», «саудхатов», «дандариев». Племена под этими этнонимами в действительности были локализованы не в Кавказских горах, а очень далеко от них. Ю. Гаглойти, произвольно интерпретируя источник, утверждает, что Плиний локализует исединов «в высоких горах Кавказа», по соседству с колхами (Виноградов 1967:180). На самом деле Плиний вообще не дает локализацию исединов на собственно Кавказе. То же можно сказать о дандариях и меланклах. Поэтому В. Виноградов полностью опровергает тезис о проникновении в горные и предгорные районы Центрального Кавказа значительных масс скифов и исключает, что до прихода сюда сарматов и аланов процесс ассимиляции местных племен был завершен.

Теперь относительно сарматов: в III веке до н. э. большой мир «степняков» выбрал местом постоянного обитания Предкавказье, что подтверждается письменными источниками. Но где именно находилась «долина сарматов» на Северном Кавказе? Где они граничили с автохтонным населением? Во всяком случае, по свидетельству В. Виноградова, это не была предгорная лесная полоса. Сарматы остановились у довольно отдаленных рубежей Предкавказья. В Верхнем Прикубанье они расселились между реками Лаба и Кубань, в бассейне Терека и Сунджи – до реки Сунджа, а в Предкавказье они не продвинулись дальше северных окраин территории нынешних Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. В горных районах в указанную эпоху продолжала существовать кобанская культура, и в здешних памятниках сарматский элемент встречается лишь изредка и фрагментарно. Бесспорно, тут обитали кавказцы, имевшие собственные культурные традиции, хотя некоторые элементы были заимствованы ими из сарматской культуры. Однако говорить об их ассимиляции иранцами не приходится. Тот же Страбон этнически различает горцев Центрального Предкавказья от сарматов. Более того, по мнению В. Виноградова, между горцами и ираноязычными сарматами кочевал еще какой-то народ («набианы и панксаны») – очевидно, местное равнинное племя, испытавшее сарматизацию. Согласно тому же В. Виноградову, сарматская культура равнинных районов эпохи до нашей эры отличается от сарматской культуры начала нашей эры, связанной именно с этническими аланами, появление которых здесь датируется I веком н. э. Исходя из археологических материалов топографию катакомбных погребений аланов можно датировать I-IV веками н. э. Аналогичные памятники того же периода в горах Северной Осетии и Кабардино-Балкарии не встречаются. В горах по-прежнему распространены традиционные кавказские могильники, принадлежащие традиционной кавказской культуре. Апеллируя к В. Виноградову, еще раз подчеркнем, что в горных и предгорных районах Центрального Кавказа местное население тогда еще не было ассимилировано. В тот период налицо взаимоотношения ираноязычного населения и горцев, причем, отношения равноправных (толерантных) с этнической и культурной точек зрения соседей. Памятники их материальной культуры очень просты и явно отличаются друг от друга (*Виноградов 1967:185*).

Таким образом, выясняется, что ареалом первоначального расселения предков осетин аланов являлся не Кавказ, а территория Средней Азии. Аланы – не автохтонный кавказский этнос. Они пришли сначала на равнины, а затем в горные и предгорные районы Кавказа, будучи уже всесторонне сформировавшимся этносом. Поэтому утверждение ряда ученых о том, что этногенез аланов-осетин произошел в результате синтеза пришедших на Кавказ аланов и местных кавказцев, не соответствует исторической реальности. Бесспорно, что местное кавказское население действительно смешалось с пришлым ираноязычным единством. Что же это было за явление? Полагаем, что это были исключительно этнические контакты местного и пришлого этносов, не выходящие за рамки этнической истории. Несмотря на смешение, пришлое ираноязычное единство не утратило своей этничности и языка, оставшись тем же алано-осетинским этносом. Постольку указанное явление ни в коем случае нельзя рассматривать как факт этногенеза: это был чисто этнический процесс, не повлекший за собой возникновение нового этноса.

Естественно, с приходом на Кавказ алано-осетинский этнос сменил целый ряд характеристик культуры, традиций и быта, и эта перемена не была однократной. Первый раз эта трансформация имела место на рубеже IV-V веков, когда аланы-осетины перешли от кочевого образа жизни к оседлому, что прежде всего подразумевало параллельное освоение кочевниками-животноводами земледелия. Во второй раз этническая культура аланов-осетин претерпела изменения, когда под натиском монгольских завоевателей они, степняки, оказались оттесненными в горы. Естественно, данное обстоятельство радикально повлияло на их хозяйственный быт и материальную культуру. В определенной мере трансформировалась и духовная культура аланов-осетин: от христианства они вновь вернулись к прежним традиционным верованиям. Из степей они взяли с собой в горы и нартский эпос, подтверждающий тот факт, что формирование алано-осетинского этноса произошло не в горах, а на равнине, в степях. Таким образом, пришедшее на Кавказ алано-осетинское единство не претерпело этнических изменений. Основной показатель этничности – язык – у среднеазиатских мигрантов существенно не изменился. Происходило лишь внедрение (инфильтрация) различных этнических единиц в алано-осетинский этнос, что мы ни в коем

случае не можем рассматривать как этногенезный процесс, поскольку это был обычный, характерный для этнической истории процесс. Аналогичные этнические отношения были присущи почти всем этносам, за исключением народов-изолятов. Что касается этнической культуры, естественно, она изменилась под влиянием новой, непривычной природно-географической среды, а также с переходом от кочевничества к оседлости. С возникновением новых традиций, быта и культуры не произошло и не могло произойти формирование нового этноса. Язык аланов-осетин существенно не изменился, этнос выжил, сохранил себя (речь идет только о той группе аланов, которая обосновалась на Кавказе и формирование которой произошло вдали от Кавказа, в Средней Азии (в Приаралье), в то время как здесь осуществился этногенез и других ираноязычных этносов).

Никакой критики не выдерживает гипотеза о том, что осетины являются потомками не только аланов, но и скифов и сарматов. Это беспочвенное соображение не подтверждается ни одним историческим или археологическим материалом. Сарматство аланов абсолютно исключает Е. Галкина (*Галкина 2005*).

Современные осетины являются непосредственными предками аланов, продвинувшихся на рубеже IV-V веков с севера – с евразийского пространства – в степи (равнины) Кавказа, где они ассимилировали несколько местных кавказских этносов. Обитателями Кавказа (кавказцами) аланы-осетины являются шестнадцать веков, а не две тысячи пятьсот лет, как это хотят представить тенденциозные авторы (*История ... 1959: 31*).

В науке существует только общее положение о том, что на Кавказе аланы смешались с этническим единством или единствами местного иберийско-кавказского происхождения. Кем конкретно были эти кавказцы, неясно. Судя по всем имеющимся данным, основную часть этого местного населения составлял картвельский слой. Делать такое заключение нам позволяет то обстоятельство, что, во-первых, значительное количество топонимов нагорья северной части Центрального Кавказа можно объяснить посредством грузинского языка (много грузинских топонимов в Алагире, а особенно в исторической Двалети (*Цагаева 1971*)). Во-вторых, мы разделяем бесспорное соображение В. Абаева о том, что в современном осетинском языке выделяются два слоя субстрата – занский и сванский. В-третьих, значительным

аргументом в пользу присутствия картвельского элемента в горах Центрального и Западного Кавказа служит археологическая культура, известная в науке под названием кобанской культуры, являющейся своеобразным вариантом колхской культуры. Еще одним немаловажным аргументом в пользу вышеуказанного соображения является тот факт, что до последнего времени на Северном Кавказе компактные поселения имели западногрузинские горцы – сваны.

У осетин, без сомнения, имеются тюркская и монголоидная примеси. Смешение тюркоязычного этноса, по всей видимости, произошло в Дигории. Вероятно, указанный процесс произошел здесь раньше, во время взаимоотношений с савиарами и кипчаками, когда последние дали начало соседнему балкарскому этносу. На конференции, посвященной вопросам этногенеза осетин, известные антропологи избегали открыто рассуждать о монгольской примеси осетин. В личных беседах об этой примеси не раз говорил академик Малхаз Абдушлишвили. На первой сессии этнографов, состоявшейся в Институте этнологии, в ответ на вопрос историка Цховребова об антропологическом типе осетин академик М. Абдушлишвили подтвердил существование монголоидных признаков среди представителей осетинского этноса (широкие, выступающие скулы и т. д.). Просто надо выяснить, с каким монголоидным этносом (гунны, монголы, ногайцы) имели контакты аланы-осетины и в какой степени (в количественном соотношении) произошло это смешение. Предположительно, в этом смысле наиболее частые отношения с аланами имели гунны, оставившие особый след на Кавказе. На протяжении определенного периода истории они фактически доминировали на равнинах Северо-Восточного Кавказа. В научной литературе высказано соображение (*Гадло 1979: 152*), что «царство гуннов» по своему этническому составу было довольно сложным. Гуннский элемент растворился в ираноязычном окружении и был поглощен древним местным населением, поскольку с приходом в Предкавказье гунны имели довольно тесные и многосторонние контакты с аборигенами. Таким образом, мы считаем, что монголо-тюркские примеси аланов-осетин являются следствием их смешения именно с гуннами. Эти контакты датируются VI-VII веками н. э.

И, наконец, вопросы этногенеза и этнической истории осетин тесно связаны с вопросами осетинской миграции в Грузию. Ничего

неясного в связи с миграцией осетин в Грузию нет, но ввиду того, что происходит целенаправленная фальсификация истории, искусственная архаизация миграции осетин, объявление одной из грузинских этнографических единиц – двалов – осетинами, поэтому установление вопросов реального этногенеза и этнической истории осетин находится в прямой связи с интересующим нас вопросом. Осетин и их предков аланов на территории Грузии до позднего средневековья не было, а тем более в VII веке до н. э. они не приходили сюда в лице скифов, как это утверждают фальсификаторы истории.

Литература

- Абаев 1949* – Абаев В. Осетинский язык и фольклор. – М., 1949.
- Абаев 1967* – Абаев В. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе, 1967.
- Алемань 2003* – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003.
- Блиев – 2006* Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. – М., 2006;
- Виноградов 1967* – Виноградов В. Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин – // Происхождение осетинского народа. ... – Ордж-дзе, 1967.
- Гаглойти 1967* – Гаглойти Ю. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. – Ордж-дзе, 1967.
- Гаглойти 1996* – Гаглойти Ю. Проблема этнической истории южных осетин. – Цхинвали, 1996.
- Галкина 2005* – Галкина Е. «Белые пятна» этногенеза средневековых алан и этнические процессы в Центральном Предкавказье первых веков нашей эры // Кавказский сборник. Т. 2 (34). – М.: Русская панорама, 2005.
- Гадло 1979* – Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л., 1979.
- Гумилев 2002* – Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – С.-Пб., М., 2002.

- История** 1951 – История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – С. 31.
- Калоев 1967** – Калоев Б. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение ... – Ордж-дзе, 1967.
- Калоев 1999** – Калоев Б. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999.
- Коломийцев 2005** – Коломийцев И. П. Тайны Великой Скифии. – М., 2005.
- Крупнов 1967** – Крупнов Е. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе, 1967.
- Кузнецов** – Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона
<http://www.archeologia.ru/Library/Book/c4fea0f78d9f>
- Кузнецов 1967** – Кузнецов В. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. – Ордж-дзе, 1967.
- Топчишвили 1997** – Топчишвили Р. Вопросы переселения осетин в Грузию и этноистории Шида Картли. – Тб., 1997. – Груз.
- Топчишвили 2009** – Топчишвили Р. Этнические процессы в Шида Картли // Конфликты и перспективы мира в Грузии. – Тб. 2009. – Груз.
- Топчишвили 2008** – Топчишвили Р. Ареал первоначального расселения предков осетин – аланов. – Тб., 2008. – Груз.
- Топчишвили 2009a** – Топчишвили Р. Осетины в Грузии: миф и реальность. – Тб., 2009.
- Topchishvili 2009** – Topchishvili R. Ethnic Processes in Shida Karthli (The Ossetians in Georgia) // Causes of War Prospects for Peace. – Tbilisi, 2009.
- Цагаева 1967** – Цагаева А. Дз. Вопросы этногенеза осетин по данным топонимики // Происхождение ... – Ордж-дзе, 1967.
- Цагаева 1971** – Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1. – Ордж-дзе, 1971.

ЦОВА-ТУШИНЫ

Грузия, так же как и целый ряд европейских стран, состоит из множества историко-этнографических краев, жители которых говорят на разных диалектах одного (в данном случае грузинского) языка. С этой точки зрения, для Грузии, как и для многих других стран, характерна еще одна особенность: разговорный язык нескольких этнографических групп Грузии коренным образом отличается от литературного грузинского языка. В частности, речь идет о мегрельском и сванском говорах, на которых на протяжении веков общаются только в семьях, между собой. По сути эти языки с социолингвистической, этнологической и исторической точек зрения всегда представляли и сегодня представляют собой диалекты грузинского языка. Этнографическая группа мегрелов обитает в Причерноморье, а сваны – на южных склонах Главного Кавказского хребта, на северо-западе страны. Что касается цова-тушин, или бацбийцев, как их называют в научной литературе, они, как известно, говорят на одном из вайнахских языков. В прошлом цова-тушины (бацбийцы) обитали в историко-этнографической горной области Грузии – в Тушети, а сегодня они живут на Кахетинской равнине (Восточная Грузия). Цова-тушины являются неотъемлемой частью грузинского народа.

Таким образом, грузинский этнос, сформировавшийся много веков тому назад, состоял из неоднородных этнографических и территориальных (локальных) единиц, говорящих как на близких к грузинскому литературному языку, так и на сравнительно отдаленных от него наречиях. Исключение представляла собой только этнографическая группа цова-тушин, хотя речь ее представителей была насыщена грузинскими лексическими единицами. В общей этнологической и языковедческой литературе наречие цова-тушин с социолингвистической точки зрения отождествлено с различными диалектами грузинского языка (*Арутюнов 1989: 45; Джорбенадзе 1995: 20; Ониани 1997; Курдиани, 1997*). На протяжении всей истории Грузии и для мегрелов, и для сванов, и для двалов, и для цова-тушин грузинский язык являлся государственным, литературным и богословским языком. Они никогда не были пассивными элементами в грузинской этнической структуре, напротив, всегда вносили свой вклад в развитие грузинского языка и культуры. Можно даже утвердительно сказать, что вышеназван-

ные этнографические группы были гораздо теснее интегрированы с единой грузинской культурой, экономикой и социальной системой, нежели некоторые более близко стоящие к грузинскому литературному языку этнографические группы. То же можно сказать и о религиозном (вероисповедальном) аспекте. Так, например, все известные документы Сванети, относящиеся к XIII-XIV векам, составлены преимущественно местными жителями, и у лингвистов есть немало аргументов в пользу этого факта.

Этнолог С. А. Арутюнов о сванах и цова-тушинах писал следующее: «В горной Грузии базбийцы и сваны по всем этнографическим меркам должны бы считаться особыми народами, со своими особыми обычаями, совершенно обособленными языками, но и те, и другие требуют, чтобы их считали грузинами» (Арутюнов 2002: 437). Автор прав, когда пишет, что и сваны, и цова-тушины считают себя грузинами. Но он ошибается, говоря об этом в том аспекте, что якобы сваны и цова-тушины требуют принимать их за грузин. Дело в том, что вопрос о принадлежности или непринадлежности к грузинам среди сванского и цова-тушинского населения никогда и не ставился. Их признание разными этносами входило только в интересы Российской империи. В XIX веке и цова-тушины, и сваны, конечно, требовали, чтобы их считали грузинами. С. Арутюнов отмечает также, что этнографически как сваны, так и цова-тушины должны считаться особыми народами. Заметим, что именно в этом плане – с этнографической точки зрения – сванов и цова-тушин нельзя считать особыми народами, так как их этнографический быт почти идентичен быту других грузинских этнографических групп, а те или иные их отличительные особенности обусловлены природно-географической средой обитания. В этнографическом аспекте цова-тушины (их хозяйственный быт, материальная и духовная культура, социальные отношения) почти ничем не отличаются от тех же грузиноязычных тушин и других этнографических групп горной Восточной Грузии.

На сегодняшний день ареалом проживания цова-тушин является историко-географическая область Восточной Грузии – Кахети, а точнее одно из ее больших сел – Земо Алвани (Ахметский район). Исторически цова-тушины населяли один из уголков кахетинского нагорья – Тушети, расположенный в северной части Главного Кавказского хребта. Тушети, с этнографичес-

кой точки зрения представлявший собой однородный край горной Грузии (ныне он почти полностью обезлюден), имел свои особенности, в частности в языковом отношении.

Согласно письменным источникам и этнографическим материалам, Тушети состоял из четырех общин (обществ), или территориальных единиц (еще раньше из восьми общин): Цова, Гомецари, Чагма и Пирикити. Проживающие в общинах (территориальных единицах) Гомецари, Чагма и Пирикити тушины говорили и говорят на тушинском диалекте грузинского языка. Что касается тушин Цовати, они двуязычны. Их семейным, домашним языком был и остается цовский (цоватский, цова-тушинский), или, как принято его называть в языковедческой литературе, бацбийский. Вне дома же они говорят на подобном кахетинскому диалекту наречии грузинского языка. В остальном эти две группы тушин ничем не отличаются друг от друга. Естественно, подобно грузиноязычным тушинам, и цова-тушины считают себя этническими грузинами.

Если сравнить несколько более ранние статистические данные со статистикой 1886 года, окажется, что в Тушети было всего 49 селений, а цова-тушины описаны только в четырех из них (Индурта, Сагирта, Царо и Этельта). Что касается грузиноязычных тушин (которых, в отличие от цова-тушин, нередко именовали чагма-тушинами), они проживали в 45 селах. Общая численность последних составляла 4 174 человека в пересчете на 830 дымов. На цова-тушинском языке говорили 1 533 человека – в общем счете 337 семей. На одну семью цова-тушин в среднем приходилось 4,54 души. К 1886 году говорящих на тушинском диалекте грузинского языка тушин было почти в 2,7 раза больше, чем говорящих на цова-тушинском. По сведениям 1873 года, численность цова-тушин немного возросла и составила 1 571 человек. Согласно переписи 1831 года, число дворов цова-тушин составляло 278, а численность населения – 1 531 человек. Таким образом, в XIX веке на протяжении приблизительно 55 лет численность цова-тушин почти не изменилась, оставаясь в пределах 1 500 человек. Сегодня численность цова-тушин составляет около 2 000 человек (*Шавхелишвили 2001: 10*).

Кроме вышеупомянутых четырех цова-тушинских селений, в научной литературе называются еще четыре – Назарта, Надирта, Мозарта и Шавцкала, которые довольно рано превратились в

селища. Цовы (цовцы) первыми из тушин переселились на Кахетинскую равнину. В научной литературе называется разная дата их миграции, но, на наш взгляд, более всего реальности соответствуют 1830-е годы. В переписи 1831 года цова-тушины по-прежнему описаны в четырех населенных пунктах Цоватского общества (Сагирта, Индурта, Этельта, Царо). Только в отношении двух семей по фамилии Накветаури сделана приписка о том, что они проживают в равнинной части Кахети, в селе Бахтриони (последнее находится вблизи от селения Земо Алвани – нынешнего местожительства цова-тушин). Спустившиеся с гор цова-тушины не сразу поселились в Земо Алвани, где они живут сегодня. Миграция цова-тушин из горных районов – родных мест предков – была обусловлена двумя причинами: в 1830 году селение Сагирта сильно пострадало от обвалов, а жители других поселений в тот же период стали жертвами чумы. Согласно этнографическим материалам, именно эти обстоятельства – стихийное бедствие и эпидемия – вынудили цова-тушин мигрировать в низинные районы.

Как уже было сказано выше, в 1831 году цова-тушины по-прежнему числятся жителями селений Цовати. Такое же положение отражено и в архивных материалах 1841, 1873 и 1886 годов. Более того, согласно «Кавказскому календарю» 1910 года, официально цова-тушины еще не зарегистрированы как жители равнинного села Алвани (это село вообще не было внесено в список переписи), они по-прежнему приписаны к четырем цоватским селениям (Царо, Этельта, Индурта, Сагирта). По данным 1907-1908 годов, цова-тушин было 1 904 человека. Согласно этнографическим сведениям, после 30-х годов XIX века цова-тушины поднимались в горы только на летний период (именно тогда и проводились переписи). Их временная стоянка располагалась около Тбатана, в верховьях реки Алазани. Со временем Тбатана превратилась только в летнюю стоянку, а зимой цова-тушины стали отправляться на зимние пастбища тушин, расположенные в предгорье, на территории современных сел Земо Алвани и Квемо Алвани, где они строили временные жилища для зимовья. До поселения в Земо Алвани тушины зимовали в нескольких равнинных селениях Кахети: Бахтриони, Хорхели, Кистаури – и в Панкисском ущелье.

Таким образом, как видим, цова-тушины вели полукочевой образ жизни, который был обусловлен высоким уровнем развития у

них овцеводства начиная еще со средних веков. Для выгона многочисленных отар овец нужны были как зимние пастбища (на равнинных лугах), так и летние (горные) пастбища. Цова-тушины не кочевали семьями – овцеводством занимались только мужчины. Поэтому подобная форма овцеводства в научной литературе именуется полукочевой. Таким образом, наряду с оползнями и чумой, причиной миграции цова-тушин с гор являлась специфика их хозяйственной деятельности – полукочевое овцеводство. Кроме вышеупомянутых, в научной литературе называется еще одна причина переселения цова-тушин из Цовати. В частности, набеги кистин (чеченцев) – соседней этнической единицы негрузинского происхождения (*Бочоридзе 1993: 14*).

Строить дома в Алванской долине цова-тушины начали на рубеже XIX-XX веков, и часть их к этому времени уже зимовала здесь. Несмотря на то, что для цова-тушин ведущей отраслью хозяйства издавна являлось овцеводство, они успешно занимались и земледелием. Примечательно также, что мигрировавшие на равнину (в Земо Алвани) цова-тушины соблюдали обычай расселения, принятый у них в горах, - они селились по фамильному принципу.

Упоминание Тушети и тушин встречается уже в первых грузинских исторических источниках. Повествуя об обращении Грузии в христианство в начале IV века, Леонтий Мровели отмечает, что одна часть грузинских горцев – пховелы – не приняла христианство. Царскому чиновнику (эристави) даже пришлось применить силу оружия. Однако пховелы-язычники, не признававшие новую веру, переселились в Тушети (*КЦ 1955: 125*). В следующий раз тушины упоминаются историком Джуаншером при описании царствования Арчила в VIII веке (*КЦ 1955: 243*). Еще раньше тушины под именем «туски» встречаются в сочинении Птолемея Клавдия (II в. н. э.). Первые сведения относительно цова-тушин находим у автора первой половины XVIII века Вахушти Багратиони, который повествует об их языковых особенностях, а именно - о присущем им двуязычии. В грузинских исторических памятниках цова-тушины впервые упоминаются в одном из правовых документов 1754 года. В нем речь идет о том, что тушинский моурави (государственный чиновник) Зураб явился в село Сагареджо (Гаре Кахети) с тем, чтобы выяснить обстоятельства поимки местным жителем, неким Элизбаром некоего цова-

тушина Анта Ауашвили (*ППП 1972: 425*). В этом же документе, кроме Анта Ауашвили и его брата Чума, перечислены и другие цова-тушины: Ути Швелашвили, Сандаур Муштракалишвили, Уджи Берукашвили, Сагир Уджишвили. Здесь же упоминаются и два других говорящих на тушинском диалекте тушин – Гота Готадзе из Дочви и Давид Хеладзе из Шенако. Зарубежные авторы тоже не обошли тушин вниманием. Так, например, в 1771 году в Грузии путешествовал немецкий ученый Иоганн Антон Гюльденштедт, который в своей книге пишет о цова-тушинах, что они говорят «на кистинском с примесью грузинского».

Уже давно в научной литературе существуют разногласия по поводу цова-тушин. Кто они: коренные жители или мигранты? Почему одна этнографическая группа одного народа (этноса) лингвистически разделена на две разные части? Почему цова-тушины двуязычны? Некоторые исследователи в первую очередь подчеркивают то обстоятельство, что проживающие в нагорье Грузии (Тушети) цова-тушины упоминаются в исторических источниках и документах довольно поздно – лишь с XVIII века. Однако этот факт вовсе не свидетельствует о том, что они поздно (причем, с указанного периода) поселились в Тушети. Если они пришли с Северного Кавказа (как полагают некоторые исследователи, из Ингушети), то когда это произошло? В то же время возникает вопрос: с каких пор они стали двуязычными? Бесспорно одно, что до переселения в равнинные районы Грузии, еще в период их обитания в горах (Тушети), цова-тушины были двуязычны. В пользу этого соображения говорят и сведения Вахушти Багратиони и Иоганна Гюльденштедта. В Тушети цова-тушины жили в окружении грузиноязычных тушин. Две трети (т. е. основная часть) населения Тушети, как уже отмечалось выше, говорили на тушинском диалекте грузинского языка. Жизнь и быт цова-тушин нельзя представить вне связи с ними. Об этом свидетельствует и тот факт, что для цова-тушин и остальных тушин характерны одинаковый этнографический быт, традиции и обряды. Исторически у обеих этих этнографических групп были интенсивные контакты и хозяйственно-экономические отношения с равнинным регионом. Уже несколько столетий цова-тушины являются двуязычными. Как видно, взаимосвязи цова-тушин с грузиноязычными тушинами, а затем и с населением равнинных районов Грузии имеют давние традиции, поскольку, как уже

отмечалось выше, две трети их языка составляет грузинская лексика, а для этого им потребовался бы длительный период общения с грузинским этносом. Этнограф А. Шавхелишвили пишет: «Грузинский язык всегда был родным языком цова-тушин. Это еще раз подтверждается той огромной духовной литературой, которая хранится в краеведческом музее села Алвани. Население одинаково владело и грузинским и цова-тушинским языками» (Шавхелишвили 2001: 155). Известный этнограф 30-х годов XX века С. Макалатия же отмечал, что «цова-тушины говорят на цовском языке. По происхождению их язык галгайский (т. е. ингушский. – Р.Т.) и родствен кистинскому. Но в этом цовском языке много укоренившихся, заимствованных из грузинского языка слов. Цовцы любят свой родной язык и дома и вне его между собой разговаривают на нем. В их семьях цовский знают все - не знать язык просто стыдно. Дети цова-тушин начинают говорить на цовском и уже потом учат грузинский» (Макалатия 1983: 109).

Вернемся к вопросу поселения цова-тушин в нагорье Восточной Грузии. Ввиду отсутствия соответствующих письменных источников, мы не располагаем документальными материалами о данном факте. При рассмотрении этой проблемы единственным источником являются народные предания и языковые данные. Здесь же следует заметить, что ученые, изучающие вопрос о цова-тушинах, делятся на две группы: одни утверждают, что их предки пришли в горы Восточной Грузии с Северного Кавказа, в частности, из Ингушети; другие придерживаются противоположного мнения о том, что предки цова-тушин изначально же проживали в этих местах и никакими мигрантами не являются. Существует еще и третье соображение, развивающее вторую версию. Автор этой третьей версии заключает, что, будучи коренными жителями Тушети, именно цова-тушины, а не кто иные, упоминаются в древних источниках в качестве тушин, грузиноязычное же население пришло сюда из равнинной Грузии сравнительно позднее. А дальше уже на месте грузиноязычный этнос ассимилировался с цова-тушинами и произошло огрузинивание последних. Местный говор коренных тушин сохранился лишь в тушинском обществе Цовати. Автором этого соображения является Кизилашвили, который по образованию не является ни историком и ни лингвистом.

Сведения о переселении цова-тушин в нагорье Восточной Грузии – Тушети – с Северного Кавказа (из Ингушети) печатались еще в прессе XIX века, что позже нашло отражение и в научной литературе XX века. Главными аргументами в пользу подобных утверждений являлись устные предания и схожесть цова-тушинского языка с вайнахскими языками. Одним из первых подобное соображение в прессе XIX века высказал Иванэ Цискаришвили, сам по происхождению цова-тушин (*Цискаришвили 1843*). Эту точку зрения разделял и ученый-лингвист Акакий Шанидзе. По его мнению, «и предки грузиноязычных тушин говорили на цова-тушинском, а затем постепенно перешли на грузинский» (*Шанидзе 1972: 109*). Постольку, грузиноязычных тушин он рассматривал как население смешанного, грузино-вайнахского происхождения. О вайнахском происхождении цова-тушин писали и другие ученые: П. Усяр, В. Лагазидзе, Т. Утургаидзе, Дж. Степнадзе.

Из русских ученых этой проблемой наиболее активно занималась этнограф-кавказист Н. Волкова (*Волкова 1977: 84-89; Волкова 1973: 161; Волкова 1974: 153-156*). На основе существующей научной литературы и добытых ею (как среди цова-тушин, так и среди северокавказских ингушей) преданий она однозначно заключает, что в историко-этнографический горный край Восточной Грузии, в Тушети, цова-тушины мигрировали с Северного Кавказа, из Ингушети. Согласно собранным Н. Волковой преданиям, причиной переселения цова-тушин из Ингушети явился религиозный вопрос: их принуждали отречься от христианства и обратиться в мусульманство. Чтобы не принять ислам, они покинули свои места обитания и двинулись в горы Грузии. По другой версии, в Ингушети, где жили предки цова-тушин, была проблема малоземелья. Поэтому они решили искать для поселения новые, пригодные земли. Местность, из которой они мигрировали, называлась Вапи (Ваби).

Историю переселения цова-тушин с Северного Кавказа Н. Волкова записывала во время полевых экспедиций со слов самих цова-тушин: «Мы, цовцы, – грузины, но по происхождению кистины, и язык наш родствен кистинскому. На сегодня мы, цовцы, являемся частью тушин, но пришедшими с другой, западной стороны, из страны Галгай. Когда шах Аббас хотел обратить всех горцев в мусульманство, тогда галгайцы подались в горные районы Грузии» (*Волкова 1974: 84*). Н. Волкова даже указывает то

конкретное место, откуда мигрировали предки цова-тушин. Это местность близ села Эрзи в Джейрахском ущелье, именуемая Ваби (Вапи). Согласно ингушским преданиям, причиной переселения цова-тушин из Ингушети было малоземелье. Вместе с тем, согласно зафиксированным в Ингушети этнографическим материалам, предки мигрировавших из этих мест в Грузию цова-тушин, оказывается, сами были мигрантами – некогда они переселились в Ингушети из другой историко-этнографической провинции горной Восточной Грузии – из Хевсурети – и родственны хевсурам (Волкова 1973: 169). В другом труде тот же автор указывает на переселение части цова-тушинских фамилий из Архотского общества (Хевсурети). Опираясь на исторические сведения, среди этих фамилий этнограф в первую очередь выделяет многочисленную фамилию Цискаришвили (Волкова 1974: 152). Небезынтересно предание о том, что в Ликокском ущелье Хевсурети жили представители фамилии Бациони, которые переселились из этих мест в неизвестном направлении. С этой точки зрения, должно быть, примечательно и то, что в Хевсурети есть село под названием Бацалиго. Русский этнограф Н. Волкова отмечает также, что некогда население Майстинского общества Чечни в языковом и культурном плане было близко к грузинам и в прошлом исповедывало христианство. Более того, в чеченском селении Рошничу со слов респондентов Н. Волкова записала предание о том, что чеченцы общества Малхисти являются потомками грузинских горцев – хевсур. Потомками переселенцев из Грузии (Хевсурети) исследователь считает также жителей ингушского села Шуани в Мецхальском ущелье (Волкова 1973: 166, 168). Между прочим, вайнахи (чеченцы) называют грузинскую этнографическую группу пшавелов (пшавов), соседствующую с хевсурами, «шуо».

Вернемся к приведенному в книге Н. Волковой ингушскому преданию, свидетельствующему о родственности переселившихся из Ингушети в горную Грузию цова-тушин с грузинскими горцами хевсурами. Почти аналогичное предание записали мы в 2005 году у замечательного знатока старых историй и преданий Адама Алексеевича Чахрошвили (род. 1928 г.). Это предание ему хорошо известно с детства, он не раз слышал его от стариков: шесть чабанов из нескольких грузинских селений (пятеро из края Кизики и один – по фамилии Турашвили - из села Матани) в поисках

сочных пастбищ отправились в Пшави, в Гомецарское ущелье, где и остановились. Здесь, в Пшави, к пастухам присоединился человек по фамилии Швелури, который рассказал им о богатых пастбищах Джейрахского ущелья в Ингушети. Все эти семеро пастухов-грузин со своими семьями и отарами овец решили попытать счастья и перешли в Ингушети. Тут к ним присоединился еще один местный житель. Так в одном из ингушских селений появилось восемь новых фамилий (в том числе семь грузинских), представители которых со временем ассимилировались с коренными жителями. Для потомков грузинских пастухов ингушский стал родным языком. Несмотря на длительность проживания в Ингушети, потомки грузинских мигрантов постоянно испытывали притеснения со стороны ингушей, недовольных тем, что пришлые люди пользуются их пастбищами, да еще и осели на их земле. Поэтому пастухи-грузины со своими семьями были вынуждены покинуть Ингушети и перебрались в Чечню. Поменяв несколько мест обитания, они наконец осели в Итонхале. Пробыв здесь некоторое время, предки цова-тушин отправились в Пирикитское общество Тушети и расселились в трех здешних селах – Гиреви, Чонтио и Чиго. Затем они покинули и эти места, переселившись в Цовати. Восемь фамилий осели все по разным селениям. Первым, кто поселился в Цоватском обществе, был некто Цоэ (Цоа) по фамилии Чеичени. Но с ним не было ни членов его семьи, ни кого другого. Решение об окончательном поселении цова-тушин в Цовати было принято общим тушинским собранием, поскольку жители трех селений Пирикити (Гиреви, Чонтио и Чиго) сами испытывали нехватку земельных угодий. Поэтому первоначально своих покойников цова-тушины несли хоронить в пирикитское село Чонтио. От имени первого поселенца Цоа и пошло название всего общества Цоата (Цовата). Поселенцы сохранили свое, христианское вероисповедание, но сохранили ли они грузинский язык – неизвестно, во всяком случае, преданиями это не подтверждается. Бесспорно, что в XVIII веке цова-тушины были двуязычны. Наряду с цова-тушинским, они владели и грузинским. С этой точки зрения не меньший интерес представляет собой полученный той же Н. Волковой от одного очень пожилого респондента социальный документ о том, что галгайцы (ингуши) ставили себя выше жителей Вапи (откуда и переселились цова-тушины). У них был принят обычай кровной мести убивать взамен одного убитого галгайца

(ингуша) двух жителей Вапи (*Волкова 1973: 169*). Из этого материала явствует, что вапийцы, как пришлые люди, были чужды ингушам, которые, как коренные жители, ставили себя выше мигрантов.

По преданию, потомки перешедших в селение Ваби (Вапи) семи пастухов освоили местный, ингушский язык; здесь же продолжали жить еще два-три их поколения.

Согласно собранным Н. Волковой полевым материалам, предки цова-тушин переселились из Ингушети в Тушети во времена шаха Аббаса, хотя, следует заметить, что поход шаха Аббаса на Ингушети истории не известен. И вообще, определить время миграции цова-тушин для автора оказалось очень сложным делом. Согласно преданиям самих цова-тушин, они активно участвовали в Бахтрионской битве (1659 год). По нашим этнографическим материалам, в этот период цова-тушины обитали в трех вышеназванных селениях Пирикитской Тушети, не будучи еще жителями Цовати. Из этнографических материалов явствует, что тушинское собрание разрешило цова-тушинам поселиться в Цовати спустя три года после Бахтрионского сражения, т. е. в 1662 году. Как долго потомки цова-тушин жили в Пирикитском ущелье Тушети, из преданий определить весьма трудно. На наш взгляд, это был не малый промежуток времени, поскольку после переселения в Цовати они еще долгое время продолжали хоронить своих покойников в Пирикити.

У цова-тушин грузинские имена и фамилии – с грузинской основой (корнем) и грузинскими суффиксами. Их фамилии оканчиваются на -дзе, -швили или -ур(и). Хотя, разговаривая на своем языке, цова-тушины придают своим фамилиям специфическую форму. Замечено, что «одна группа цова-тушинских фамилий производится с помощью суффикса -гар, другая же – присоединением суффикса -ур-. В конце фамилий этой, второй группы добавляется еще элемент -и, выражающий множественное число» (*Чрелашвили 2002: 292*). Например, фамилия Апшинашвили на цова-тушинском звучит как Апшина-гар, Кавтарашвили – как Ковтар-гар, Чрелашвили – Чрела-гар, Швелашвили – Швела-гар, Вешгуридзе – Вешгур-гар, Хачиуридзе – Хачир-гар и т. д. Справедливо замечено, что элемент -гар выражает собирательность, принадлежность (*Чрелашвили 2002: 293*). Фамилии другого ряда в цова-тушинском, как уже сказано выше, образуются с

помощью элемента –ур-/р- (*Чрелашвили 2000: 294*). Например: Меотишвили – Мевт-ур-и, Мчедлишвили – Чедл-ур-и, Шалапишвили – Шалп-ур-и, Кадагидзе – Кадг-ур-и, Дингашвили – Динг-р-и, Цотоидзе – Цот-р-и, Лагазидзе – Лагз-ур-и и т. д. Суффикс –ур- цова-тушинского языка К. Чрелашвили считает субстратом грузинского языка.

Первоначально в каждом цова-тушинском селении жили представители одной фамилии. По этнографическим данным, это следующие фамилии: Пешкроу, Шуиртлоу (Шуртлоби), Чеичени, Швелури, Беихури, Царби, Бгуджроби и Уэдгара. Из этих, основных фамилий позже выделились (образовались) новые фамилии. Этот процесс протекал как в период горской жизни цова-тушин, так и после их переселения на равнину. Много фамилий возникло в результате обычая «шедзмавеба», т. е. поборатимства, или искусственного породнения. Предками представителей этих новообразовавшихся фамилий в большинстве своем были наемные пастухи – выходцы из разных уголков Грузии и из Северного Кавказа. В основу создания имен и фамилий цова-тушин выбирались имена знатных, почитаемых предков мужского пола. Все фамилии – и новые, и старые – представляли собой один родственный круг.

Относительно цова-тушинских фамилий вырисовывается весьма интересная картина. Например, в одной части селения Сагирта поселились потомки пшава Швелури, бывшего родом из Гомецари. Из фамилии Швелури произошли Дингашвили и Цискаришвили. Позднее из фамилии Цискаришвили выделилось несколько новых фамилий. В другой части Сагирта (именовавшейся в старину Цозта) жили представители фамилии Чеичени. Последняя включает приблизительно 12 фамилий: Шавхелишвили, Бабошвили, Басилашвили, Микеладзе, Бачулашвили, Джимшершвили, Итошвили, Чрелашвили, Пилишвили, Цихелишвили. Основная часть фамилии Чеичени вымерла. Прямыми преемниками этой фамилии считаются Сагишвили. Хотя, судя по другим сведениям, они являются потомками мигрировавших из Хевсурети Бердишвили. Остальные фамилии считаются произошедшими в результате искусственного породнения.

Поначалу в селе Этельта жили представители фамилии Пешкроу. Официально сегодня такой фамилии больше нет. В этой

фамилии объединены: Чахрошвили, Муштараули, Бахтаришвили, Баиндуришвили, Бадзошвили, Джихошвили, Баиадзе, Папашвили, Букураули, Бегумишвили, Халишвили, Накветаури, Чарелашвили, Галишвили, Шанкиашвили, Ожилаури. Прямыми потомками фамилии Пешкроу считаются только Бадзошвили. Остальные фамилии образовались в результате «шедзмавеба» или искусственного породнения с пришедшими со стороны. Несмотря на то, что 16 фамилий, проживавших в селе Этельта, не доводились друг другу кровными родственниками, между собой они в брак не вступали.

Основной фамилией жителей села Индурта была Шортиани (Шортиули). Сегодня они носят фамилию Шортишвили. Остальные фамилии Индурта возникли в результате искусственного породнения. Так, например, Лагазидзе пришли сюда из Пшави.

В селе Царо проживали: Уджираули, Сулханаури, Датоидзе, Хачиришвили, Жодуришвили. Их первофамилией считается Царозли (на цова-тушинском – Царби). На самом деле непосредственным преемником Царозли ни одна из вышеперечисленных фамилий не является. Все коренные жители села Царо умерли от чумы. По традиции горцев, тот, кто первым селился на месте вымершего села, объявлялся преемником и наследовал тамошнюю фамилию. На царойском селище таковым оказался Сулхан Ахалаури, который и принял фамилию Царозли. И хотя сегодня официальной (или, как говорят рассказчики, «дасацери» - записанной) фамилией потомков Сулхана Ахалаури является Сулханаури, население их по-прежнему называет Царозли (по-цовски – Царби).

В селениях Цова-Тушети, кроме цова-тушин, жили также мигранты из Пшави, Хевсурети, Кистети. Пришлые фамилии находились под покровительством местных фамилий, иначе говоря, были связаны с ними по обычаю «шедзмавеба» (побратимства и покровительства). По традиции, в горах Восточной Грузии община, приняв иноплеменника, помогала ему освоиться на новом месте. Происходило искусственное породнение коренных жителей и мигранта, к которому (а потом и к его потомкам) относились как к кровному родственнику. Чужеродец становился полноправным членом территориального общества (социума), что, как замечено, укрепляло социальное единство. А для горцев это единство было превыше всего (*Канделаки 2001*).

Главной фамилией села Мозверта является Баихоидзе. Как мы уже отмечали выше, из восьми пришедших из Ингушети в Тушети фамилий семь были грузинские (пять из Кизики, одна фамилия из Матани и еще одна пшавская, из Гомецари). Единственной фамилией ингушского происхождения считается именно Баихоидзе (Беихури). Позднее в фамилию Баихоидзе вошло более десяти фамилий. Собственно Баихоидзе из-за их злобного нрава все были истреблены тушинами, за исключением только одного хромого человека, которого из жалости оставили в живых. Потомками последнего являются Ахадишвили и Торгвашвили. По словам рассказчиков, ныне тоже живут Баихоидзе, но они в действительности являются потомками дидойских Шармадинов.

Согласно нашим этнографическим материалам, на сегодняшний день насчитывается всего 86 цова-тушинских фамилий, объединенных в восемь основных фамилий. Из этих восьми фамилий семь были грузинского происхождения и лишь одно – ингушского. Потомки семи грузинских пастухов, перешедших в Джейрахское ущелье Ингушети (местность Ваби) с женами и детьми, оставались здесь еще на протяжении двух-трех поколений. Ингушский стал для них основным разговорным языком, поскольку, благодаря брачным отношениям, они ассимилировались с местными ингушами. Семь грузинских фамилий, к которым в Ингушети добавилась еще одна ингушская, позднее перебрались в Тушети. К поселившимся в тушетских горах, а затем спустившимся на равнину цова-тушинам в разное время присоединилось немало фамилий из Пшави, Хевсурети и других краев. Искусственно породнившимися с цова-тушинами были преимущественно наемные пастухи, которые, обзаведясь со временем необходимым количеством собственных овец, выражали желание поселиться здесь же. Факт миграции отдельных фамилий из разных уголков Грузии подтверждается и документами камеральной переписи населения XIX века.

Языковые данные вполне совпадают с этнографическими. Лингвисты (М.Курдиани) отмечают, что цова-тушинский язык отличается от ингушского, он является другим языком. А если предки цова-тушин жили в течение двух-трех поколений в ингушском ущелье Джариах, то их язык не должен слишком отличаться от ингушского языка. В ответ на это замечание следует сказать, что в XIX веке, когда ущелье Джариах (где находилось

село Вап) было заселено, речь живших там ингушей отличалась от речи жителей остальной Ингушетии. По словам П.Услара, все вайнахи свободно понимали друг друга; исключение составляли джариахцы, которые разговаривали на весьма отличавшемся языке (Услар 1888: см. также: Анчабадзе, Волкова 1993: 134). Вообще XIX век для культур кавказских народов был периодом катастрофически трансформационным, что и наложило клеймо на языковое положение ингушей: «Имевшие тогда же место насильственное переселение ингушей из горной части Ингушетии на плоскостные земли и последовавшая за этим политика укрупнения населенных пунктов обусловили стирание языковых и других различий между представителями разных диалектов ингушских «племен». В крупных населенных пунктах совместно стали проживать представители различных этнических подразделений ингушей: галгай, фяппи, карабулаки (орстхоевцы). Данное обстоятельство оказало существенное влияние на формирование единого ингушского языка» (Албогачиева 2010: 471).

Таким образом, из восьми древнейших фамилий грузинской этнографической группы цова-тушин только одна фамилия имела негрузинское происхождение. Фактически, цова-тушины являются потомками мигрантов из разных историко-этнографических краев Грузии. Формирование этнографической группы цова-тушин происходило на фоне сложных социальных, культурных и хозяйственно-экономических процессов. Двухязычие цова-тушин было обусловлено длительным проживанием нескольких их поколений в ингушском поселении Вапи. С этнографической точки зрения цова-тушины не отличаются от остальных грузин. Их грузинское наречие было ближе к грузинскому литературному языку, чем говоры других соседних грузинских этнографических групп.

Литература

Албогачиева 2010 – Албогачиева М. С.-Г. Влияние образования на функциональное изменение ингушского языка. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб, 2010.

Арутюнов 1989 – Арутюнов С. А. Народы и культуры. – М., 1989.

- Арутюнов 2002** – Арутюнов С. А. Судьба малых народов в III тысячелетии христианской эры. – Встреча этнических культур в зеркале языка. – М., 2002.
- Бочоридзе 1993** – Бочоридзе Г. Тушети. – Тб., 1993. – Груз.
- Волкова 1973** – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
- Волкова 1974** – Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX века. – М., 1974.
- Волкова 1977** – Волкова Н. Г. Басбийцы Грузии: этнографические заметки//Советская этнография. - № 2. – 1977.
- Джорбенадзе 1995** – Джорбенадзе Б. Диалекты картвельских языков. – Тб., 1995. - Груз.
- Канделаки 2001** – Канделаки М.Б. Из истории традиционного быта грузинских горцев. – Тб., 2001. – Груз.
- КЦ 1955** – Картлис Цховреба (История Грузии) / Под. ред. С. Каухчишвили. – Тб., 1955. – Т. 1. – Груз.
- Курдиани 1997** – Курдиани М. Язык и народ // Кутаисские беседы. - 1997. Кн. IV. –Груз.
- Макалатия 1983** – Макалатия С. Тушети. – Тб., 1983. – Груз.
- Ониани 1997** – Ониани А. Грузия и грузинские языки // Кутаисские беседы. – 1997. – Кн. IV. – Груз.
- ПГП 1972** – Памятники грузинского права / Изд. И. Долидзе. – Тб., 1972. – Т. IV. – Груз.
- Путкарадзе, Киквидзе 1997** – Путкарадзе Т., Киквидзе З. Компоненты формации национального социолингвистического профиля // Кутаисские беседы. – 1997. – Кн. IV. – Груз.
- Цискаров 1848** – Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1848. № 7-12.
- Чрелашвили 2002** – Чрелашвили К. Цова-тушинский язык. – Тб., 2002. – Груз.
- Шавхелишвили 2001** – Шавхелишвили А. Тушины: историко-этнографическое исследование цова-тушин. – Тб., 2001.
- Шанидзе 1972** – Шанидзе А. Тушины // Мнатоби. – 1972. - № 2. – Груз.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА ЛАЙДЖЕЙ В ГРУЗИИ[©]

Грузия почти никогда не была моноэтнической страной. Хотя, в разные периоды истории количество негрузинских этнических единиц было различным. Разным было и процентное соотношение грузин и негрузин; например, после вхождения в Российскую империю этническая картина Грузии изменилась, здесь поселились новые этносы. Хотя численность грузин в XIX-XX веках значительно увеличилась, но в процентном соотношении к общей численности населения сократилась: в 1800 году грузины в Грузии составляли 89% населения, а в 1939 году – 61,4% (*Топчишвили 2008: 10-19*). Расселение в Грузии разных народов было обусловлено ее особым географическим расположением. К концу советского периода из негрузинских этнических единиц в Грузии в значительном количестве проживали: армяне, русские, осетины, абхазы, греки, айсоры (ассирийцы), евреи, курды и другие этнические группы, которые, вследствие своей малочисленности, не оказывали какого-либо влияния на этническую структуру страны. Несмотря на то, что в советский период в Советском Союзе, в том числе в Грузии, скрупулезно описывалась этническая ситуация, из поля зрения как ученых, так и государственных структур ускользнула одна этническая группа. Это *лайджы (лахиджы)*, которые и в переписях населения, и в официальных юридических документах, удостоверяющих личность, обозначались (числились) как азербайджанцы. Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство: народ под таким этнонимом нигде не засвидетельствован.

Лайджы проживают в **Гаре Кахети (Восточная Грузия), в селе Гомбори Сагареджойского района**. Хотя лайджей записывали как азербайджанцев, сами они себя таковыми не считали. Наряду с лайджским этническим сознанием, они обладают таким основным признаком этничности, как язык. Поскольку указанная этническая единица до сегодняшнего дня была не известна широкой научной общественности, постольку отныне такая информированность научным кругам необходима. **Приоритет**

[©] *Георгий Автандилашвили*

обнаружения лайджей принадлежит грузинскому ученому-востоковеду (иранисту) Манане Квачадзе, которая научно изучила лайджский язык, сыграв роль своего рода первопроходца в этом деле (*Квачадзе 1988; 1989; 1998; 2004*). Надо заметить, что автор статьи с детства был знаком с оригинальной этнической общностью лайджей, с которыми его даже связывают определенные родственные узы.

На каком языке говорят лайджы? – На татском. Но непременно следует подчеркнуть, что лайджы не идентифицируют себя с татами. И еще одно интересное обстоятельство: в селе Гомбори проживает и другая группа мусульман, именующих себя татами, но говорящих не на татском, а на азербайджанском языке. Они также во всех документах – и советских времен, и нынешних – зафиксированы как азербайджанцы. Эти две этнические группы исламского вероисповедания друг с другом общаются на азербайджанском языке.

Согласно добытым нами материалам, **в 2010 году в Грузии проживало от 300 до 400 лайджей**. В силу различных причин определить их точное количество невозможно. Лайджы – народ ираноязычного / татоязычного происхождения, а таты и сегодня живут в Азербайджане и Иране (в районах Зохра и Таликан), а также в Дагестане (*Топчшвили 2007: 109-114; Люшкевич 1972*). По языковым данным, **лайджский язык входит в юго-западную группу иранских языков и представляет собой один из диалектов татского языка**. Говор лайджей обнаруживает близкую генетическую связь с персидским и таджикским языками (*Квачадзе 2004*).

Согласно этнографическим данным, лайджы мигрировали в Грузию в начале XX века из Азербайджана, из села **Лахыдж** (Лахидж, Лагич) нынешнего Исмаиллинского района. Поначалу они рассеялись по разным селам Кахети – историко-этнографического края Восточной Грузии. В конечном счете, они осели в селе Гомбори Сагареджойского района. Основной причиной миграции лайджей была тяжелая социальная ситуация в Азербайджане, безработица, частые беспорядки и т. п., что мешало мирной и спокойной жизни населения. Первоначально в поисках работы в Грузию перебрались только мужчины средних лет, позднее они привели с собой и членов своих семей. Так произошло расселение лайджей в Грузии.

Как мы уже отмечали выше, специальной научной литературы о лайджах почти не существует, если не считать лингвистических исследований. Поэтому настоящая работа опирается исключительно на полевой этнографический материал, собранный в с. Гомбори. Большинство лайджей и сегодня живут в указанном селе, только отдельным участком. В этом же селе живут и записанные азербайджанцами азербайджаноязычные таты, грузины (переселившиеся с гор – из Пшави) и русские. Большая часть последних в постсоветский период переселилась в Россию, поскольку это были преимущественно советские военнослужащие и их семьи.

Таким образом, **этническая группа лайджей проживает в Грузии уже сто лет.** Установить достоверно демографические сведения о лайджах не представляется возможным из-за того, что, как уже говорилось выше, в Гомбори живет азербайджаноязычное население, представители которого считают себя татами и которые также числились азербайджанцами. С этой точки зрения, своего рода помехой является и то, что в селе немало смешанных семей из представителей этих двух этнических единиц. Чтобы разобраться в реальной ситуации, необходимо было уточнить сведения архивных материалов советского периода непосредственно на месте, в ходе полевой экспедиции. Были детально обработаны подымные описи Гомборского сельсовета за несколько лет, самые ранние из которых относятся к 1938-1939 годам. Наиболее полными представляются списки 1964-1966 и 1986-1990 годов, так как в 1989 году в Грузии был зафиксирован самый высокий показатель численности населения, следовательно, и по разным этническим группам. Исследование опирается и на самые последние сведения, относящиеся к 2008-2010 годам.

Первый архивный документ, касающийся мусульманского / «татарского» населения села Гомбори, датируется 1924 годом. Это протокол № 10 Гомборского общинного совета, в котором читаем: «1924 года июля месяца 11-го дня в селе Гомбори состоялось собрание угольщикoв-татар, на котором

присутствовало женщин и мужчин до 200 душ». Таким образом, в 1924 году в Гомбори насчитывалось около 200 взрослых «татар». Естественно, на собрании не присутствовали несовершеннолетние жители села, так что, предположительно, детей тоже было бы не менее 200. В то же время, надо учесть, что в указанном

количестве участников собрания подразумевались не только лайджы, поскольку, кроме них, в деревне проживали и азербайджаноязычные таты. По традиции, термином «татары» в начале XX века грузинское население обозначало всех живших в Грузии мусульман, т. е. под «татарами» подразумевались и тюркоязычные азербайджанцы, и ираноязычные народы. Поскольку во всех документах рассматриваемого и последующего периода – в подымных списках 1938 года – мусульманское население официально упоминается сначала под этнонимом «татары», а затем как «азербайджанцы», стало необходимым выяснить непосредственно у респондентов, у всех мусульманских семей, кто из них являлись ираноязычными / татоязычными лайджами, а кто – нет.

Согласно этнографическим материалам, азербайджаноязычные «таты» мигрировали в село Гомбори тогда же, когда и лайджы, с той лишь разницей, что предки первых пришли сюда на заработки из Иранского Азербайджана. Большинство мигрантов из Иранского Азербайджана расселились по деревням Квемо Картли и Кахети, определенное количество осело в Гомбори. Часть пришедших в Грузию азербайджаноязычных татов, как они сами утверждают, знали и второй язык - фарси.

Сегодня численность азербайджаноязычных татов и лайджей в Гомбори примерно одинакова, хотя, как выясняется, в 1924 году численность лайджей ненамного превосходила азербайджаноязычных татов. У упомянутых двух этнических групп, связанных общностью этнического происхождения, сегодня фактически нет ничего общего. В советский период общим у них было то, что обе группы были записаны азербайджанцами, и они общались между собой на азербайджанском языке. Как известно, татский язык относится к юго-западной группе иранских языков. Язык проживающих в Азербайджане татов-мусульман бесписьменный, поэтому языком их культуры и образования является азербайджанский. Азербайджанский язык глубоко укоренен в семейных и бытовых отношениях татов. У современных татов двуязычие носит всеобщий характер. Как полагают ученые, таты по происхождению являются персами, переселившимися в Азербайджан во времена последних Сасанидов. Реальными потомками именно этих татов являются проживающие в Гомбори лайджы, о чем свидетельствует их языковое родство.

Из этнографических данных явствует, что вторым языком гомборских татов был фарси, на котором они, однако, не общались с лайджами. Вторым языком азербайджаноязычных татов, действительно, должен был быть фарси. Пришедшие из Иранского Азербайджана, они, естественно, владели государственным языком Ирана. Вышесказанное не исключает того, что гомборские таты действительно являлись потомками татов, ассимилированных в азербайджанском окружении. Единственное, что у них сохранилось – это этноним.

Исходя из этнографических данных можно доподлинно утверждать, что живущие в Гомбори и лайджи, и азербайджаноязычные таты реально являются татами, только последние, с культурной точки зрения, уже являются азербайджанцами. Их этническая трансформация имела место не после миграции в Грузию; она произошла в Иранском Азербайджане. Как замечено в этнологической научной литературе, в Иране переход татов с татского языка на тюркский – обычное дело: «Автор, рассказывая о селениях равнинного района Зохра, подчеркивает, что там гораздо сильнее сказывается влияние общеевропейской культуры и соседнего азербайджанского населения. По образному выражению Джалал Ал-и Ахмада, азербайджанский язык, идущий от Зенджана и Марагэ, подобно урагану сметает на своем пути все встречающиеся иранские говоры и диалекты. В результате из 28 селений, входящих в район Зохра, автор называет только 9 (селения Сагзабад, Ибрахимабад, Шал, Исфарварин, Хейра, Хузинин, Такистан, Данисфан, Иштихард), где основным языком остается тати» (*Люшкевич 1972: 194*).

Подавление (вытеснение) в Иране татского языка азербайджанским зафиксировано в научной литературе середины XX века. По-видимому, забвение в татских селениях иранского говора и переход на тюркский имели место и в начале XX века. Следовательно, проживающее в Гомбори азербайджаноязычное население, записанное азербайджанцами, - по происхождению действительно таты, некоторые представители которых к моменту миграции в Грузию, наряду с азербайджанским, знали и язык предков – фарси.

Как мы уже отмечали выше, лайджи переселились в Грузию из Азербайджана. Проследим путь их миграции. Лайджи пришли в Гомбори из азербайджанского села Лахыдж, где часть их соплемен-

ников называются татами. Село Лахыдж находится на южном ответвлении Главного Кавказского хребта, в ущелье реки Гир-Дыманчай. К концу XIX века, в частности согласно посемейным спискам 1886 года, в Лахыдже проживало 6 914 душ (686 дымов) (*Свод... 1893*), а в 1908 году – 6 515 душ (*КК 1910*). В 80-х годах XX века население Лахыджа сократилось до 2 000 душ (350 дымов). «Местная легенда относит основание Лахыджа к незапамтным временам, а именно, к периоду царствования внука мифического царя Кей-Кавуса – Кей-Хосрова Первого. По преданию лайджей, они являются непосредственными потомками переселенцев из Персии, из Махал-Лахиджана. Согласно легенде, уставший от нескончаемых войн иранский шах Кей-Хосров после убийства туранского царя Афрасиаба, спасаясь от мести, навсегда покинул Иран и поселился на Кавказе. Это место, по аналогии с Махал-Лахиджаном, было названо Лахыдж. Как гласит предание, Кей-Хосров умер в Лахыдже, где его и похоронили на кладбище Завара» (*Квачадзе 1988*).

«На рубеже прошлого столетия домашним языком лайджей являлся тати, а для общения с представителями других этносов они использовали «татарский» («татарами» называли дореволюционных азербайджанских тюрок). Для письменного производства использовался персидский язык, учеба в мектебах (начальных школах) также велась на персидском. На сегодняшний день население Лахыджа билингварно, языком образования и культуры является азербайджанский, здесь одна азербайджанская школа. Относительно татов мнения расходятся: одни отождествляют лайджей и татов, следовательно, лайджский и татский языки, другие категорически отрицают это тождество; некоторые считают себя иранцами, некоторые – йеменцами, часть предпочитает считать себя аборигенами Азербайджана, часть считает прародиной лайджей иранский город Лахиджан, являющийся важнейшим пунктом провинции Гилян» (*Квачадзе 1988: 14-15*). Эти данные, приведенные в лингвистической научной литературе, касаются жителей села Лахыдж, что в Азербайджане.

У лайджей, проживающих в грузинском селе Гомбори, иное представление о себе. Несмотря на то, что лайджский говор является диалектом татского языка и, естественно, лайджы по происхождению являются этническими татами, они (лайджы) отрицают всякую связь с татами. Примечателен один факт: в

посемейных списках 1886 года все население азербайджанского села Лахыдж зафиксировано как «таты». Предположительно, сами жители так представили себя царским чиновникам, проводившим перепись, тем более что они говорили и на татском языке. В таком случае вызывает удивление факт забвения этнонима и собственного происхождения. Мы все-таки склоняемся к мысли, что у всего татоязычного населения Азербайджана не было обобщающего этнонима «тат» и что, скорее, государственные чиновники указали национальность граждан как «таты», поскольку они говорили на татском языке. Общеизвестно, что нередко на Кавказе у одного этноязыкового единства не было общего этнонима. Примером тому может служить хотя бы дагестанский материал: «Известно, что в прошлом, даже вплоть до Октябрьской революции, у многих дагестанских народов, в том числе и наиболее крупных, не было своих единых этнических имен, как, например, в настоящее время – аварцы, даргинцы, табасаранцы, лезгины и др. А. Дир писал: «У некоторых народностей Дагестана мы встречаем странное явление: у них не существует общего названия для обозначения народа и области, в которой распространен язык данного народа» [Абдуллаев, Михайлов 1971: 16]. Таким образом, топоним и этноним выражались одним и тем же словом. Вероятно, аналогичную ситуацию мы имели и в случае с татоязычным населением Азербайджана, и поэтому мигрировавшее из села Лахыдж в Грузию население именуется не татами, а лайджами. Такая обстановка сохранилась по сей день, и реально мы имеем дело с этнической группой лайджей.

Вышеприведенное суждение подтверждается и тем фактом, что к 1908 году ситуация меняется, и то же самое население, которое в 1886 году в селе Лахыдж было записано как «таты», спустя каких-то двадцать лет зафиксировано как «татары». То есть в ходе переписи этих жителей зафиксировали под этнонимом самого многочисленного этноса – «татары», поскольку в то время этноним «азербайджанцы» еще не употреблялся. Бесспорно, этноним «лайджы» (тот же топоним) мигранты принесли с собой.

Группа, мигрировавшая из татской этноязыковой среды, окончательно порвав связь с соотечественниками, осмыслила себя лайджами, а этот термин изначально все же обозначал место жительства, и назвала свой разговорный язык лайджским. О том, что предки лайджей использовали это самоназвание еще задолго до

прихода в Грузию, очевидно, свидетельствует то обстоятельство, что на кизикском диалекте грузинского языка слово «лайджи» означает кусок меди или изделие из меди, а «мелайдже» - медник, мастер, изготавливающий из меди холодное оружие и различную медную утварь (*Глонти 1974*), что не должно быть случайным совпадением, поскольку в Азербайджане именно Лахыдж славился искусными мастерами по меди. Так же интересно происхождение этнонима «тат». Как известно, этот термин распространен не только на Кавказе, но и во всей Средней и Передней Азии, и он впервые появляется еще в I веке до н. э. По мнению ученых, термин «тат» обозначает ираноязычное население в целом. Современные исследователи считают, что таты – потомки древнеиранского народа, в языке и культуре которых еще сохранились архаичные элементы (*Квачадзе 1988*). В тюркоязычном же мире термин «тат» содержит негативный оттенок, являясь синонимом нищего, попрошайки, прислужника, хотя это не всегда было так. Первоначально указанный термин означал аборигена, коренное население; в иранском языке он и сегодня употребляется в том же значении. Как отмечают ученые, в тюркских пословицах содержится насмешливо-уничужительное отношение к татам. И вообще, у кочевого тюркоязычного народа-завоевателя всегда было высокомерное отношение к коренному оседлому населению (*Квачадзе 1988*). Не исключено, что подобное оскорбительное отношение к татам явилось дополнительным фактором, побудившим проживавших в Лахыдже татов сменить этноним на «лайджи», которым они и стали себя именовать.

Как было сказано выше, причиной миграции лайджей в Грузию являлись тяжелые социально-бытовые условия, нужда, голод. Мигранты первоначально расселились по всей территории Кахети: одни обосновались в селе Гомбори, другие – в селе Палдо, третьи – в селах нынешнего Телавского района, четвертые – в так называемом «Баронском лесу». Словом, лайджи селились там, где находили работу. Главным образом, они занимались довольно трудоёмким делом – обжигом угля, поэтому им приходилось жить в лесах в невыносимых условиях. Спустя определенное время, более или менее обустроившись на новом месте, лайджи привезли из Лахыджа свои семьи и навсегда остались жить в Грузии. По информации рассказчиков, они мигрировали в Восточную Грузию, в частности Гаре Кахети, недалеко от Тбилиси, в 10-20-х годах

прошлого столетия. Конкретно в Гомбори лайджы сконцентрировались накануне Второй мировой войны. Нынешние гомборские лайджы поименно помнят своих предков-мигрантов.

Таким образом, обитавшие первоначально в лесах Сагареджойского и Телавского районов лайджы и таты (азербайджано-язычное население), в конечном счете, обосновались в Гомбори к началу 1940-х годов. Тогда большую часть жителей села составляли русские – по причине дислокации здесь советской военной базы. Поэтому языком общения и культуры для лайджей преимущественно являлся русский. Через одно поколение – к 1964 году – большинство населения Гомбори уже составляли грузины. С ними лайджы общались по-грузински. Кроме того, живя в Грузии, для лайджей важно было знать грузинский как государственный язык. Параллельно, все лайджы владели знакомым еще с Азербайджана азербайджанским языком, который был для них вторым языком и на котором они контактировали также с мигрировавшими из Азербайджана татами. В итоге, сложилось так, что лайджы владели четырьмя языками: лайджским (фактически, татским), азербайджанским, русским и грузинским. Хотя после обретения Грузией независимости русский язык сдал ведущие позиции, но для старшего и среднего поколения лайджей он по-прежнему остается одним из разговорных языков, поскольку многие из взрослых лайджей получили русское образование. На сегодняшний день лайджы находятся в некотором универсальном положении: в пределах села их основной разговорный язык грузинский; если рядом нет грузин, и они общаются с татами, – азербайджанский; в семье, между собой, они преимущественно говорят на лайджском. Наблюдается еще одна тенденция: среди лайджей нередки смешанные браки. Поэтому в таких семьях подчас и не говорят на лайджском, а некоторые представители молодого поколения уже и вовсе не знают родного языка.

Ко времени прихода в Грузию уровень образованности лайджей и татов был очень низким. Большинство их вообще были безграмотны. Весьма смутное и порой неверное представление они имели о своем прошлом, о своей истории. В Гомбори функционировало две школы: грузинская и русская, и лайджы по собственному усмотрению решали, в какую из них отдавать детей. Лайджы переняли много культурных и бытовых элементов от грузин и русских. Живя в Азербайджане, по религиозным

соображениям, лайджи избегали принимать алкогольные напитки и некоторые продукты питания, в Грузии же таких запретов у них нет. Внутри села часты случаи искусственного породнения с грузинским населением, крестными многих азербайджанских детей являются грузины. Бывает, что лайджи ходят в грузинские/христианские молельни и вместе с грузинами справляют христианские праздники.

После миграции в Грузию численность лайджей постепенно возрастала. Согласно подымной описи Гомборского общинного совета 1938-1939 годов, все население села составляло 197 дымов (861 человек). Из них большинство составляли русские – 146 дымов (629 душ). Кроме того, в Гомбори проживало 13 грузинских семей (54 души), тюрков – 25 семей (125 душ) и «татар» - 13 семей (53 души). В Гомборский общинный совет в ту пору входило и село Палдо, где проживало 7 семей (38 душ) «татар». В общем счете, в Гомбори и его окрестностях на тот период проживало 45 семей (216 душ) «азербайджанцев», из которых 28 семей (132 человека) были лайджи, а 16 семей (81 человек) – «таты». Данные 1938-1939 годов несколько неясны, так как в описи по отдельности фигурируют «татары» и «тюрки». Таким обозначением, по-видимому, хотели размежевать азербайджаноязычных «татов» и татоязычных / ираноязычных лайджей. Хотя перепроверка на месте не подтвердила этого предположения, поскольку «тюрками» были записаны и лайджи, и «таты». Указанные подымные реестры подтверждают и наличие смешанных семей. Было зафиксировано 10 фактов бракосочетания между лайджами и татами. Браков с грузинами или русскими мусульмане тогда не заключали.

По данным 1964-1966 годов, все население Гомбори насчитывало 327 семей (1220 душ). Основную массу составляли «азербайджанцы» - 115 семей (571 человек), далее шли грузины – 111 семей (402 человека), русские – 98 дымов (236 душ). Было и три армянские семьи (11 душ). Как видим, за 25 лет произошли значительные изменения. Население села увеличилось приблизительно на 30% - в основном, за счет прироста грузин и азербайджанцев. Хотя следует заметить, что увеличение численности грузин было обусловлено механическим фактором - их приходом в Гомбори из других сел (т. е. миграцией), а численность азербайджанцев увеличилась в 2,5 раза за счет естественного прироста (т. е. за счет увеличения рождаемости). В указанный

период не зафиксировано ни одного факта миграции из Азербайджана. Бросается в глаза значительное уменьшение численности русских - примерно на 65%, что, в основном, было обусловлено механическим приростом грузин и естественным приростом «азербайджанцев». В населении, записанном как «азербайджанцы», выделяются 306 лайджей и 265 «татов».

К 1986-1990 годам население Гомбори несколько сократилось, составив 1075 душ (363 семьи). Отсюда, основную часть населения по-прежнему представляли «азербайджанцы» (реально, татоязычные лайджи и азербайджаноязычные таты) – 521 человек (142 дыма), грузины – 446 человек (166 дымов), русских насчитывалось 96 человек (50 дымов). В указанные годы в Гомбори из 521 азербайджанца лайджей было 289 душ, татов – 236 душ. В этот период заметно возросло количество смешанных семей – таковых оказалось 46 семей. В 29 случаях, т. е. приблизительно в 70% случаев, участниками смешанных браков являлись «азербайджанцы», что свидетельствует об их тесной интеграции с односельчанами.

Согласно статистике 2008-2010 годов, в Гомбори проживало всего 280 семей (850 душ), из которых грузины составляли 147 семей (361 человек), «азербайджанцы» - 113 семей (450 человек). В числе «азербайджанцев» лайджей было около 300 человек. Значительная часть «азербайджанского» населения Гомбори мигрировала в разные края Грузии, поэтому установить их точное число не представляется возможным. Количество покинувших село жителей колеблется в пределах 300-400 человек.

Проживание в селе Гомбори бок о бок нескольких этносов обусловило формирование здесь своеобразных культурных отношений. В частности, лайджи почти полностью переняли грузинские свадебные обычаи и обряды. Влияние родителей в выборе жениха или невесты для своих детей ныне уже не так велико, как это было в прошлых поколениях. Молодые вступают в брак преимущественно по обоюдной симпатии и любви. Ослаб институт свахи, хотя браки по сватовству все еще встречаются. Свадьбу, как правило, празднуют всем селом. Свадебное застолье в основном аналогично грузинскому, вплоть до обычая тамады и традиционной последовательности тостов. Большинство блюд грузинские, хотя свадебный стол изобилует разнообразными сладостями; непременным атрибутом является плов. Сотрапезники

не отказываются от алкоголя, предпочитая вино или водку. Хотя сегодня лайджи справляют свадьбу по грузинскому обычаю, в первой половине XX века они следовали своим традиционным ритуалам и максимально соблюдали их, несмотря даже на крайнюю нужду.

Брачный возраст у лайджей не был строго оговорен, хотя они в основном вступали в брак в возрасте 13-14 лет. Сначала отец жениха в сопровождении нескольких близких родственников без подарков шел в семью невесты для предварительных переговоров. Здесь, в семье невесты, по одну сторону садились гости – отец жениха с сопровождающими лицами, а по другую сторону – родственники невесты. Начинались переговоры. Стол накрывался только после того, если отец невесты давал согласие. К столу, в первую очередь, подавали сладости, затем плов и в завершение – чай. В случае согласия, день обручения назначался попозже, в зависимости от того, сколько времени требовалось обеим сторонам, чтобы подготовиться к торжеству. Ко дню обручения семья жениха готовилась тщательно и заблаговременно: на большой красиво оформленный поднос клали различные лакомства, традиционные пирожные «шакарлама», пироги, фрукты и т. д. С этим подносом сторона жениха отправлялась в дом невесты, где также все уже было готово для встречи гостей. Во время обручения рассматривался вопрос приданого невесты. Жених был обязан принести в семью невесты «мосакитхи» - специальный свадебный гостинец (подобная традиция была распространена во всей Грузии, только у мусульман этот гостинец назывался «рдзис сапасури» - досл.: «цена молока»). «Мосакитхи» мог быть любым – начиная от домашних продуктов (сахар, чай, мука, рис) и кончая крупным рогатым скотом – в зависимости от имущественного состояния семьи жениха. После того, как семьи договаривались о размере и характере приданого, жених надевал на палец суженой обручальное кольцо, и стороны обменивались заготовленными подарками. На этом церемония обручения завершалась, начиналась подготовка к предстоящей свадьбе.

В назначенный день свадебное торжество начиналось с семьи невесты. Здесь с утра был накрыт небольшой свадебный стол, на который приглашались только ближайшие родственники и соседи. Непременно приглашали певцов и музыкантов, игравших на гармонии и доли. На столе опять-таки был широкий ассортимент

сладостей и блюд. Пока гости были заняты трапезой, невеста собирала приданое и готовилась к встрече жениха. В полдень или к вечеру жених с дружками приходил в дом невесты, где его встречали с песнями и танцами. Он также вовлекался в этот веселый хоровод. Когда наступало время забирать невесту, отец невесты требовал за нее выкуп от зятя. Тот отказывался, и начиналось состязание. От каждой из сторон выходило по одному борцу, которые вязывались в поединок. Если побеждала сторона жениха, невесту забирали без выкупа. Если побеждал борец со стороны невесты, тогда жених был вынужден заплатить выкуп, и только после этого он мог забрать невесту. Впереди свадебной процессии, направлявшейся к дому жениха, шла девочка с факелом в руке, а за ней – все остальные участники свадьбы с песнями, танцами, шутками. Между тем, в доме жениха пир уже шел горой, и пришедшие гости присоединялись к застолью. На свадебном столе были различные яства, какие позволяли материальные возможности семьи. Но обязательными блюдами являлись плов, баранина, сладости и фрукты. Тогда алкогольные напитки у лайджей были категорически запрещены (сегодня, как мы уже отмечали выше, они разрешены). Пиршество продолжалось долго и заканчивалось только в полночь.

В середине 80-х годов XX века при изучении лайджского говора был засвидетельствован такой обычай: «Ночью, после ухода гостей (т. е. после застолья в семье жениха) новобрачные выходили в отдельную комнату, где за занавеской скрывались два соглядатая (свидетеля). Как правило, свидетелями выбирали посторонних, непредвзятых людей, которые могли бы дать объективный ответ родителям жениха. Если все заканчивалось честь честью, наутро поздравляли родителей невесты. Этот обычай существовал в прежние времена. Его наши предки давным-давно принесли из Лахыджа. Например, мои родители так поженились» (*Квачадзе 1988: 57*). Ныне этот обычай предан забвению, он не встречается в лайджской действительности. Из первой волны лайджских мигрантов в живых не осталось никого, кто бы мог засвидетельствовать данный факт.

Теперь относительно погребальной традиции у лайджей. Она тоже почти полностью трансформировалась под влиянием грузинского и русского обрядов. Но еще одно поколение назад лайджи хорошо помнили и соблюдали свои собственные обычаи.

Согласно старому обычаю, сначала совершали омовение усопшего, затем читали заупокойные молитвы. Первоначально молитвы возносил молла, а после того, как в Гомбори не стало мусульманского священника, эту функцию выполнял кто-либо из сельчан (они записали от моллы тексты молитв и теперь сами читают их). В Гомбори все молитвы читаются на азербайджанском языке. После отпевания покойника заворачивали в белый саван; если умерший был молодым, его одевали, а если пожилым – нет. Во время похорон, как правило, все помогали друг другу. Интересно рассматривать могилы на лайджском кладбище Гомбори. Тут и при беглом взгляде видно, как менялся с течением времени обряд погребения. Самые старые могилы сделаны по восточному обычаю: они не отличаются богатым убранством, на них установлен один высокий камень без надписи и изображения (по мусульманской традиции, захоронение вскоре же должно быть стерто, поэтому могилы внешне очень непретенциозны, и на них отсутствуют надписи и иные элементы декора). На могилах более поздней поры постепенно появляются сначала надписи, затем изображение покойника и изгородь вокруг могилы. Если присмотреться к могилам захороненных бок о бок представителей разных поколений, например, дедушки и внука, станет очевидным, как на протяжении двух поколений изменился обычай погребения.

Сегодня лайджи тесно интегрированы с грузинами, но, разумеется, у них есть свои характерные признаки, которыми они отличаются от местного населения. Прежде всего, надо сказать о лайджской кухне, довольно отличающейся от грузинской: лайджские блюда более тяготеют к восточным традициям питания, и это вполне естественно. Главной пищей лайджей является приготовленный различными способами рис, мясо (говядина, баранина), по религиозным соображениям они не ели свинину, хотя сегодня почти все лайджи едят её и даже разводят свиней. Среди лайджей очень популярны всякого рода лакомства и сладкая выпечка, рисовый плов «Оши», лепешки с сахаром, растительная пища «Дгао», хинкали из мацони и др.

Между лайджами и грузинами сложились довольно доброжелательные и показательные отношения. Лайджи активно интегрированы в грузинское общество. Нынешние лайджи все говорят по-грузински (вообще, они говорят на четырех языках), живут в соответствии с законами грузинского государства и

считают себя полноправными и достойными гражданами Грузии. В то же время они не утратили своей самобытности, родного языка и стремятся лучше познать историю своего этноса. Для сближения с грузинами они, в основном, используют форму искусственного родства (кумовство). В данном случае религиозный фактор не является препятствием. Нередки смешанные браки между грузинами, русскими и «азербайджанцами» (татоязычными лайджами, азербайджаноязычными татами). Примечательно, что лайджы-мусульмане (шииты) посещают грузинские храмы и вместе с грузинами отмечают их праздники, так же как грузины справляют главный праздник мусульман Курбан-Байрам. Что очень важно, лайджы и таты, по примеру грузин, отказались от допускаемой исламом эндогамии (брака между родственниками). Кроме того, они впитали от соседей много бытовых элементов, в том числе институт тамады. С установлением независимости и обретением религиозной свободы в Грузии, в Гомбори общими усилиями населения (в том числе грузин) был построен специальный ритуальный дом, в котором мусульманские жители села отмечают свои религиозные праздники.

Жизнь в четырехязычной среде Гомбори способствовала распространению различных культурных характеристик среди татоязычных лайджей и азербайджаноязычных татов. Тут на редкость интересная языковая обстановка. Лайджы говорят на четырех языках, таты – на трех. У одной части лайджей и татов раздвоенное сознание: считая себя частично азербайджанцами, они все-таки подчеркивают, что являются лайджами и татами. Такая двойственность сознания обусловлена, видимо, тем обстоятельством, что немало культурных характеристик ими усвоено от азербайджанцев, а также тем, что и в советский период, и сегодня в официальных переписях и прочих государственных документах они числятся азербайджанцами.

Литература

Глonti 1974 – Глonti А. Словарь грузинских говоров. – Тб.
Абдуллаев, Михайлов 1971 – Абдуллаев И. Х., Михайлов К. М. К истории дагестанских этнонимов **лезг** и **лак** // Этнография имен. – М.

Квачадзе 1988 – Квачадзе М. Материалы к изучению говора гомборских лайджей. – Тб.

Квачадзе 1989 – Квачадзе М. Образцы говора гомборских лайджей // Востоковедение. – Тб. – С. 203-210.

Квачадзе 1998 – Квачадзе М. О значении экстралингвистических факторов во время языковых контактов // Востоковедение 327. – Тб. – С. 37-46.

Квачадзе 2004 – Квачадзе М. Вопросы говора гомборских лайджей // Востоковедение 361. – Тб. – С. 179-186.

КК 1910 – Кавказский календарь, 1910, ч. 1.

Люшкевич 1972 – Люшкевич Ф. Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана // Этническая история народов Азии. – М. – С. 193-211.

Свод... 1893 – Свод статистических данных о населении Закавказского Края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. – Тифлис.

Топчишвили 2005 – Топчишвили Р. Этноисторические этюды. – Тб.

Топчишвили 2008 – Топчишвили Р. Этнология Грузии. – Тб.

Архив Сагареджойского района, подымная опись села Гомбори, 1938-1939 гг., фонд № 51, архивный № 31-33.

Архив Сагареджойского района, подымная опись села Гомбори, 1964 год, фонд № 51, архивный № 71-74.

Архив Сагареджойского района, Гомборский сельский совет, подымная книга 1986-1990 гг., ф. № 51, оп. № 1-4.

Архив Сагареджойского района, различные протоколы Гомборского общинного совета, 1924 год, ф. № 305, оп. № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакторов	3
Предисловие.....	6
Какую территорию охватывает Кавказ?.....	8
Этническая обстановка на историческом и современном Кавказе.....	16
О причинах этнической пестроты и многоязычия в Дагестане..	30
Об «Кавказской цивилизации».....	42
История миграции осетин в Грузию	81
Об этнической принадлежности двалов	88
Об осетинской мифологеме истории и кража истории.....	124
Ареал первоначального расселения предков осетин – аланов ...	177
Об этногенезе осетин	213
Цова-тушины	239
Этническая группа лайджей в Грузии (Г. Автандилашвили).....	255

Издательство “УНИВЕРСАЛ”

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 2 22 36 09, 5(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge